Элизабет Эбботт
История куртизанок

Элизабет Эбботт

История куртизанок

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6980222
История куртизанок: Этерна; М.; 2014
ISBN 978-5-480-00327-7

Аннотация

Книга канадской писательницы и историка Элизабет Эббот «История куртизанок» посвящена женщинам, связавшим свою жизнь с женатыми мужчинами – от самой первой известной из письменных источников любовницы – Агари, египетской рабыни, о которой в Библии сказано, что она была близка с Авраамом, наложниц в Китае и гейш в Японии до современных куртизанок на протяжении всей известной истории таких отношений.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1 12
Агарь 13
Аспазия2 16
Коринна5 21
Долороза10 29
ГЛАВА 2 35
НАЛОЖНИЦЫ В КИТАЕ1 36
Юйфан 39
Мэй-Йин5 40
НАЛОЖНИЦЫ В ЯПОНИИ6 45
Дама Нидзё9 47
ГЕЙШИ 49
НАЛОЖНИЦЫ ГАРЕМА 53
Роксолана11 53
Цыси14 58
ГЛАВА 3 70
Нелл Гвин2 72
Жан на-Антуанетта де Помпадур9 77
Жанна дю Барри14 83
Лола Монтес18 87
Катарина Шратт25 91
Алиса Кеппел26 95
Елена Лупеску31 98
Камилла Паркер-Боулз47 105
Конец ознакомительного фрагмента. 111

Элизабет Эбботт
История куртизанок

Памяти моей тети Маргарет Эббот Камерон, первой женщине в Канаде, участвовавшей в автомобильных гонках

ВВЕДЕНИЕ
Встречи с любовницами

О любовницах я знала еще тогда, когда была маленькая, потому что мой прадед – Стивен Адельберт Григгс, весьма обеспеченный пивовар из Детройта и политический деятель муниципального масштаба, – имел квартиру, которую моя мама презрительно называла любовным гнездышком. Там, сменяя друг друга, жили женщины легкого поведения. Прабабушке моей, Минни Лэнгли, приходилось с этим мириться, но отнюдь не безвозмездно: когда Стивен дарил своей очередной любовнице бриллиант, такой же драгоценный камень он был обязан купить прабабушке. Вот так «любовное гнездышко» прадедушки стало для прабабушки источником доходов в виде колец, серег, брошей и множества других драгоценностей, которые впоследствии Минни завещала своим потомкам по женской линии.

Мой прадед Стивен шел путем, проторенным задолго до него. Я поняла это, когда выросла и встретилась с настоящими любовницами и их партнерами. С первой из них я познакомилась летом, после окончания первого курса университета. Ею оказалась молодая женщина, поделившаяся со мной отчасти восхитительным, но преимущественно пошлым и достаточно жалким опытом запретной любви. Катерина была экстравагантной немкой из

Восточной Германии с томным взглядом миндалевидных глаз. Ей удалось сбежать в Западный Берлин за две недели до окончания школы. Поэтому можно сказать, что за обретенную свободу Кати пришлось расплатиться аттестатом зрелости. Она исполняла обязанности воспитательницы, точнее говоря, была в какой-то степени привилегированной няней в той же семье, которая на время летних каникул наняла меня на работу в принадлежащий ей дом отдыха в Истерн Тауншипс (область на юго-востоке Квебека). Несмотря на протесты моих родителей – а может быть, именно в силу этого, – у нас с ней сложились доверительные, хоть и немного странные отношения. Худое, загорелое, плоскогрудое тело Кати, которое она с гордостью демонстрировала, нарочно опуская до предела бюстгальтер купальника без бретелек; ее крашенные в рыжий цвет длинные распущенные волосы, которые чуть не достигали колен; гортанный голос с сильным акцентом, превращавший меня в Элисабесс или, ради краткости, в Бесс, – все это мои родители считали воплощением вульгарности, а я воспринимала как нечто изысканное и утонченное.

В то первое лето Кати еще не сделалась любовницей. На самом деле ей очень хотелось стать женой, и она собиралась выйти замуж за Чарльза, офицера Канадской королевской конной полиции, приезжавшего к ней в длинном белом «кадиллаке» с откидывающимся верхом. Но после того, как Чарльз внезапно отменил их бракосочетание, жизнь Кати, и без того лишенная стабильности, совсем распалась на куски. Вскоре после этого я вернулась в Монреаль продолжать учебу на втором курсе университета.

Спустя несколько месяцев Кати вновь вторглась в мою жизнь: она позвонила мне и чуть ли не со слезами попросила привезти ей какой-нибудь еды. Деньги у нее есть, пояснила Кати, но она временно не может встать с постели и сходить в магазин. Кати жила на мизерном содержании состоятельного женатого адвоката в обшарпанной съемной комнатенке, неохотно сданной ему для свиданий другим жильцом. Неожиданно она поняла, что забеременела.

Я купила Кати продукты, исполнив ее просьбу. Мой скромный дар, как выяснилось впоследствии, оказался единственным источником питания, поддержавшим ее после того, как ей сделали аборт. Ей пришлось все переносить в одиночестве, поскольку врач, сделавший операцию, осмотрительно порекомендовал Кати никому об этом не сообщать. Я пыталась вывести ее из состояния глубокой депрессии, в котором она пребывала после аборта, но некоторое время спустя жизнь каждой из нас вернулась в привычное русло.

С годами я виделась с Кати все реже и реже. Последний раз мы встретились на горном озере в квебекских Лорентидах. Она сидела на носу быстроходного катера, ее восхитительными длинными волосами играл ветер. Я окликнула ее и помахала рукой. Стоявший у руля мужчина снизил скорость катера и подвел его к моей небольшой лодке. Кати, как мне показалось, была удивлена, даже напугана нашей встречей, она сразу же приложила палец к губам, как будто хотела дать мне понять, чтобы я не дискредитировала ее в глазах гламурных спутников. Я все поняла, сказала ей пару приветственных слов и улыбнулась на прощание. Больше я ее никогда не видела, но слышала, что она вышла замуж и вскоре развелась. Спустя годы, когда кто-нибудь заговаривал о любовницах, воображение рисовало мне образ Кати.

Я жила на Гаити, когда встретилась с Гислен Жёди, любовницей человека, который вернулся на остров после нескольких десятилетий жизни в Соединенных Штатах. В Нью-Йорке Жером Констан сделал себе состояние, занимаясь разными видами рэкета, однако в Порт-о-Пренс он явился в облике респектабельного бизнесмена. Платяной шкаф Констана был набит белыми льняными костюмами, в ларце у него хранилась масса золотых безделушек, но главным его приобретением, которое наполняло его сердце счастьем и гордостью, стала Гислен – его смуглокожая, блондинистая, развязная любовница средних лет. Гислен, конечно, была привлекательна, и в Гаити, бедной и голодающей стране, ее аппетитные формы выглядели соблазнительно и чувственно. Незадолго до нашей встречи она перешла

в евангелическое христианство и с тех пор при каждом удобном случае – естественно, за исключением тех ситуаций, когда затрагивалось ее положение любовницы женатого мужчины, – не упускала возможности щегольнуть афоризмами из Священного Писания.

На деле Жером Констан не собирался разводиться с женой, какие бы напасти ни грозила наслать на него любовница. Материальное благополучие Гислен было обеспечено лишь постольку, поскольку длилась его к ней любовь. Прекрасно это понимая, Гислен делала все возможное, чтобы капиталовложения любовника в ее благополучие компенсировали ее уязвимость. Помимо того что он обеспечивал ее одеждой, дарил ювелирные украшения и брал в путешествия в разные страны, Констан построил для Гислен дом; он также оказывал значительную материальную поддержку ее взрослой дочери и предоставлял любовнице возможность тратить немалые суммы денег. Несмотря на сетования по поводу того, что она ему слишком дорого обходится, он обожал Гислен и очень гордился их связью.

Одной из главных причин привлекательности этой дамы была насыщенная история ее сексуальных похождений. В начале 1960-х годов Гислен стала первой привилегированной мулаткой, которая вступила в связь с одним из тонтон-макутов, вооруженных головорезов Франсуа Дювапье – Папы Дока, – служивших в гражданской милиции, созданной гаитянским диктатором с целью обезопасить себя от собственной армии и других потенциальных врагов. Гислен не знала, что такое стыд, и никогда не раскаивалась в том, что утешала этих бандитов, преследовавших других мулатов (и всех остальных, кого они подозревали в нелояльности к их пожизненному лидеру). Но, независимо от того, с каким презрением другие относились к Гислен, Констан восхищался ее бравадой, дурной репутацией, красотой и неизменной (хоть отнюдь не бескорыстной) преданностью ему. Даже когда у него возникли проблемы со здоровьем и он утратил мужскую силу, его отношения с Гислен оставались для него настолько важными, что он и не думал их прерывать. «Ее чувства совпадают с моими», – так он объяснял лишившуюся чувственности связь с любовницей.

Я никогда не была близка с Гислен, но даже после возвращения в Северную Америку порой вспоминала ее, задумываясь над тем, как умело она использовала эмоциональное воздействие на любовника ради собственной выгоды. И все же не Гислен и не давняя моя приятельница Кати вдохновили меня на то, чтобы написать о любовницах. При работе над книгой «История целибата» у меня возникла мысль о том, что связи с любовницами, как и обязательное безбрачие католического духовенства, являются тем фактором, сквозь призму которого можно исследовать вопрос о внебрачных связях женщин с мужчинами. И в конце 1990-х годов, еще не завершив работу над «Историей целибата», я начала заниматься исследованиями, связанными с книгой, которая позже вышла из печати под названием «История куртизанок».

Как-то внезапно мне бросилось в глаза, что в книгах, которые я читала, в повседневных новостях – всюду шла речь о любовницах. Я принялась составлять списки и делать выписки, пытаясь понять природу внебрачных любовных отношений. Списки мои постоянно росли в объеме и множились. К числу наиболее ярких персонажей, попавших в мои записи благодаря прочитанным книгам и газетам, можно отнести Фиделя Кастро и Селию Санчес, его помощницу и любовницу. А также оперную певицу Марию Каллас и греческого судового магната, миллиардера Аристотеля Онассиса. И Вики Морган, любовницу Альфреда Блумингдэйла, одного из богатейших бизнесменов США, послужившую Доминик Данн прототипом главной героини ее романа «Неудобная женщина», который был экранизирован в 1991 г. И конечно, президента Франции Франсуа Миттерана, у гроба которого после его кончины в 1996 г. рядом стояли жена и любовница.

Работа над книгой была уже в самом разгаре, когда три любовницы раскрыли тайну отношений со своими партнерами, пожелав в судебном порядке взыскать с них деньги, на которые предъявили свои права. После смерти американского журналиста Чарльза Курапта

в 1997 г. его двадцатидевятилетняя любовница Патрисия Шэннон обратилась в суд, претендуя на часть его наследства, и выиграла дело. В 2000 г. Грейс Луи, бывшая любовница мэра Торонто Мела Ластмана, заявила, что он – отец ее сыновей Кима и Тодда (они были очень похожи на мэра). В 2001 г. юрист Кэрин Стэнфорд выиграла дело об алиментах: суд обязал священника Джесси Джексона, от которого она родила дочь Эшли двумя годами ранее, выплачивать средства на содержание девочки.

Даже президенты и принцы не могут устоять против обуревающих их страстей и заводят любовниц, несмотря на то что связи на стороне могут опозорить их, получив широкую огласку в газетах и других средствах массовой информации. У президента Дуайта Эйзенхауэра была весьма специфическая «подруга» – англичанка по имени Кей Соммерсби. Джон Фитцджеральд Кеннеди имел связи со многими женщинами, включая кинозвезду Мэрилин Монро. Хоть история президента Билла Клинтона и незабываемой сотрудницы Белого дома Моники Левински по значимости сопоставима со скандальной связью английского принца Чарльза и Камиллы Паркер-Боулз, последний роман длился гораздо дольше. Когда я взялась писать эту книгу, принц вызывал всеобщую неприязнь. Лишь несколько лет спустя его репутация стала понемногу восстанавливаться по мере того, как он сам и его эксперты по связям с общественностью не без некоторого успеха попытались изменить в лучшую сторону отношение к его многолетней любовнице, делая из нее подходящую кандидатуру для вхождения в королевское семейство.

Годы исследований и откровения состоявших в долговременной внебрачной связи мужчин и женщин – представителей как верхов, так и низов общества – притупили мое восприятие супружеской неверности и изменили отношение к этой проблеме. Я стала больше внимания уделять структуре подобных отношений и присущим им общим чертах. Особенно меня интересовало то, как связи с любовницами сказывались на природе брака и отношениях между мужчинами и женщинами в разные исторические эпохи в культурах разных народов. После долгих раздумий я решила, что было бы неверно относиться к любовным связям вне брака как к некоему общественному институту. Более плодотворным мне показался такой подход, при котором на конкретных примерах рассматривается опыт любовниц, позволяющий осветить истории отношений между мужчинами и женщинами в обществах разных эпох. Объединяя любовниц по категориям, отражающим особенности разных культур и исторических периодов, я смогла отобразить присущие этим культурам и временам обстоятельства. Мне также удалось сделать выводы о специфике восприятия данными обществами того явления, которое олицетворяли собой любовницы, и о том, как мужчины и женщины вели совместную жизнь в разные времена. Результатом такого подхода к собранному материалу стала книга, которую я назвала «История куртизанок».

С самого начала исследований я много размышляла и уделяла большое внимание тому, как интерпретировать собранный материал. При этом меня постоянно смущал вопрос определений. Трактовки классических словарей оказывались не очень полезными, особенно по мере того, как мне становилось ясно, что в этой книге восточные наложницы занимают такое же место, как и западные любовницы. В «Новом кратком оксфордском словаре английского языка» любовница характеризуется как «женщина, отличная от жены, с которой мужчина состоит в длительных сексуальных отношениях», а наложница – как «женщина, которая сожительствует с мужчиной, но не является его женой». Эти формулировки настолько расплывчаты, что пользы от них немного, а в последнем определении не проводится различия между наложницей и сожительницей и не дается четкого представления о восточных наложницах, которые нередко – хотя, конечно, не всегда – жили под одной крышей со своим любовником-хозяином и его семьей. Другая проблема состоит в том, что в западном обществе слова «любовница» и «сожительница» часто используются как синонимы. В «Истории куртизанок» в качестве рабочего определения женщины, которая добровольно или по при-

нуждению вступает в достаточно долговременные сексуальные отношения с мужчиной, не являющимся ее мужем, я решила использовать термин «любовница». Такое определение применимо и к наложницам, специфические отличия которых описаны ниже в разделах, посвященных соответствующим культурам.

Отношения между любовниками неразрывно связаны с браком, наиболее важным институтом человеческого общества, так что они почти автоматически подразумевают супружескую неверность, виновником которой иногда является муж, а иногда жена. И действительно, брак представляет собой основной показатель, позволяющий определить, кто является любовницей, а кто нет. Хотя многие полагают, что супружеские измены подрывают брак, другие – как ни парадоксально – считают, что они укрепляют отношения между супругами. Французы, например, могут оправдать *cinq à sept*[1] – свидания после окончания рабочего дня, во время которых мужчина встречается со своей любовницей, о чем французский писатель Александр Дюма как-то метко заметил: «Цепи брачных уз настолько тяжелы, что нести их часто под силу лишь двум людям, а иногда и трем».

Связь между браком и внебрачными любовными отношениями, как и сожительство, характерное для некоторых восточных стран, чрезвычайно широко распространена в пространстве и времени, это свойственно почти каждой крупной культуре. Британский мультимиллиардер сэр Джимми Голдсмит, рядом с которым в последний его день находились супруга, бывшие жены и любовницы, однажды произнес ставшее широко известным замечание о том, что, «как только мужчина женится на любовнице, он автоматически создает новое рабочее место». Неудивительно, что жителям Северной Америки лучше знакомы западные модели внебрачных любовных отношений, чем обычаи восточного мира с присущими им различными более разработанными версиями, в частности наличием узаконенных наложниц и гаремов.

Во всех обществах во все времена предпосылкой создания условий для внебрачных любовных связей и наличия наложниц был обычай заключения договорных браков. При этом родители или другие родственники выбирали детям супругов по экономическим соображениям или с целью упрочения семейных связей – либо, исходя из интересов деловых или политических союзов, они игнорировали романтическую любовь как несущественную, потворствующую прихотям, а порой даже опасную основу супружеских отношений. Предполагалось, что мужья и жены будут жить вместе и действовать как единая экономическая ячейка, рожая и воспитывая детей. Никого не волновало, будут ли они трепетать от прикосновения друг к другу, любить друг друга до беспамятства или стремиться жить так, чтобы сердца их бились в унисон.

Конечно, иногда случалось и так, что после заключения брачного союза по договору между супругами возникали романтические отношения. Но чаще при таком подходе в лучшем случае можно было рассчитывать на взаимную заботу, терпение, смирение, и большинство браков, заключенных на таких условиях, оказывались безнадежно несчастливыми. Не все разочарованные супруги искали внебрачных партнеров, с которыми получали то, чего были лишены в браке, но шли на это многие. И почти во всех обществах – кроме тех, где царили самые строгие нравы, – мужчинам с помощью любовниц или наложниц вне брака позволялось удовлетворять порывы романтического или похотливого свойства, которые они не могли ни сдержать, ни направить в иное русло. Что касается женщин, их стремления аналогичного характера никогда не поощрялись, и если они были уличены в прелюбодеянии, это жестоко каралось. Но многие, тем не менее, шли на такой риск.

Непреодолимость классовых и кастовых преград также приводила к возникновению внебрачных любовных связей мужчин с женщинами, которые при других обстоятельствах

[1] Время с пяти до семи часов вечера *(фр.). – Здесь и далее примечания переводчика.*

могли бы стать их женами. Блаженный Августин, епископ Гиппона, христианский теолог, живший в Северной Африке в IV в., соблюдал традиции своего общества, запрещавшие браки между представителями разных социальных слоев. Поэтому ему пришлось сожительствовать с женщиной, которую он любил, вместо того чтобы взять ее в жены, поскольку она стояла ниже него на общественной лестнице. А когда он решил жениться, мать подыскала ему подходящую девушку из «добропорядочной» семьи.

Наличие кастовых устоев, обусловленных национальными, расовыми или религиозными представлениями, также может низвести женщину до более низкого в социальном плане положения наложницы. Так, например, присущая Древней Греции ксенофобия запрещала ее гражданам сочетаться браком с иноземцами, поэтому Перикл, афинский государственный деятель, так и не смог жениться на Аспазии, его любимой сожительнице, чужестранке из Милета, которая родила ему сына.

Во многих восточных культурах сожительство было скорее интегральной или параллельной, чем побочной по отношению к браку формой связи, причем права и обязанности сожительниц были закреплены законодательно или в силу обычая. Сожительницы часто обитали в доме хозяина под одной крышей с его женой и другими наложницами. В небогатых семьях одна или две сожительницы помогали хозяйке дома в ее повседневных трудах. Они должны были исполнять те же сексуальные обязанности, что и жена хозяина, и, как и она, соблюдать верность и заниматься ведением домашнего хозяйства. Это объясняется просто: в отличие от любовницы в западном обществе, одна из основных обязанностей сожительницы в странах Востока состояла в том, чтобы рожать хозяину наследников.

В некоторых странах, в частности в императорском Китае и Турции, мужчины из правящих династий, аристократы и привилегированные представители верхов общества выставляли напоказ богатство и власть, создавая гаремы, где содержались захваченные в плен или купленные наложницы. Нередко перенаселенные, управлявшиеся евнухами гаремы представляли собой кипевшие страстями беспокойные сообщества, где постоянно плелись интриги и составлялись заговоры, шла полная конфликтов острая борьба, не говоря уже об отношениях с детьми. Достигшие зрелого возраста наложницы, которые уже лишились благосклонности хозяина гарема, проводили скучные дни в повседневных домашних заботах. Их еще полные надежд молодые соседки, чтобы заполнить тоскливо текущее время, тщательно ухаживали за собой и строили козни вместе с евнухами и против них, а также против жен, родственников, детей и друг друга. Единственной отдушиной в однообразной жизни оказывалась ночь, проведенная наложницей с обладателем гарема. В случае почти невероятной удачи наложница могла зачать ребенка, который со временем имел шанс вырвать мать из затворничества гарема и обеспечить ей жизнь, полную почестей и привилегий, а в редчайших случаях даже вознести к вершинам власти.

Такое положение вещей представляло собой разительный контраст обычаям западных обществ: на Западе почти всегда законы стояли на стороне законного брака, отказывая в правах незаконнорожденным детям любовниц – начиная с рабынь, которые находились на самой нижней ступени общественной иерархии, и заканчивая герцогинями, женщинами голубых кровей. Юридически и в силу традиции отцы не имели обязательств и не несли ответственности перед своими внебрачными детьми. Без всяких угрызений совести они нередко обрекали детей, рожденных от любовниц, на бесчестье и невзгоды, сопутствовавшие незаконнорожденным. По сути дела, именно законы затрудняли признание мужчинами их побочных отпрысков и создавали препятствия для оказания им поддержки.

Тем не менее некоторые отцы выступали против сложившихся общественных традиций, препятствовавших им поддерживать собственных незаконных детей. В частности, английский король Карл II даровал герцогское достоинство такому числу своих внебрачных сыновей, что пятеро из нынешних двадцати шести герцогов являются их потомками, если,

конечно, исходить из того, что их родословная была достаточно благородной, чтобы не обращать внимания на такую мелочь, как закон. Что касается простых людей, они ставили собственные страсти выше общественных ценностей. Так же и рабовладельцы, в случае признания своими детей, рожденных любовницами-рабынями, подвергали себя риску серьезных преследований со стороны собственных сограждан – ярых расистов. Тем не менее в западном мире признание незаконнорожденных детей всегда было исключением из правила.

Современная любовница справедливо рассчитывает на лучшее отношение к ребенку, которого она может произвести на свет от своего партнера. Как и ее предшественницы, она выступает инициатором отношений между мужчиной и женщиной, и ее статус отражает тенденцию развития этих связей. Улучшившееся положение женщин, либерализация семейного законодательства и личных отношений, растущее значение результатов анализов ДНК – все это в немалой степени повышает вероятность признания любовником ребенка любовницы или, по крайней мере, позволяет ему вносить свой вклад в его содержание. В то же время появление доступных и надежных противозачаточных средств и легализация абортов способствовали значительному сокращению числа детей, которых хотелось бы иметь любовницам.

По тем же причинам там, где все еще царят законы прошлого, отношения между мужчинами и женщинами продолжают им подчиняться, а положение любовниц и сожительниц и сегодня ничем не отличается от положения их предшественниц. Одним из таких институтов, где все еще правит традиция, является римско-католическая церковь, непоколебимо отстаивающая глубоко укоренившееся недоверие к женщинам. Особенно отчетливо это проявляется в отказе от их посвящения в духовный сан и в упорном нежелании отменить целибат, что остается непреодолимым препятствием для вступления в брак священнослужителей. Женщины, в настоящее время состоящие в интимной связи со священниками, идут тем же путем, что и в прошлые века: их выдают за домоправительниц и вынуждают скрывать любовь за кухонными фартуками и половыми тряпками. Церковь продолжает рассматривать таких женщин как искусительниц и сосуды греха, причем ее больше всего заботит сохранение подобных отношений в тайне и сокрытие их от внешнего мира.

Во многих других отношениях характер внебрачных связей сегодня существенно изменился за счет развития феминизма, расширения прав женщин и доступности противозачаточных средств. По мере того как моральные нормы, касающиеся добрачных половых контактов, смягчились и совместная жизнь без регистрации брака постепенно превращается в общепринятую норму, различие между любовницей и подругой утрачивает определенность. Сегодня во многих случаях ответ на вопрос о статусе отношений следует искать в восприятии самих партнеров и, в определенной степени, в отношении к нему общества. Нынешние любовницы, как представляется, не так сильно стремятся выйти замуж или зависеть от любовника в финансовом плане, как их предшественницы. В наше время они обычно влюбляются в женатых мужчин, которые не хотят разводиться, чтобы узаконить отношения с ними. Поэтому единственным выходом в этом случае является примирение с существующим положением вещей, формально являющимся незаконным. Но часто современные любовницы не хотят с этим смиряться, они надеются на то, что в один прекрасный день все каким-то образом изменится и их связь с любовниками обретет законную силу через брак.

Нередко бывает и так, что значение имеют сами по себе любовные отношения: романтическое влечение, пробуждение страсти и ее бурное удовлетворение. Даже тогда, когда восхитительное ощущение любовного приключения и неизбежность вызова общественному мнению сопровождается чувством вины, сохраняется обоюдная верность любовников в том, что касается сокрытия разделенной тайны и лежащего в ее основе взаимного доверия. Запретная составляющая таких отношений влияет и на ситуацию в целом, которая отчасти определяется ограниченностью возможностей и рассудительностью незамужней любов-

ницы. С одной стороны, встречи с любимым требуют, чтобы она располагала значительным свободным временем, особенно в нерабочие дни, а с другой – ее не тяготят повседневные домашние хлопоты жены, и потому ей легче проявлять все свое обаяние – как во внешнем облике, так и в поведении. Вместе с тем такие связи могут казаться или на самом деле быть равноправными, при этом оба партнера привносят в них то, что могут, и берут от них то, что хотят.

Какое множество разных историй могли бы поведать нам многие любовницы и сожительницы! Из огромного объема накопившегося материала для каждой категории я придирчиво отбирала женщин, жизнь которых полнее всего отражает отдельные вопросы и нюансы внебрачных любовных отношений. Дело это оказалось весьма нелегким, мне приходилось отказываться от многих персонажей, с сожалением вычеркивая из списка их имена – сначала робко, а потом все более решительно. Постепенно целый стеллаж заполнился отвергнутыми мной подчас захватывающими материалами. Как я досадовала, что из-за требований к объему книги мне пришлось расстаться с такими интригующими фигурами, как леди Эмма Гамильтон, Диана де Пуатье, Жорж Санд, Коко Шанель! Они пали жертвами объема книги не столько потому, что их истории выглядели бы в ней неуместными, сколько в силу моих предвзятых предпочтений в плане раскрытия темы, которой посвящено данное исследование.

Но какую замечательную группу составили те, кто остался! История каждой из любовниц уникальна, и в то же время она отражает жизненные пути большого числа других женщин. Они жили в разные эпохи, в разных частях света, в разных условиях, принадлежали к разным классам, кастам и расам. В их числе были аристократки и рабыни, жены, матери и старые девы, они жили в хижинах и гаремах, в квартирах и особняках. Некоторые из них получили широкую известность за счет их связей, о других мы знаем лишь благодаря воспоминаниям их любовников или других людей, а также из официальных документов. Но всех их объединяет то, что они были либо любовницами, либо сожительницами. Эта книга повествует об их судьбах и непростых жизненных путях. История каждой из них важна для понимания сути проблемы, потому что в уникальном опыте каждой героини отражается одна из граней многоликого феномена внебрачных любовных связей.

ГЛАВА 1
Любовь вне брака в Древнем мире[1][2]

Агарь
Аспазия
Коринна
Долороза

Со времени возникновения институт брака был связан с разными формами сожительства – системами, которые позволяли и до определенной степени определяли параллельные интимные отношения между мужчинами и женщинами, не являвшимися их женами. Библия, составляющая одну из основ западной культуры и литературы, знакомит нас с множеством наложниц. У царя Соломона их было триста вдобавок к семи сотням жен, другие библейские цари и патриархи также наслаждались престижным обществом многих сотен наложниц. Наложницы использовались в сексуальных целях, а также для того, что японцы называют «заимствованная утроба». Если жена мужчины была бесплодна, а ему хотелось иметь наследников, от него могла зачать ребенка наложница, и потом мужчина признавал и растил его как собственного отпрыска. Наложницы имели статус второстепенных жен, но были лишены прав законной жены и гарантий, обусловленных ее положением. Часто наложницы были рабынями. Закон гласил, что рабыня женщины, предназначенной в наложницы ее мужу, все равно продолжала оставаться собственностью своей хозяйки.

С течением столетий изменившиеся обстоятельства и нравы привели к переменам в статусе наложниц. К концу эпохи Античности римское законодательство обеспечило наложницам защиту некоторых их прав, в частности гарантировало детям сожительниц небольшую часть наследства отцов, причем их доля увеличивалась, если отцы умирали, не оставив завещания, или если они не имели законных наследников. В начале IV в. император-христианин Константин I, скончавшийся в 337 г., попытался изменить юридическую основу отношений сожительства, предоставив мужчинам право жениться на наложницах и тем самым позволив признавать детей любовниц. Но искоренить сожительство не мог никакой закон, поскольку греко-римская культура в целом допускала мужскую неверность в браке. Блаженный Августин, больше десяти лет сожительствовавший с любимой женщиной, которая родила ему сына, пояснял, что мужчины оправдывают сожительство, поскольку в противном случае им пришлось бы соблазнять чужих жен или прибегать к услугам проституток. Подразумевающееся в данном случае представление о том, что мужчинам имманентно присуща неспособность к моногамии, вело к выводу о сожительстве как важнейшем дополнении к браку.

[2] Примечания автора, отмеченные арабскими цифрами, *см.* в конце каждой главы

Агарь

Первой наложницей, имя которой донесли до нас письменные источники, вполне можно считать Агарь – египетскую рабыню, которая, возможно, принадлежала к черной расе. Агарь была рабыней праматери Сары, жены праотца Авраама (около 2000–1720 гг. до н. э.). Нам ничего не известно ни об обстоятельствах жизни Агари, ни о том, как и когда она стала собственностью Сары. Ее библейский биограф, несомненно считавший Агарь второстепенной фигурой, наверняка поразился бы тому, какое внимание ее образ продолжает привлекать спустя тысячелетия. Представив ее как часть ситуации, в которой развивалась трагедия бесплодия Сары, он посвятил Агари всего семь небольших библейских стихов.

Жизнь Сары и Авраама была богата приключениями. В частности, во время полного опасностей пребывания в Египте «прекрасная видом» Сара, сама того не желая, привлекла к себе внимание фараона, и тот пожелал взять ее к себе в гарем. Авраам, дабы не лишиться жизни, представил ее своей сестрой. После этого фараон одарил Авраама мелким и крупным скотом, ослами, лошадьми, верблюдами, рабами и рабынями – по всей вероятности, чернокожими.

Когда фараон понял, что Авраам и Сара его обманули, он приказал Аврааму взять жену и покинуть Египет, но милостиво позволил им забрать весь подаренный скот и рабов.

Авраам стал богатым человеком, и все у него было, кроме наследника, потому что Сара не могла производить потомство. Ждать изменения такого положения вещей было бессмысленно, поскольку в ту пору Саре уже исполнилось семьдесят шесть лет (так, по крайней мере, утверждает автор Книги Бытия). Неудивительно поэтому, что Авраам впал в отчаяние, понимая, что остался бездетным, – но он продолжал молить Господа о ниспослании ему наследника. Сара винила лишь себя за собственное бесплодие – в Древнем мире оно считалось проклятием, составлявшим вполне убедительную причину для развода. Но в обществе, где она жила, проблема бесплодия решалась просто: для этого требовалась лишь способная к деторождению наложница.

Именно в такой ситуации мы впервые встречаемся с Агарью. «Вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рождать, – сказала Сара супругу, – войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее»[3].

Авраам согласился, а мнение Агари на этот счет никого не интересовало. Вскоре, несмотря на то что Аврааму в то время было уже восемьдесят шесть лет, Агарь от него забеременела. Осознав это, наложница преобразилась. К удивлению Сары, ее покорная и приветливая рабыня стала самоуверенной, даже высокомерной женщиной, «с презрением» глядевшей на Сару сверху вниз. А почему бы и нет? Хоть Агарь и была рабыней, она могла выносить и подарить супругу хозяйки законного наследника.

Сара пришла в замешательство, она была сильно раздосадована поведением Агари и с горечью жаловалась на это Аврааму. Но тот напомнил жене, что она является законной хозяйкой Агари и потому может подвергнуть свою рабыню какой угодно каре. Мы не знаем, как поступила Сара, – одно из практиковавшихся тогда наказаний за надменность и высокомерие состояло в том, что провинившемуся запихивали в рот кварту соли, – но она настолько жестко притесняла Агарь, что та решила убежать из дома.

К счастью, когда Агарь блуждала по пустыне, ее нашел Ангел Господень и сказал ей: «Агарь, служанка Сарина! Откуда ты пришла, и куда идешь?» Агарь рассказала ему о том, в каком сложном положении оказалась. «Возвратись к госпоже своей и покорись ей», – приказал Ангел Господень. Потом смягчился и пообещал: «Умножая умножу потомство твое, так

[3] Здесь и далее цитируется синодальный канонический перевод Библии.

что нельзя будет и счесть его от множества». И еще сказал: «Вот, ты беременна, и родишь сына, и наречешь ему имя: Измаил [что значит “Господь слышит”]; ибо услышал Господь страдание твое».

После этой встречи Агарь вернулась и родила Аврааму сына, которого, как и было предначертано, назвали Измаилом. Вполне возможно, что она рожала его, тужась на корточках между ног Сары, с помощью повитухи, в обычной позе «родов на коленях»: так производили на свет ребенка, который должен был стать наследником своей «законной», а не родной матери.

Агарь продолжала жить в доме Авраама и Сары еще более тринадцати лет, вскармливая Измаила и заботясь о нем. Потом произошло чудо. Господь заключил с Авраамом непростое соглашение, в силу которого Сара должна была обрести способность родить ребенка. Сначала Сара рассмеялась, услышав о противоречащем здравому смыслу предсказании. Она ведь состарилась. Разве было возможно, чтобы она снова стала близка с мужем да еще и родила ребенка? Но Господь укорил ее за смех и произнес: «Есть ли что трудное для Господа?»

Оказалось, что ничего трудного для Господа нет – Сара зачала и родила Аврааму сына, которому отец дал имя Исаак. К тому времени ей уже исполнилось девяносто лет, Авраам же достиг столетнего рубежа. «Кто сказал бы Аврааму: “Сара будет кормить детей грудью?”, ибо в старости его я родила сына», – радовалась Сара.

Исаак вырос крепким ребенком, и Сара отняла его от груди. Но как-то раз, когда она наблюдала за тем, как ее малыш играет со старшим сводным братом Измаилом, в ней вскипела сильная обида и возмущение. Будучи первородным сыном Авраама, Измаил должен был получить часть наследства отца. «Выгони эту рабыню и сына ее, – сказала Сара Аврааму, – ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком».

Авраам сильно опечалился, но только из-за Измаила, Агарь его беспокоила мало. Он обратился с молитвой к Господу, и тот ниспослал ему указание слушаться Сару во всем, что она ему скажет, потому что и от Исаака, и от Измаила произойдут два великих народа. На следующий день Авраам встал рано утром и позвал к себе Агарь. Весьма состоятельный человек, он дал ей лишь хлеба и мех воды, велел взять Измаила, их сына, уже входившего в возраст, и вместе с ним отправляться куда глаза глядят.

В полном недоумении, Агарь с Измаилом побрели в пустыню. Через некоторое время они съели весь хлеб и выпили всю воду: их скудные припасы закончились. В отчаянии Агарь оставила под одним кустом Измаила, отошла от него на расстояние выстрела из лука и опустилась на землю. «Не хочу видеть смерти отрока», – рыдала она.

Но Господь, наблюдавший за ней, вновь послал к Агари Ангела Своего. Бог не даст Измаилу погибнуть, сказал ей Ангел Господень, потому что из потомков его Он произведет великий народ. Агарь удивленно раскрыла глаза и увидела, что Господь создал колодец. Она наполнила мех водой и напоила измученного жаждой сына.

Долгие годы Агарь с Измаилом жили в пустыне. Они знали других людей, которые расселились в округе, Агари удалось скопить достаточно средств, чтобы женить Измаила на девушке из земли Египетской. Хоть евреи обратили ее в рабство, Агарь помнила о своем египетском наследии и стремилась вновь им воспользоваться.

Так завершается история Агари, но, видимо, не ее жизнь. Библейские стихи, относящиеся к Измаилу, свидетельствуют о том, что Господь выполнил обет, данный Агари, так как у Измаила родилось двенадцать сыновей, сделавшихся родоначальниками племен измаильтян. Сам Измаил дожил до 137 лет – как и отец, он оказался долгожителем. (Авраам умер в 175 лет, и Измаил с Исааком погребли его в пещере Махпеле.)

Агарь провела в рабстве непродолжительное время, но ее нелегкая судьба и поныне находит отклик в людских сердцах и отражение в произведениях литературы. Спустя тыся-

челетия после ее кончины, благодаря нескольким фразам, составившим ее краткое жизнеописание, Агарь стала символом всех обездоленных и гонимых на земле, образом женщины, подвергавшейся сексуальной эксплуатации и жестоко притеснявшейся, лишенной прав, изгнанной в никуда без всякой поддержки. Но, в отличие от других женщин, которым довелось претерпеть такие же ужасные несчастья, Агарь спас от нищеты и погибели сам Господь.

Аспазия[2]

В середине V в. до н. э. город-государство Афины достиг наивысшего политического и культурного расцвета; утвердившаяся там демократия отражала лучшие достижения Древней Греции. Но золотой век Афин не сказался на афинских женщинах, большую часть жизни проводивших за стенами своих домов. Иноземным женщинам приходилось тяжело вдвойне: над ними тяготело проклятье не только их пола, но и социального положения. Одна из них – Аспазия, иммигрантка из Милета, города на юго-западном побережье Малой Азии – попыталась преодолеть ущербность своего статуса, вступив в близкие отношения с Периклом, крупнейшим из афинских государственных деятелей.

Аспазия прибыла в Афины после окончания ослабивших город греко-персидских войн и заключения пятилетнего перемирия 451 г. до н. э., завершившего враждебные действия между греческими государствами. Она приехала вместе с родственниками, которым пришлось покинуть Милет вследствие неизвестных нам обстоятельств. Несмотря на присутствие членов ее семьи, аристократическое происхождение и обширные связи, она не располагала достаточными средствами, и ей пришлось искать работу.

Приезд Аспазии в Афины, к несчастью для нее, совпал с наплывом беженцев, что вынудило Перикла принять драконовы меры для обеспечения социального превосходства афинских граждан. Он дал право афинского гражданина лишь тем афинянам, оба родителя которых являлись гражданами города, и значительно урезал права *метеков* – таких поселившихся в Афинах иноземцев, как Аспазия и члены ее семьи. Любой человек, пытавшийся выдать себя за гражданина Афин, мог быть обращен в рабство. Из-за принятого Периклом законодательства Аспазия лишилась возможности выйти замуж за афинянина или получить весьма ограниченные права, предоставлявшиеся афинским женщинам.

Таких прав было немного. В отличие от их братьев, афинские женщины не являлись потенциальными воинами, поэтому новорожденных девочек нередко оставляли на склонах холмов, где их пожирали дикие звери. К образованию тех, кому позволяли выжить, относились с безразличием, их держали дома и учили только навыкам ведения домашнего хозяйства. Когда девочки вступали в период полового созревания – обычно где-то в четырнадцать лет, – родители выдавали их замуж за мужчин значительно старше них, которые уже завершили военную службу и, наконец, могли жениться.

Замужество не делало жен греков свободными – после вступления в брак они оказывались привязанными к своим новым местам проживания. Дома в Афинах, как и в остальных полисах Греции, отражали главенствующий статус мужчин. Они были небольшими, потому что их хозяева проводили много времени вне дома с другими мужчинами. Большинство помещений выходили во внутренний двор. Самым большим и красивым помещением в греческом доме был *андрон* – место для пиров, – потому что там развлекались мужчины. Жены, дочери хозяина и другие женщины, жившие в его доме, к пирушкам не допускались. Мужчины же часто приглашали *гетер* – куртизанок высокого класса, а если были стеснены в средствах, то их ублажали проститутки.

Женщины в древних Афинах имели совсем немного прав, а для развода им непременно требовалось согласие мужей. Единственной гарантией их финансового положения служило приданое. В обществе, где восхвалялись скромные, покорные и трудолюбивые матери семейств, большинство женщин могли рассчитывать лишь на доброе имя.

На что же могла тогда претендовать молодая иноземка в Афинах, городе брутальных мужчин? Аспазия не только обладала красотой – она была необычайно умна, и, в отличие от большинства афинских женщин, ей каким-то образом удалось получить образование, хотя она никогда об этом не распространялась. Аспазия стала преподавать риторику и филосо-

фию, и вскоре репутация ее достигла таких высот, что сам Сократ считал себя ее учеником, по крайней мере, об этом сообщает нам Платон в «Менексене»[3].

Вполне возможно, что сначала Аспазия зарабатывала на жизнь, присоединившись к скрытому от посторонних взоров миру гетер – свободных женщин, обменивавших сексуальные услуги, общение и дружбу на дорогие подарки и деньги. В отличие от проституток (и большинства жен), гетеры были хорошо образованными и культурными, элегантными и утонченными женщинами. Остроумие, широкий кругозор, легкость в общении отличали их от других греческих женщин, с приятелями-мужчинами они говорили и спорили как равные в интеллектуальном отношении партнеры. Рисунки на вазах изображают их стройными, с небольшой грудью, в изящных одеяниях. Их было очень просто отличить от располневших, лишенных украшений греческих матрон.

Аспазии было около двадцати пяти лет, когда она встретилась с Периклом, которому внушила страстную любовь, продолжавшуюся до самой его смерти. Но принятые самим Периклом законы обрекли ее всю жизнь оставаться его любовницей, лишенной надежды на то, чтобы стать его женой. Перикл не мог без нее жить и потому поселил Аспазию в своем доме. Когда она родила ему сына, незаконнорожденность и статус метека маленького Перикла отца особенно не беспокоили, потому что он уже имел двух сыновей, рожденных в законном браке.

Перикл был далеко не единственным, кто восхищался неотразимой привлекательностью интеллекта Аспазии и ее эротической ауры. Когда она организовала нечто вроде интеллектуального салона, дом ее стали посещать выдающиеся афинские мыслители, ученые и государственные деятели, которые там обсуждали вопросы политики и философии, общались, упрочивая общественные и политические связи.

Аспазия не ограничивала круг своих интересов лишь государственными делами. Она также отвергала суровые доводы Сократа относительно проблемы супружеских отношений, обсуждение которой, несомненно, наводило ее на мысли о собственном положении. Позже Цицерон и Квинтилиан писали о разговоре Аспазии с женой Ксенофона, проходившем в присутствии самого философа.

– Скажи мне, – спросила Аспазия, – если бы золотые украшения твоей соседки были лучше твоих, чьи бы ты хотела иметь – свои или ее?

– Ее.

– А если бы ее одежды и другие предметы туалета были дороже твоих, что бы ты предпочла?

– Ее, конечно.

– Ну что ж, а если бы ее муж был лучше твоего, кого бы ты тогда предпочла – своего мужа или ее?[4]

Жена Ксенофона покрылась румянцем. Аспазия нарушила ее неловкое молчание. Чтобы видеть в партнере совершенство, пояснила она, самой необходимо *быть* самым лучшим партнером. И хотя мужчина и женщина выражают преданность друг другу через чувственность, добавила Аспазия, главным фактором привлекательности служит добродетель.

Был ли этот диалог придуман или действительно состоялся, нам не известно, тем не менее благодаря ему можно сделать следующий вывод о взглядах Аспазии на отношения между мужчинами и женщинами: они должны вступать в связь на одних и тех же условиях и в равной степени стремиться к тому, чтобы идти по пути добродетели. Иными словами, любовница Перикла, видимо, выступала за равноправие, что резко противоречило жесткой социальной стратификации и законодательно закрепленному неравенству в древних Афинах, где ей довелось жить.

Перикл проводил много времени дома, чтобы больше быть с Аспазией, но продолжал активно заниматься государственными делами и руководить восстановлением афинских

храмов, поврежденных или разрушенных во время греко-персидских войн. В целом афиняне поддерживали политический курс Перикла, чего нельзя сказать о его не вполне личной жизни. Горожане обвиняли своего вождя в том, что он выгнал из дома жену, чтобы вместо нее поселить там Аспазию. Они не желали знать, что с женой он развелся более чем за десять лет до того, как встретился с любовницей. Поговаривали и о том, что ему, как и многим другим мужчинам, было бы лучше держать сожительницу подальше от посторонних глаз, а не выставлять напоказ их отношения, но Перикл не придавал значения этим пересудам. Недовольство Аспазией среди афинян нарастало, и расплачиваться за это приходилось не Периклу, а ей. О ней злословили на каждом углу и во всех общественных местах. Поэты-сатирики глумливо поливали ее грязью, сравнивая Аспазию с Таргелией – могущественной ионийской куртизанкой и женой четырнадцати (!) мужчин, которая использовала свое огромное влияние для помощи врагу во время греко-персидских войн.

В 440 г. до н. э., когда на имевшем важное стратегическое значение острове Самосе вспыхнуло восстание против Афин, нападки на Аспазию усилились. И хотя в итоге Периклу удалось подавить восстание, его глумливые противники принялись распускать слухи о том, что Аспазия, шлюха их лидера, по личным мотивам, связанным с ее милетским происхождением, убедила его ввязаться в войну с Самосом. В одной из своих сатир комедиограф Кратин высмеивал и Перикла, и Аспазию, которую называл шлюхой с собачьими глазами.

Это прозвище за ней закрепилось, и все больше афинян клеймили Аспазию как развратную женщину, презренную блудницу. Ее репутация гетеры вызывала в воображении встречавшиеся на греческих вазах и чашах грубо-сексуальные сцены, в которых гетеры представали обнаженными или задирающими юбки, чтобы продемонстрировать свои женские прелести потенциальным клиентам. Гетеры, представленные на подобной керамике, участвовали в групповом сексе, их изображали в разных позах, даже покорно склонившимися вперед и упирающимися руками в пол, готовыми к анальному половому акту. Иногда клиенты били их по обнаженным задам сандалиями или другими предметами, желая принудить к извращенным половым актам. Уподобление Аспазии этим карикатурным женщинам представляло собой самые мерзкие проявления нападок на нее – глубокого мыслителя, заботливую мать и любимую подругу Перикла.

Подлинная причина такого полного злобы и ненависти отношения к Аспазии заключалась в том, что ее взгляды представляли собой угрозу общественной структуре основанного на рабовладении и господстве мужчин афинского общества, где удел женщин ограничивался домашними хлопотами, а женщины из числа метеков были обречены на еще более печальную судьбу. Аспазии – женщине и чужеземке – пришлось смириться с узаконенным бесправием, обусловленным этими двумя ее «недостатками». Но ей удалось избежать предопределенной судьбы и каким-то образом так воздействовать на пожилого правителя, что тот не обращал внимания ни на ее пол, ни на социальный статус. Естественно, что Аспазия представляла собой угрозу установленному порядку, она оказалась бунтарем в облике искусительницы.

На протяжении десяти лет после событий на Самосе домашняя жизнь Аспазии текла гармонично, ничто не препятствовало развитию ее интеллектуальных способностей, но в общественном плане ее положение продолжало оставаться кошмарным. В 431 г. до н. э., когда началась Пелопоннесская война, оскорбления в адрес Аспазии и словесные нападки на нее зазвучали с новой силой. Поэт-комедиограф Гермипп выступил против нее с новыми придирками, обвиняя Аспазию в отсутствии почтения к богам и в том, что она сводит свободных женщин Афин с Периклом. Ему удалось вызвать такой взрыв народного негодования, что против Аспазии были выдвинуты обвинения в безнравственности и измене. Несмотря на заступничество Перикла, воля народа одержала верх.

Будучи иностранкой, Аспазия не могла предстать в суде, чтобы защищаться. Эту задачу взял на себя Перикл. Выступая там, он плакал, голос правителя дрожал от переполнявших его чувств, он говорил так красноречиво и убедительно, что суд согласился с его доводами о том, что Аспазию оклеветали, и оправдал ее по всем выдвинутым против нее обвинениям.

Победа над злостными клеветниками еще теснее связала Аспазию и Перикла. Вскоре ее публично признали его подругой. Но влюбленной паре не было суждено вместе дожить до глубокой старости. Военная стратегия Перикла, суть которой сводилась к защите жителей и армии афинской империи в стенах самого города, привела к чрезмерной перенаселенности Афин и тяжелым болезням среди осажденных. В 430 г. до н. э. во время свирепой эпидемии чумы погиб каждый третий воин и каждый четвертый житель города.

Перикл потерял двух своих законных сыновей, сестру, многих других родственников и друзей. Большинство остальных афинян тоже утратили многих близких, а тем, кто остался в живых, не терпелось кого-нибудь обвинить в постигшем их неутешном горе. Выбор Перикла в качестве козла отпущения был очевиден: его отстранили от власти, судили и обвинили во взяточничестве.

Перикл был опозорен и обесчещен, у него не осталось законных наследников. Но, как говорится, нет худа без добра: в определенном смысле это оказалось на руку Аспазии, поскольку статус ее сына, Перикла Младшего, внезапно изменился в лучшую сторону. Перикл, который отчаянно нуждался в наследнике, обратился к официальным лицам Афин с просьбой о том, чтобы положение Перикла Младшего, не имевшего законных прав в силу его собственного ксенофобского законодательства, было признано законным. На этот раз афиняне, наконец, сжалились над уже немолодым, потрепанным жизнью человеком и даровали гражданство – но лишь Периклу Младшему. Статус Аспазии не изменился, тем не менее успех сына не мог не доставить ей большого удовлетворения.

Перикл с Аспазией получили непродолжительную передышку: их уже не преследовали, правитель был реабилитирован и восстановлен в должности стратега. Но эпидемия чумы в Афинах не унималась, и вскоре он сам пал ее жертвой, оставив любовницу в одиночестве, беззащитной во враждебном городе, где моровая язва продолжала отбирать жизни.

Без Перикла – или, правильнее сказать, после Перикла? – Аспазия сошлась с другим мужчиной, торговавшим овцами, а также служившим военачальником, карьера которого шла на подъем. Поспешность, с которой она нашла себе нового сожителя, заставляет усомниться в искренности ее привязанности к Периклу. Вряд ли к такому шагу ее вынудила нужда – ведь сын Аспазии унаследовал все состояние отца. Может быть, она нуждалась в защите от ненавидевших ее граждан Афин. Не исключено, что ей нравился Лисикл – деятельный, честолюбивый, богатый мужчина, гораздо более близкий к ней по возрасту, чем Перикл. Она могла руководствоваться и другими соображениями. Например, в связи с тем, что афинские законы лишали ее прав как чужеземку, а жители Афин постоянно ее преследовали, решение Аспазии стать сожительницей другого влиятельного мужчины выглядит вполне резонным, поскольку лишь такой человек мог защитить ее от множества недругов.

Почти наверняка Аспазия познакомилась с Лисиклом через Перикла. Возможно, Лисикл был одним из ее поклонников, восхищавшихся ее умом и красотой. Или его привлекла к ней роль любовницы, которую она исполняла при Перикле. Как бы то ни было, Перикл сам выбирал людей своего окружения и требовал от них относиться к этой женщине с уважением.

Какими бы соображениями Аспазия ни руководствовалась, ее совместная жизнь с Лисиклом оказалась непродолжительной. Вскоре после того, как она родила ему сына, Лисикл погиб в бою, и ей вновь пришлось самой заботиться не только о себе, но и о незаконнорожденном малютке-сыне.

Однако афиняне никак не хотели оставить ее в покое. Когда Аспазии уже исполнилось сорок пять лет, Аристофан развязал против нее новую кампанию ожесточенных нападок. В комедии «Ахарняне» он обвинил ее – ни много ни мало – в том, что именно она стала причиной Пелопоннесской войны. Один из героев комедии, земледелец Дикеополь, подробно перечисляет события, которые привели к войне. Если верить его рассказу, несколько пьяных молодых повес прокрались в Мегару и похитили там Симефу-девку. Разгневанные мегарцы отплатили им той же монетой, похитив двух девок у Аспазии, которую называли сводней. Разгневанная похищением двух своих девок Аспазия вынудила Перикла начать Пелопоннесскую войну.

Мы не знаем, что случилось с Аспазией после смерти Лисикла, хотя и по сей день ее судьба продолжает вызывать оживленные споры среди специалистов. Очевидно, что Аспазия была достаточно умна, чтобы правильно оценить свое положение в зрелом возрасте, как она смогла это сделать в юности. Бесправная иностранка в обществе, которое ненавидело ее и боялось, она не молодела и не обладала надежной защитой. У нее, правда, еще оставались некоторые преимущества – природная, хоть и увядающая, красота, репутация женщины с искрометным остроумием, в полной мере обладавшей здравым смыслом, – и сын, законный наследник Перикла. А еще она прослыла потаскухой, что, несомненно, импонировало некоторым мужчинам.

Вполне возможно, что Аспазия вновь пыталась найти покровителя, как она сделала вскоре после смерти Перикла. Представляется менее вероятным, что роль защитника взял на себя ее старший сын Перикл. Если бы это случилось, какие-то сведения, скорее всего, сохранились бы в литературе, которая язвительно или иначе откликнулась бы на отношения матери и сына. Но настроенные против Аспазии сатирики хранили молчание, на основании чего вполне можно сделать вывод о том, что она связала свою жизнь с ничем не выдающимся мужчиной, который не удостоился внимания современников, покинула Афины или окончила жизненный путь в безвестности.

Если судить по дошедшим до нас сведениям о том, что она преподавала, а также о ее убеждениях, получается, что Аспазия ратовала за торжество справедливости и добродетели, за достижение равновесия в неустойчивом мире. Но она навсегда была обречена оставаться чужестранкой и женщиной в Афинах, где царили жесткие законы и нравы, а потому ей приходилось полагаться на отношения с Периклом, чтобы обеспечить себе некоторое влияние и материальный достаток.

Коринна[5]

Одной из самых загадочных и поразительных любовниц была женщина, которую воспел и обессмертил великий поэт Овидий в произведении «Любовные элегии» под вымышленным именем Коринна. Бурные отношения Коринны и Овидия развивались в Риме, упадок которого привел к принятию имперского законодательства о реформе нравов, но жаждавшие наслаждений граждане в большинстве случаев смотрели на него сквозь пальцы.

За два десятилетия до возникновения христианства Рим Овидия и Коринны был одновременно восхитителен и ужасен. В городе соседствовали прекрасные особняки и перенаселенные трущобы, протяженные акведуки и общественные бани производили неизгладимое впечатление. Город мог похвастаться замечательными театрами со сложным сценическим оборудованием и огромными цирками, где зрители восторженно вопили или негодующе свистели, когда на арене специально обученные львы задирали пытавшихся от них спастись преступников (позже так нередко казнили христиан), а лучники убивали обезумевших от страха диких слонов и пантер. Римские рынки поражали воображение разнообразием свезенных со всех концов империи товаров – экзотическими продуктами, шелковыми и шерстяными тканями, винами и перебродившими соусами для рыбы.

Гений градостроения и самовластия Цезарь Август взирал на свою империю с высоты холма Палатин, но картины, вставшие перед его мысленным взором, нагоняли на него безысходную тоску. Незадолго до конца правления, в 14 г. н. э., он украсил свой любимый, но уже клонившийся к упадку Рим мраморными зданиями, построив театр Марцелла, Большой цирк и восемьдесят храмов – столь же долговечных, как и его *Pax Romana,* или «Августов мир». Он также пытался изменить порочные нравы сограждан изданием законов Юлия (Августа), регулировавших брачные и сексуальные отношения, а также вопросы наследования.

Десятилетия анархии, восстаний и военных кампаний сильно поколебали моральные устои римского общества. Тосковавшего по старым порядкам Августа особенно беспокоило то обстоятельство, что римские женщины стали совсем не такими, какими были раньше добродетельные матери семейств, непритязательные и верные супругам труженицы. Почему с ними произошли такие перемены? Призывы мужчин в армию и участие в войнах привели к изменениям и в жизни женщин.

Когда мужей забирали в солдаты, остававшиеся дома жены в основном сами вели хозяйство, женщины из богатых семейств управляли своими большими имениями. Им приходилось общаться с внешним миром более активно, чем раньше, и – неизбежно – некоторые из них обзаводились любовниками.

Когда наступал мир, к прежним нравам римляне уже не возвращались. Они откладывали заключение браков, но не прерывали сексуальные отношения. Занимавшие высокое положение мужчины заводили любовниц, а когда находились подходящие невесты, они просто прекращали встречи с подругами. Многие женщины, способные вступить в брак, но незамужние, оставались без всяких надежд на то, что им когда-нибудь доведется выйти замуж за подходящего мужчину. В такой ситуации неопределенности некоторые женщины практиковали разные эротические и даже запретные наслаждения.

Коллективное желание римлян потакать своим страстям в ту эпоху переходило все границы. Граждане были одержимы развлечениями, толпами валили на пирушки и праздники, охотно посещали театры, спортивные состязания, цирки. Богатые римляне объедались, и их тут же выворачивало наизнанку на глазах у других собравшихся, причем такое поведение общество считало вполне допустимым. Уважаемые женщины, по вечерам возвращавшиеся домой, нередко становились свидетельницами пьяного разгула мужей, предававшихся раз-

врату с куртизанками или проститутками. Даже сам добродетельный Август, создавший себе идола для поклонения из собственной жены Ливии Друзиллы, имел вполне заслуженную репутацию развратника.

При Августе в Риме сосуществовали два стандарта – юридический и фактический. Как и Греция, Рим представлял собой рабовладельческую демократию, в условиях которой вся власть и права принадлежали только свободным мужчинам – и больше никому. Положение свободных женщин и вольноотпущенниц было значительно лучше положения рабов, но ни одна женщина, из какой бы богатой и могущественной семьи она ни происходила, не обладала даже малой частью тех прав, которые получал ее брат, став взрослым, и которыми в полной мере обладал ее отец.

Юридически вся власть в семье принадлежала отцам семейств – *pater familias.* При таком порядке женщина оказывалась в положении полного подчинения. Юридическая власть отца семьи – *patria potestas* – отражала лишь его собственные интересы, игнорируя при этом интересы его жены и детей – даже тогда, когда те вырастали. Все начиналось с того, что новорожденного ребенка приносили к отцу и клали у его обутых в сандалии ног, чтобы он мог исполнить свое право фатального отбора. Если родитель поднимал хныкавшего мальчика с пола или приказывал накормить девочку, новорожденным даровалась жизнь. В противном случае младенцев душили, морили голодом, оставляли на склонах холмов или на берегах рек на растерзание диким зверям. Неудивительно, что такая участь гораздо чаще ожидала девочек, чем мальчиков.

Большинство беззащитных родившихся девочек погибало. Некоторых спасали сжалившиеся над ними посторонние люди. Других специально разыскивали, их ждало безрадостное детство, полное домашних трудов, а потом девочек продавали в рабство или – гораздо чаще – делали из них проституток.

Но дети, не обреченные на смерть сразу же после рождения, тоже не могли чувствовать себя в безопасности. Отец в любой момент мог продать их в рабство. Навлечь на себя гнев родителя было смертельно опасно: многие отцы сознательно лишали жизни раздражавших их отпрысков.

Замужество дочери не облегчало ее участь. Выбранный ей в мужья мужчина сменял отца, причем нередко это происходило тогда, когда она была еще ребенком. Если женщину уличали в супружеской измене, муж имел право ее убить. Он мог ее избить – даже до смерти, – если она пила вино. Если мужчина подозревал, что жена его пробовала вино (не в целях дегустации), он целовал ее, чтобы по запаху ее дыхания определить, пила она или нет; эти поцелуи получили название *ius osculi.* Вот в таких условиях оказывались свободные женщины, а положение вольноотпущенниц и рабынь было значительно более приниженным.

Сожительница – *concubina* – в Риме значительно уступала в правах жене. Свободная женщина или вольноотпущенница, она сожительствовала с мужчиной, не являвшимся ее мужем. Предполагалось, что мужчина не должен иметь и жену, и сожительницу – по крайней мере, одновременно. В этом заключался определенный смысл, поскольку сожительница мужчины, как правило, стояла ниже его на социальной лестнице. Поэтому он мог выгнать любовницу, если она рожала ему незаконных детей или если мужчина решал вступить в брак.

Вдовцы также предпочитали жить с любовницами, а не жениться снова. Такое положение не налагало на них никаких обязательств, а если сожительница рожала вдовцу детей, это не представляло никакой угрозы его законным отпрыскам в вопросе наследования. Вдовцам было значительно проще жить с любовницами, потому что ни они, ни их дети не могли предъявлять им никаких претензий, а после их смерти претендовать на наследство.

С другой стороны, сожительство имело и некоторые преимущества. С юридической точки зрения сожительницу нельзя было преследовать за измену, хотя от обвинений в разврате она защищена не была. В отдельных случаях мужчина мог обойти суровые римские законы и юридически усыновить или удочерить ребенка любовницы. Еще реже он мог на ней жениться.

Однако привилегированные римляне поступали так, будто неумолимых законов вообще не существовало. В отличие от Ливии Друзиллы, жены Августа, которая намеренно носила простые и достаточно скромные одеяния, новая женщина Рима не жаловала простоту, да и заботе о детях она уделяла далеко не все свое внимание. На деле уровень рождаемости тогда снижался из-за отравлений свинцом, из которого были сделаны в остальном замечательные городские водопроводы, а также из-за применения примитивных форм противозачаточных средств и абортов.

Представительницы знатных семейств в эпоху Августа начинали день отнюдь не с молитв, за которыми должны были следовать непрестанные хлопоты по дому. В то время привилегированная дама просыпалась с высохшей маской из муки с молоком на лице, которую накладывала перед тем, как лечь в постель. Рабыня приносила воду похожей на привидение госпоже, та ополаскивала лицо, а потом мокла в ванне, дожидаясь, когда придет *unctor* – «натирающий маслом» – с его притираниями. После того как массажист возвращал ее коже эластичность и придавал мышцам тонус, благоухающая ароматическими маслами дама одевалась и делала прическу, закалывая волосы, разглаживая их или завивая в кокетливые локоны. Потом она пудрила лицо, румянила щеки, красила губы, подводила веки и сурьмила брови. Последний штрих составляли ювелирные украшения с драгоценными камнями, привезенные со всех концов огромной империи: серебряные и золотые кольца, браслеты на ногах и на руках, ожерелья и броши.

Для женщин, которых привлекал этот новый, потворствующий людским слабостям стиль жизни, такой тщательный уход за собой составлял прелюдию сексуального приключения. Некоторые из них даже пытались подражать греческим гетерам. Август, который испытал потрясение и возмутился, узнав, что внебрачные интрижки интересуют женщин не меньше, чем его самого, стал решительным противником подобных любовных связей.

В таких условиях Август издал законы Юлия (18–17 гг. н. э.), предусматривавшие наказания за супружескую неверность, которая приравнивалась к уголовному преступлению и жестоко каралась. Но в измене можно было обвинить только замужних женщин, которые наставляли мужьям рога, и мужчин, которые вступали в половые отношения с замужними женщинами, а не мужей, развлекавшихся с незамужними любовницами. Вдовы и свободные незамужние женщины, которые вели сексуально активную жизнь, рисковали подвергнуться обвинению в разврате, менее тяжком преступлении. Эти новые законы были направлены на то, чтобы вынудить женщин – прежде всего представительниц высших слоев общества – выходить замуж или повторно вступать в брак, оставаясь при этом добродетельными, покорными и привязанными к домашнему очагу.

Однако, как нередко случается, когда вводятся чересчур строгие наказания, обвиненные в прелюбодеянии изменницы теряли половину наследства и треть собственности, а изменники половину собственности, и тех, и других ссылали на отдаленные острова, где принудительное исполнение закона практически было невозможно – на законы почти перестали обращать внимание. Август одержал лишь одну блистательную победу: он с успехом провел расследование, направленное против его собственной дочери – Юлии, одной из самых известных в Риме блудниц.

Великий римский поэт Овидий – аристократ, богатый и исключительно талантливый молодой человек, одержимый страстью к женщинам, любовью и сексом, – прекрасно вписывался в этот мир вседозволенности. В шестнадцатилетнем возрасте он вступил в первый из

своих трех браков – женился на совсем молоденькой девушке, достоинство которой постоянно пытался принизить. В «Любовных элегиях», написанных, когда ему было двадцать три года, он представил читателю Коринну – свою своевольную, чувственную и неверную любовницу. Римляне восприняли его сочинение с небывалым энтузиазмом, некоторые из самых горячих поклонников Овидия исписывали его стихами стены общественных зданий. Вполне вероятно, что содержание и огромный успех «Любовных элегий», наряду с другими обстоятельствами, побудили Августа принять пуританское законодательство.

До сих пор среди специалистов не прекращаются споры о том, кем на самом деле являлась женщина, представленная под условным именем Коринна. Больше всего будоражит воображение предположение о том, что любовницей Овидия была Юлия, непокорная и дерзкая дочь самого императора Августа, – однако доводы, подтверждающие эту гипотезу, весьма сомнительны. Но кем бы она ни была, Коринна как живая представлена на страницах бередящего душу произведения Овидия. Достаточно немного воображения, симпатии и проницательности – и мы готовы с ней познакомиться.

Необходимые для этого факты предоставляют нам «Любовные элегии». Коринна была немного старше Овидия, но значительно моложе своего мужа (поэт неприязненно называет его дряхлым старцем), причем изменяла она и тому, и другому. Ей еще не исполнилось и двадцати лет, когда она стала любовницей мужчины, с которым испытала первый оргазм. После этого она всегда злилась и расстраивалась, если во время полового акта партнер не доводил ее до пика чувственного наслаждения.

Коринна была тщеславной и самовлюбленной, но в то же время весьма привлекательной, она обожала пользоваться косметикой. Ее отличали выдержка, порывистость и страстность. Коринне нравилось дразнить Овидия и возбуждать в нем ревность.

Она привыкла жить в роскоши и потому избегала мужчин, у которых не хватало средств на то, чтобы поддерживать ее материально и делать ей дорогие подарки. Под предлогом того, что ей нравится участвовать в скачках, она флиртовала с наездниками. Коринна рисковала сама и стремилась заручиться поддержкой слуг, в частности своей горничной Нале, вовлекая ее в свои любовные интриги. Она любила молодого любовника-поэта, но он любил ее еще сильнее.

Может быть, на самом деле Овидий был влюблен в любовь, поскольку, уверяя Коринну, что одна она навеки будет его любовью, он прибавляет:

> Стань же теперь для меня счастливою темою песен, —
> Знай, что темы своей будут достойны они.
> …Прославят и нас мои песни по целому миру,
> Соединятся навек имя твое и мое[46].

Овидий был прав. Продолжительные отношения с Коринной в изобилии давали ему материал для создания настоящей мыльной оперы, в которой перемешались горе, экстаз, непонимание, интрига, опасность, угрозы, ложь и комичное удивление. «Любовные элегии» блестяще отразили тончайшие оттенки отношений в среде представителей римской элиты.

Давайте посмотрим, как Овидий накануне ужина в гостях, где будут присутствовать они с Коринной и ее муж, наставляет любовницу, как надо вести себя. «Только в последний бы раз он возлежал за столом!»[7] – желает поэт мужу любовницы и просит ее прийти раньше

---

[4] Здесь и далее «Любовные элегии» Овидия цитируются по изданию: *Публий Овидий Назон.* Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. М.: Художественная литература, 1983. Перевод С. В. Шервинского. Перевод этого же отрывка с английского языка выглядит иначе:…когда ты себя отдаешь мне, быть может, тогда мне даешьПредмет для творенья стихов. Мой дар вознесет этот стих,И он обессмертит тебя…Конечно, в стихах.Тогда нас с тобой, дорогая моя, узнает весь мир,И наших известность имен навек уподобят богам.

супруга, для того чтобы она, как только тот «ляжет за стол», с невиннейшим видом легла рядом, но его, Овидия, «трогала тихонько ногой».

Потом Овидий предлагает Коринне обмениваться тайными знаками во время ужина и поясняет, что будет бровями красноречиво с ней говорить и что речь им будут заменять пальцы и чаши с вином. Если Коринна вспомнит их сладострастные забавы, пусть коснется щеки большим пальцем, а если захочет в чем-то его упрекнуть, пусть слегка притронется к уху.

В словах Овидия часто звучит жгучая ревность: если муж предложит вина, «вели самому ему выпить»; не принимай от мужа угощенья, которое он уже отведал; не позволяй ему обнимать тебя. Не позволяй его пальцам тянуться «к лону, к упругим грудям», говорит любовник, который сам совершал немало «дерзкого»: часто «в торопливой страстности» они с Коринной делали «под полой сладкое дело свое». Но это еще не все.

> Главное дело, смотри: ни поцелуя ему!
> Если ж начнешь целовать, закричу, что твой я любовник,
> Что поцелуи – мои, в ход я пущу кулаки!

Для Овидия непереносима мысль о том, что муж Коринны «по закону» наслаждается близостью с ней. Он требует, чтобы любовница его «без ласковых слов, через силу» отдавалась мужу, если тому ближайшей ночью вздумается уединиться с ней, и чтобы любовь ее была скупой. Если же Коринне придется исполнить супружеский долг, поэт желает, чтобы муж ее не испытал наслаждения, «а уж тем более» она.

Овидий повествует о физической красоте Коринны, не останавливаясь перед описанием интимных деталей. Однажды в жаркий день, разморенный зноем, он прилег на постель в своем доме, и в этот момент к нему вошла Коринна «в распоясанной легкой рубашке», с тонкими, как паутинки, цвета кедровой древесины распущенными волосами, спадающими на белоснежные плечи, – такой же, по преданию, в спальню входила восточная царица или куртизанка высокого полета, знавшая любовь многих мужчин. Овидий срывает легкую ткань с любовницы, и ее тело «в безупречной красе» предстает перед его взором. Он перечисляет многочисленные прелести Коринны: это и изящные плечи и руки, и соблазнительные, жаждущие ласки полные груди, и гладкий живот, и пышный прямой стан, и юные крепкие бедра, и… Тут даже не обремененный условностями Овидий останавливается и просто добавляет, что «все было восторга достойно».

Но когда любовники бранились, насмешки Овидия могли стать жестокими, его острый ум и критический взгляд подмечали в Коринне пороки и недостатки. Она красила роскошные волосы составом, который поэт называет смесью из ядов, и с помощью «огня и железа» завивала их жгутом. От такого обращения они поредели и стали клочьями выпадать, так что, неохотно глядя на себя в зеркало, Коринна начинала горько плакать. Пока же ее волосы снова не приобрели природную прелесть, ей приходилось пользоваться париком из присланных из Германии волос пленных. А поэт еще и выговаривает ей: сама во всем виновата!

Потом Овидий описывал свое отношение к тому, что беременная Коринна втайне решилась избавиться от плода, да так, что едва не умерла. Он вправе гневаться, однако его гнев меньше страха за любовницу, которая почти наверняка зачала от него. И поэт молит богов сохранить Коринне жизнь и просит ее больше никогда так не делать.

Овидий сильно досадовал, когда Коринна просила его о подарках. Ведь он своими стихами мог «славу доставить любой» – разве это не самый прекрасный дар, какой хотела бы получить каждая женщина? Но когда Коринна, обожавшая шелковые туники и золотые украшения, хотела получить от него более осязаемые доказательства привязанности, Овидию становилось противно до крайности. Прекрати досаждать мне своими просьбами, говорил

он ей в таких случаях ледяным тоном. Я сделаю тебе подарок, но только тогда, когда мне самому этого захочется.

Когда им овладевал «буйный порыв», Овидий, как признается сам, мог оскорбить нежно любимых родителей и даже «удар нанести кумирам богов». Как-то раз он схватил Коринну за волосы и расцарапал ей лицо ногтями, а потом с ужасом увидел, как она в страхе «остолбенела», изумленная тем, как подобное могло случиться, потом затрепетала и разрыдалась. В этот момент, почувствовав себя виноватым, поэт предложил любовнице отомстить, впиться ногтями ему в лицо, не щадить ни волос его, ни глаз. Коринна не желала это делать, и Овидий попросил ее: «Чтоб знаки стереть злодеяний моих, поскорее, / В прежний порядок, молю, волосы вновь уложи!»[8]

Овидия также занимала организация тайных ночных свиданий. Они с Коринной были прекрасными стратегами, но оставались беспомощными без посредничества Нале, служанки Коринны. Нале была их постоянной связной, передавала им друг от друга записки и нередко организовывала встречи, убеждая колебавшуюся Коринну посетить Овидия.

Несмотря на взаимную страсть, Коринна и Овидий изменяли друг другу с другими любовниками. Как-то в жуткую ночь Коринна не пустила Овидия к себе домой, а сама в спальне предавалась любви, пока он как привидение слонялся у ее жилища. Когда утром утомленный любовник Коринны на нетвердых ногах вышел из дома, он, к стыду поэта, заметил, что Овидий сторожил запертый дом. После ссоры или непродолжительного расставания Коринна приходила к Овидию, садилась к нему на колени, ерошила ему волосы и ласково упрашивала вернуться. Она была так прекрасна, что он всегда уступал. Пожалуйста, просил он ее в своих стихах, хотя бы кажись скромной, «зловредной молве» сама не разглашай свои похожденья, не говори громко о том, «что свершалось в тиши». Ты слишком красива, чтобы быть добродетельной, потому что красота и добродетель несовместимы. Сотри следы поцелуев, причешись и застели постель перед тем, как меня принять.

Коринна была любовницей Овидия в течение нескольких лет, но потом прекратила их отношения. Почему? В «Любовных элегиях» есть намек на то, что она ушла от него к какому-то солдату – неотесанному мужлану, который существовал за счет каких-то незаконных махинаций. Может быть, она застала Овидия *in flagrante*[5] с собственной мастерицей по прическам, которую он соблазнил, или чьей-то неудовлетворенной женой? Или, несмотря на хвастливый рассказ поэта о том, что как-то раз Коринна заставила его испытать девять оргазмов за ночь, у Овидия нередко пропадала мужская сила, что вполне могло быть вызвано отравлением свинцом знаменитых римских водопроводов?

Он сам не без иронии признавался:

Тщетно, однако, ее я держал, ослабевший, в объятьях,
Вялого ложа любви грузом постыдным я был.
Хоть и желал я ее и она отвечала желаньям,
Не было силы во мне, воля дремала моя.
…Все повторяла она, чем возбуждается страсть.
Я же, как будто меня леденящей натерли цикутой,
Был полужив-полумертв, мышцы утратили мощь.
Вот и лежал я, как пень, как статуя, груз бесполезный, —
Было бы трудно решить, тело я или же тень?[6][9]

---

[5] In flagrante delicto *(лат.)* – поймать на месте преступления. Усеченная форма *in flagrante* нередко используется в качестве эвфемизма, когда речь идет о любовниках, застигнутых врасплох во время полового акта.

[6] В переводе с английского языка этот фрагмент выглядит так:Когда сжимал ее в объятьях, он вялым был, как лист вчерашнего салата, —Пустой балласт в пустой постели супостата.Ее желал я, и она меня еще сильней хотела,Но плоть моя

Каковы бы ни были на то причины, Коринна навсегда исчезла из жизни Овидия, но не из гипотез историков, которые тщетно пытаются выяснить: кем же она все-таки была? что ей довелось пережить в качестве любовницы Овидия? какие чувства она испытывала, читая новое сочинение ее бывшего любовника под названием «Наука любви» – назидательную поэму, предлагавшую конкретные советы в любовных делах?

Представьте себе Коринну, сохранившую остатки былой красоты вдову средних лет, чей хворый старый муж недавно отошел в мир иной. «Наука любви» вызвала небывалый резонанс. Все друзья Коринны только об этом произведении и говорили, а самые близкие из них знали, что оно многим обязано буйным годам, когда Коринну связывали с Овидием любовные отношения. Конечно, ее поразил цинизм бывшего любовника, откровенное бесстыдство его расчетливого, рационального подхода к отношениям с любовницей – а ведь он с такой глубокой убежденностью говорил ей, что будет любить ее вечно! А теперь пал так низко, по сути дела, создал нечто вроде пособия, в первой и второй частях которого наставлял мужчин, где искать любовниц и какими средствами приобретать и сохранять за собой женскую любовь, а в третьей советовал женщинам, как им лучше привлечь к себе мужчин и сохранять их привязанность.

Как же реагировала на это искушенная Коринна? Без негодования и даже без удивления, потому что всегда знала, что поэзия Овидия отражала его жизнь, что он брал на заметку каждый поцелуй, каждое возвышенное движение души, каждое возбуждающее прикосновение, каждый бурный оргазм. Коринна сознательно стала его любовницей, заранее зная правила игры. Как и тогда, когда вышла замуж за человека значительно старше нее, которого, возможно, выбрали ей в мужья родители, она ни во что не ставила такие ценности, как супружеская верность и воспитание детей, присущие римским матерям семейств в былые времена. Вместо этого она предпочла растрачивать долгие часы не обремененных заботами о детях дней в неистовстве праздников и исступленных наслаждениях, в частности на скачках, где наездники выглядели такими же холеными и лощеными, как их скакуны.

«Наука любви» должна была вызвать у нее ощущение дежавю, воскресить в памяти годы молодости, то время, когда она была любовницей Овидия. Все решает техника, так начал свое произведение Овидий, и Коринна, должно быть, понимающе кивнула, когда это прочла. Во-первых, где искать себе любовницу? Театры, скачки, цирки, пиры, даже храмы предоставляли для этого прекрасные возможности. (Мы встретились на званом обеде. На мне была пурпурная шелковая туника, а волосы я заплела в косу, которую красиво уложила на голове. Ты сел рядом и все время не сводил с меня глаз.) Помни при этом, что женщины более похотливы, чем мужчины, и не могут противостоять действительно опытному и настойчивому поклоннику. (Как это верно, по крайней мере в том, что касается похоти. Но опыт и настойчивость оправдывают себя лишь отчасти, они, как ты мог понять в отношениях со мной, порой причиняют немало неприятностей.)

Заручись поддержкой ее служанки, подкупи ее, чтоб она помогала вам общаться друг с другом и шпионила за хозяйкой. (Ах, Нале, ты помнишь те времена?) Давай сумасбродные обещания, потрать немного денег. Соблазни ее красноречием, не отказывай себе в удовольствии писать ей длинные письма. (Как всегда, дешевка, правда, дорогой? Иногда тебе приходилось расплачиваться чистым золотом и изумрудами.) Одевайся опрятно, будь подтянутым и чистоплотным. Сделай вид, что выпил лишнего, и признайся ей в вечной любви. (Значит, я оказалась права, называя тебя лжецом! Только не поняла тогда, что на самом деле ты был трезв.) Не жалей для нее лести, умоляй со слезами на глазах. Если она запрет дверь,

---

мужская не была способна делать свое дело,Лишая нас обоих наслажденья.…Какое жалкое виденье!Я мертвым грузом там лежал, гнилым бревном,Себе казался призраком в несчастий своем.

заберись на крышу и проникни в ее покои через окно в потолке или в стене. Потом – если она сама не сможет решиться – возьми ее силой, потому что женщинам очень нравится грубое обращение, и они могут обидеться, если ты позволишь им отбить твою атаку. (Выходит, в итоге ты так ничего и не понял. Ты презирал солдат, но на меня набросился с такой яростью, что от испуга я даже не смогла тебя прогнать.)

Если не можешь избежать ссор, улаживай разногласия в постели. (Мы с тобой в постели и ссорились, и мирились.) Если тебе нужно, целуй ей ноги. Когда занимаешься с ней любовью, очень важно, чтобы она тоже достигала оргазма или, по крайней мере, мастерски его симулировала. (Значит, тебе совсем не нравится, когда оба любовника не достигают пика наслаждения? Интересно, что бы ты мне сказал сейчас обо всех тех ночах, когда, несмотря на все мои усилия, ты был как лист вчерашнего салата?)

В третьей части нашел яркое отражение неизменно высокомерный и снисходительный взгляд Овидия на женщин. Не пренебрегай своим внешним видом, поскольку немногим из вас присуща естественная красота. (Но ведь *я* была красавицей – и даже теперь не утратила привлекательности.) Особенно важны волосы. Делай элегантные прически, скрывай седые волоски и пряди, пользуясь краской или париком. (Мне все еще приходится полагаться на парик – мои чудесные кудри и теперь не переносят грубой краски.) Остерегайся запаха из подмышек и выщипывай волосы на ногах. Пользуйся румянами, пудрой, подводкой для бровей. Чисти зубы и следи, чтоб у тебя не пахло изо рта, иначе усмешка может стоить тебе любовника. Занимайся музыкой, стихосложением, танцами и играми. Играй азартно, но с холодной головой. Во время акта любви выбирай возбуждающие позы, шепчи запретные слова, стенай от исступленного наслаждения, только не открывай окна – наготу тела лучше всего оставлять в полутьме. (Но не моего, поэт, мое тело – само совершенство.)

Даже когда они пылали страстью друг к другу, Овидия мало волновало, как Коринна относится к его поэзии. Однако он опасался другого, потенциально опасного критика – самого императора Августа. Во 2 г. н. э., после того как тот осудил собственную дочь Юлию за прелюбодеяние и сослал ее на островок в Тирренском море, а десять лет спустя так же поступил с ее дочерью, Юлией Младшей, Август взялся за Овидия. Он обвинил лучшего римского поэта в поощрении супружеской измены и сослал его в отдаленный портовый городок Томы (на территории современной Румынии). Овидий провел остававшиеся ему десять лет жизни в постоянных просьбах и призывах, обращенных к влиятельным людям с тем, чтобы ему позволили вернуться, но Август был неумолим, и горевавший Овидий скончался в изгнании.

Если бы Коринна была тогда жива, наверное, ее потрясло бы известие о смерти Овидия. Как и большинство людей ее круга, она была не менее виновна в разврате. Однако Овидий привлек к себе внимание, став величайшим летописцем незаконной любви в римском мире, где процветали внебрачные любовные связи. А Коринна лишь предавалась в том мире пороку.

Сделав выбор в пользу наслаждений бездетной любовницы, Коринна восстала против навязанного ей в молодости договорного брака и стала жить так, как ей самой хотелось. Она решилась отвергнуть старый Рим ради нового, постоянно искала наслаждений, требовала за свое очарование ценные подношения и пренебрегла материнством. Бравада и неуважение к обычаям прошлого возвышали женское начало Коринны и придавали ему смысл – пусть даже лишь в ее собственных глазах.

Долороза[10]

Исторический источник, в котором содержатся сведения о Долорозе – такое имя я придумала сожительнице с печальной судьбой, – описывает ее до крайности скупо, и на протяжении всей своей «Исповеди»[11] человек, позже получивший широкую известность под именем Августина Блаженного, ни разу не назвал подлинное имя этой женщины – женщины, которая прожила с ним пятнадцать лет и родила ему его единственного сына, Адеодата.

Отсутствие упоминания ее имени отнюдь не является свидетельством того, что Августин был к ней безразличен. И действительно, в своих произведениях он называет имя Моники, своей любимой матери, лишь один раз, хоть имена его лучших друзей, Апипия и Небридия, встречаются достаточно часто, как и имена других мужчин. Для общества, в котором жил Августин, мужчины имели большее значение, чем женщины, существа во всех смыслах подчиненные и униженные. Тем не менее первую половину жизни Августин провел с Моникой и Долорозой, причем глубина и страстность его привязанности к ним обеим стала важнейшим фактором его становления как христианина, учителя, теолога и проповедника.

О детстве и отрочестве Долорозы нам ничего не известно. Первое документальное подтверждение ее существования относится к 370 г. н. э. – именно тогда она встретилась с восемнадцатилетним Августином в Карфагене, где тот обучался красноречию. Он очень ее любил, причем гораздо дольше тех пятнадцати лет, что они прожили вместе. К сожалению, мы можем составить некоторое представление о жизни Долорозы до этой встречи лишь по аналогии с дошедшими до нас сведениями о детстве Августина.

Его отец, Патриций, был язычником, представителем гражданской аристократии в городе Тагасте на севере Африки (территория нынешнего Алжира). Он вел достойную жизнь, но неизменно испытывал недостаток в средствах, а потому вместе со своей женой Моникой постоянно был озабочен оплатой обучения их сына Августина – лучшего ученика городской грамматической школы, чья склонность к усвоению знаний намного превосходила способности его брата, Навигия, и сестры, которую звали Перпетуа.

В 371 г., проучившись год на окраине империи и потратив еще один на беспокойное ожидание того, соберет ли Патриций достаточно денег для продолжения его обучения, Августин приехал в Карфаген ради завершения образования. Для молодого ученика риторической школы и его приятелей, съехавшихся в великий город со всей Африки, Карфаген представлялся чем-то вроде кипящего котла, в котором космополитизм и разврат были неотделимы от опасности и свободы. Августин связался с так называемым демоническим братством, иначе именуемым «Эверсор» – «разрушитель» или, если дать этому названию более подходящее современное определение, «нарушитель спокойствия». Члены «братства» издевались над приезжими и учителями, подвергая их злобным розыгрышам и насмешкам. Молодой человек часто посещал театры, в основном он ходил на трагедии, чтобы со слезами избавиться от собственной печали.

Еще Августина непрестанно одолевала похоть: в семнадцать лет он был «влюблен в любовь», его глодал «тайный голод». Он стремился к любовным приключениям, а позже вспоминал о том, как «очертя голову летел навстречу любви, страстно желая попасть в расставленные ею сети»[12]. Августин был ревнив, подозрителен и боязлив, и эти качества нередко вызывали у него взрывы гнева и приводили к ссорам с приятелями. Он уже несколько месяцев так безнравственно и разнузданно проводил время, когда встретил покорную молодую Долорозу.

Именно тогда скончался Патриций, и бремя платы за учебу сына целиком легло на Монику. К тому времени Августин уже получил признание как лучший ученик, занимав-

шийся риторикой. Как и другие отличники из небогатых семей, он стал задумываться о выборе профессии (в его случае – о прибыльной должности в имперской юридической административной службе), а также о дальнейшем развитии своих способностей и налаживании связей, которые помогли бы ему осуществить это намерение.

Долороза вполне вписывалась в намеченный им план действий. Даже в IV в., когда полным ходом шел процесс христианизации, ученики риторических школ, как правило, заводили себе сожительниц, которых позже – когда находили подходящую для женитьбы девушку – бросали. Такое положение не смогли изменить ни столетия, ни процесс христианизации. Сожительство представляло собой долговременный союз, причем для женщины он был моногамным. Сожительницами становились либо рабыни, либо женщины, стоявшие на более низкой ступени социальной лестницы, чем их любовники, не собиравшиеся на них жениться, и такой сословный подход поддерживали отцы христианской церкви. Как учили эти святые мужи, изгнание сожительницы (и ее детей) составляло шаг к моральному совершенствованию.

Тем не менее на сожительниц нередко смотрели как на «матерей семейств», и хоть у них не было прав в рамках тех отношений, в которых они состояли, их ни в коем случае не уподобляли отбросам общества. Долороза была настолько набожной и порядочной, что недавно овдовевшая Моника без колебаний решилась на переезд к ним с Августином.

Позже Августин так писал о времени, прожитом с Долорозой: «В те годы у меня была женщина. Она не являлась моей партнершей в так называемом законном браке. Я сошелся с ней, когда меня обуревали страсти, а благоразумия не хватало»[13]. Долороза поняла и приняла такое положение вещей и потом до конца жизни хранила преданность Августину.

Нельзя не отметить, что далеко не все складывалось у них безоблачно. Их духовный мир был богат и насыщен, но вместе с тем между ними имели место серьезные религиозные расхождения. Как и Моника, Долороза неукоснительно следовала христианскому учению, поэтому принятие Августином манихейства – религиозно-философского учения, позже объявленного ересью, – должно было их серьезно беспокоить. Не меньшую важность представляла собой и другая проблема, а именно убеждение Августина в том, что он греховно похотлив и что каждый раз, уступая зову крови, он поддавался одолевающему его сексуальному искушению, в котором видел предательство собственной моральной чистоты.

После каждого полового акта его мучили угрызения совести из-за неуемной похотливости – «заразы плоти», которой он был одержим. Его страдальческие стоны и причитания огорчали и пугали Долорозу, верившую в то, что моногамные половые отношения ниспосланы человеку Господом для наслаждения. Августин же считал, что сожительство – это соглашение, заключенное мужчиной и женщиной ради удовлетворения похоти, а потому в сожительстве не следует иметь детей. Дол о роза с ним не соглашалась, по крайней мере в начале, и, скорее всего, отказывалась пользоваться противозачаточными средствами. В результате, когда Августину было девятнадцать лет, Долороза родила сына, которого назвали Адеодат, то есть «посланный Богом». Это имя пользовалось популярностью среди карфагенских христиан. Адеодат оказался незапланированным и нежеланным (как позже писал Августин) ребенком, но, как только мальчик появился на свет, он стал в семье общим любимцем.

На протяжении последующих тринадцати лет Августин, Долороза и Адеодат счастливо жили вместе. В отличие от Патриция, который изменял жене и даже не делал тайны из своих внебрачных любовных похождений, Августин хранил подруге верность, что было большим достоинством в эпоху широко распространенных мужских измен. По его словам, он встретился с Долорозой в тот период жизни, когда в нем бурлили чувства и когда его одолевало неуемное половое влечение, и, тем не менее, «она была единственной», и он «хранил ей верность».

Как и Моника, Долороза, скорее всего, не получила образования, но обладала природным умом, который помогал ей постоянно отстаивать свою позицию в противостоянии с высоким интеллектом Августина и его друзья ми-мужчинам и, дружбой с которыми он дорожил больше, чем отношениями с ней; позволял адекватно воспринимать его сетования на то, что ее сладострастие не дает ему возможности сосредоточиться на занятиях философией; примирял с его манихейством и смятением, охватывавшим его, когда он рассуждал о своем будущем; и, конечно, давал возможность совладать с проблемами, связанными с воспитанием маленького Адеодата и переездом к ним Моники.

Однако в целом положение Долорозы нельзя было назвать плохим. Августин вполне преуспевал на поприще преподавания риторики, что давало ему неплохой заработок и обеспечивало им с подругой достаток, хотя он жаловался ей на трудности в работе со своенравными карфагенскими учениками. Августин никогда не изменял Долорозе с другими женщинами, он души не чаял в Адеодате, одаренном и послушном ребенке. Переехавшая к ним Моника была настроена весьма дружелюбно, их с Долорозой объединяли общие религиозные убеждения и беспокойство по поводу заблуждений Августина. К тому же Моника обожала своего замечательного внука.

Тем не менее жизнь Долорозы с Августином и его матерью имела свои теневые стороны. Проповедники манихейства учили, что бездетное сожительство менее греховно, чем внебрачная связь, приводящая к рождению детей, и потому после рождения Адеодата Августин стал настаивать, чтобы Долороза применяла противозачаточные средства. Несмотря на любовь к сыну, его мучило чувство вины за то, что ребенок был зачат в грехе, и Августин постоянно открыто об этом говорил. Он ни разу не упомянул о Долорозе как о матери Адеодата, называя ее лишь своей сожительницей. Кроме того, с друзьями и матерью – причем зачастую, видимо, в присутствии Долорозы – он обсуждал возможность своего брака, но не с Долорозой, а того, который надо будет заключить ради продвижения по общественной лестнице.

Любовь Моники была всепоглощающей – как вспоминал Августин, его отличавшаяся строгим благочестием мать следовала за сыном и по суше, и по морю, желая жить с ним рядом, – и присутствие ее становилось навязчивым. Понимая ее и принимая такой как есть, он стремился к независимости или, по крайней мере, хотя бы к небольшой передышке, которая позволила бы ему отдохнуть от подавлявшего его присутствия Моники. В 383 г., прожив с Долорозой уже более десяти лет, Августин перешел к решительным действиям. Однажды ночью он с Долорозой и Адеодатом тайно отправился через море в Рим. Для Долорозы, его сообщницы, такой совместный побег мог быть чреват последствиями, причем весьма неприятными.

Рим не оправдал их ожиданий. Августин обзавелся многочисленными почитателями, но вскоре выяснил, что римские ученики тоже далеко не ангелы: они брали, что считали нужным, у одного преподавателя, а потом дружно переходили к другому.

Разочарованному Августину, который к тому же испытывал финансовые трудности, пришлось обратиться к его римским знакомым из числа манихеев с тем, чтобы они помогли ему получить должность публичного оратора в Милане, куда он раньше наведывался и где слушал Амвросия Медиоланского (которого стали почитать как святого вскоре после его смерти). Они познакомились, однако великий проповедник скептически отнесся к молодому ритору с резавшим слух африканским выговором. Тем не менее громадный авторитет и популярность Амвросия убедили Августина в том, что его собственное будущее связано с Миланом. Вскоре он отошел от манихейства и стал сторонником христианского неоплатонизма. Спустя некоторое время из Карфагена приехала Моника и обосновалась в новом доме Августина и Долорозы. Нет никаких сомнений в том, что Долороза, как и Моника, была

очень рада обретению Августином новых религиозных убеждений, составлявших основу их веры, но следующий этап становления его собственных взглядов не мог ее не расстроить.

Сначала беспрестанно обсуждался вопрос о том, как женитьба на какой-нибудь богатой наследнице может помочь одаренному, но небогатому Августину сделать блистательную карьеру. Августин постоянно колебался: с одной стороны, он прислушивался к доводам своего лучшего друга Апипия, который говорил, что брак не даст возможности воплотить в жизнь их проект создания монастырской общины, члены которой стремились бы к постижению мудрости; с другой – сам он свято верил в то, что брак может стать для него самым лучшим способом достижения профессионального успеха. Моника убеждала сына в том, что брак подготовит его к принятию крещения, которое смоет с него все грехи, и стала активно заниматься поисками достойной Августина невесты.

Возражала ли Долороза против этих планов или, скрепя сердце, соглашалась с Моникой? Позже Августин писал о ней как о женщине, подчинившей свою волю его решениям и принимавшей их без возражений. Но при этом она не могла не страдать: они пятнадцать лет прожили вместе, воспитывая сына, и потому Долороза не могла не печалиться, не могла не горевать со слезами на глазах (даже если пыталась скрыть это от других), что жизнь ее оказалась разбитой.

Тем временем Моника с Августином настойчиво и целенаправленно занимались поисками соответствовавшей его планам невесты. Вскоре они нашли подходящую кандидатуру – юную девушку, которая «достаточно понравилась» Августину, чтобы он попросил ее руки. Родители одиннадцатилетней девочки согласились, и состоялась помолвка, хотя из-за детского возраста невесты нужно было ждать свадьбы еще около двух лет. Однако продолжавшееся пребывание Долорозы в доме Августина, в его постели и в сердце его могло сильно расстроить будущих тестя с тещей, если бы те об этом узнали. Поэтому Долороза вдруг превратилась в пресловутую ложку дегтя в бочке меда, и от сожительницы потребовалось избавиться. Августин дал ей это понять, хотя возможно, это сделала Моника.

Долороза приняла печальную новость со смирением и покорностью, сцен она устраивать не стала. Ради будущего материального и духовного благополучия Августина она согласилась добровольно покинуть их общий дом, в котором отныне стала лишней. Что она чувствовала, кроме мучительного горя, навсегда прощаясь с любимым Августином и своим единственным ребенком (в отличие от большинства других мужчин, расставшихся с сожительницами, Августин решил оставить своего незаконнорожденного сына у себя)? Какие слова утешения произносила Долороза, когда говорила с Адеодатом, укладывая вещи перед разлукой?

Долороза отправилась в родную Африку одна, дав обет никогда больше не связывать жизнь с другим мужчиной. Ее отъезд разбил Августину сердце, превратив его в кровоточащую рану (по его собственным словам), и хоть неуемная похоть заставила его завести другую сожительницу в ожидании любовных утех с подраставшей будущей супругой, он никогда не оправился от удара, вызванного утратой Долорозы. Потом случилось так, что с ним говорил Бог, воспретивший Августину заниматься любовью с сожительницей и заставивший его еще раз подумать о матримониальных планах. Реакция Августина последовала незамедлительно: он дал обет безбрачия.

Мы можем предположить, что последствия разрушенной любви оказались для Августина такими же трагичными, как и для Долорозы, ведь он так и не смог оправиться от этого удара. Он расторг помолвку с юной невестой и целиком посвятил себя служению церкви, став выдающимся духовным деятелем. Но до конца дней Августин продолжал оплакивать свою утерянную возлюбленную. Их отношения вполне могли продолжаться на протяжении всей жизни, если бы Августин не испытывал отвращения к своей неуемной похоти, усугуб-

ленного его личными амбициями, которые вынудили его отречься от сожительницы, принадлежавшей к более низкому сословию.

Поскольку Августин ничего не сообщает о кончине Долорозы, можно предположить, что ее одинокая жизнь продолжалась. Впрочем, он писал лишь о собственных муках, собственных переживаниях, собственных страданиях. Августин не оставил упоминаний о том, пытался ли он что-то узнать о первой, любимой сожительнице, посылал ли ей деньги, известил ли ее о смерти шестнадцатилетнего Адеодата. А Долорозе должно было быть известно, что в 389 г. Августин вернулся в Африку, два года спустя был рукоположен в священники, а с 396 г. стал епископом Гиппона. Наверное, она чувствовала глубокое удовлетворение от того, что он, как и она, неуклонно придерживался основ христианского учения, а также потому, что Августин столь высоко поднялся по ступеням церковной иерархии.

Спустя века обращение в христианство Августина все еще ставят в заслугу Амвросию, а не той женщине, которая на протяжении пятнадцати лет убеждала его сделать этот шаг. Следовало бы воздать должное огромному вкладу любимой подруги Августина в его духовное становление, а она осталась в истории незамеченной и безымянной. Нам известно лишь то, что она была сожительницей Августина.

Примечания автора

[1] Самым важным источником этого раздела является Книга Бытия, главы 16–25. Я пользовалась *The New Oxford Annotated Bible* (New York: Oxford University Press, 1989), а также следующими статьями, которые поясняют, уточняют и развивают соображения относительно соответствующего раздела Книги Бытия: John Otwell, *And Sarah Laughed: The Status of Women in the Old Testament* (Philadelphia: Westminster Press, 1977); Savina J. Teubal, *Hagar the Egyptian: The Lost Tradition of the Matriarchs* (San Francisco/New York/Grand Rapids: Harper & Row, 1990); Phyllis Trible, *Texts of Terror* (Philadelphia, USA: Fortress Press, 1984); John W. Waters, «Who Was Hagar?» в *Stony the Road We Trod: African American Biblical Interpretation.* В Книге Бытия, 16:1-16, 21:8-21 излагается драматическая история Агари в нескольких стихах, остающихся в высшей степени спорными, поскольку ученые продолжают дискуссии относительно их истинного значения. Они включают новое прочтение библейских текстов, действовавших тогда юридических документов и законов, а также скрупулезный анализ, сравнение и деконструкцию текстов. Я читала, размышляла и – не без доли волнения – пришла к собственному пониманию этого неясного образа, смутная тень которого будоражит умы уже много веков. (В статье Phyllis Ocean Berman «Creative Hidrash: Why Hagar Left», *Tikkun* 12, [март – апрель 1997], 21–25, сказано, что автор и студенты, с которыми она училась в еврейской школе, слушали «историю соперничества между Сарой и Агарью не единожды, а два раза в год во время циклов чтения Торы». Нет ничего удивительного в том, что образ Агари и поныне продолжает завораживать и привлекать такое пристальное и порой гнетущее внимание.)

[2] Основными источниками этого раздела являются: http://langmuir.physics.uoguelph.ca/-aelius/hetairai.html; Shannon Bell, *Reading, Writing & Rewriting the Prostitute Body* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994); Eva Cantarella, пер. Maureen B. Fant, *Pandora's Daughters: The Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987); James N. Davidson, *Courtesans and Fishcakes: The Consuming Passions of Classical Athens* (London: HarperCollins, 1997); Nancy Demand, *Birth, Death and Motherhood in Classical Greece* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994); Robert Flacelieve, *Love in Ancient Greece* (London: Lrederick Muller Ltd., 1960); Rojer Just, *Women in Athenian Law and Life* (London, New York: Rutledge, 1989);

Eva C. Keuls, *The Reign of the Phallus: Sexual Politics in Ancient Greece* (New York: Harper & Row, 1985); Jill Kleinman, «The Representation of Prostitutes Versus Respectable Women in Ancient Greek Vases». Дополнительные материалы можно найти в Интернете по адресу: http://www.perseus.tufts.edu/classes/JKp.html (1998, 6 августа); а также в Hans Licht, *Sexual Life in Ancient Greece* (London: George Rutledge & Sons, Ltd., 1932); Sarah B. Pomeroy, *Goddesses, Whores, Wives, and Slaves: Women in Classical Antiquity* (New York: Schocken Books, 1975).

[3] Bell, 32–38, трактует смысл содержащихся в «Менексене» упоминаний об Аспазии как о преподавателе, составлявшем многочисленные политические речи, которые произносили публично ее ученики, включая Перикла.

[4] Madeleine Mary Henry, *Prisoner of History: Aspasia of Miletus and Her Bibliographical Tradition* (New York: Oxford University Press, 1995), 44, цитаты из Цицерона и Квинтилиана, где отражен этот эпизод.

[5] Основными источниками этого раздела являются: Richard A. Bauman, *Women and Politics in Ancient Rome* (New York: Routledge, 1992); Eva Cantarella, пер. Maureen B. Fant, *Pandora's Daughters: The Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987); Jane F. Gardner, *Women in Roman Law and Society* (Bloomington: Indiana University Press, 1986); Ellen Greene, *The Erotics of Domination: Male Desire and the Mistress in Latin Love Poetry* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998); Mary R. Fefkowitz and Maureen B. Fant, *Women's Life in Greece and Rome: A Source Book in Translation* (2-е издание) (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992); Sara Mack, *Ovid* (New Haven: Yale University Press, 1988; Ovid, *The Erotic Poems,* пер. и ред. Peter Green (New York: Penguin Books, 1982); Sarah B. Pomeroy, *Goddesses, Whores, Wives, and Slaves: Women in Glassical Antiquity* (New York: Schocken Books, 1976); Ronald Syme, *History in Ovid* (Oxford: Clarendon Press, 1978); John C. Thibault, *The Mystery of Ovid's Exile* (Berkley: University of California Press, 1964); F. P. Wilkinson, *Ovid Recalled* (Cambridge: Cambridge University Press, 1955).

[6] Овидий, пер. и ред. Peter Green, «Любовные элегии. Книга первая», в *The Erotic Poems,* 89.

[7] Там же, 89.

[8] Там же, 97.

[9] Овидий, «Любовные элегии», III, 7, в *Latin Lyric and Elegiac Poetry: An Anthology of New Translations,* ред. Diane J. Rayor и William W. Batshaw (New York: Garland Publishing, 1995).

[10] Основными источниками этого раздела являются: Antti Arjava, *Women and Law in Late Antiquity* (Oxford: Clarendon Press, 1996); St. Augustine, *Confessions* (Fondon: Penguin Books, 1961); Gerald Bonner, *St. Augustine of Hippo: Life and Controversies* (Fondon: SCM Press Ptd., 1963); William Mallard, *Language and Love: Introducing Augustine's Religious Thought Through the Confessions Story* (University Park: Pennsylvania: Pennsylvania University State Press, 1994); Margaret R. Miles, *Desire and Delight: A New Reading of Augustine's* Confessions (New York: Crossroad Publishing Co., 1992); Kim Power, *Veiled Desire: Augustine on Women* (New York: Continuum Publishing Co., 1996).

[11] Мемуары Августина стали важнейшим источником для посвященного Долорозе раздела так же, как жизнеописания Перикла и сочинения Овидия – при написании разделов об Аспазии и Коринне.

[12] Bonner, 54.

[13] Power, 98.

ГЛАВА 2
Восточные наложницы и гаремы

НАЛОЖНИЦЫ В КИТАЕ
Юйфан
Мэй-Йин

НАЛОЖНИЦЫ В ЯПОНИИ
Дама Нидзё

ГЕЙШИ

НАЛОЖНИЦЫ ГАРЕМА
Роксолана
Цыси

В странах Востока сожительство во многом напоминало брак, признавалось законом и принималось обществом. Развитие внебрачных отношений было обусловлено нежеланием мужчин довольствоваться лишь одной сексуальной партнершей и соответствовало их стремлению бахвалиться своей мужской силой и богатством, выставляя напоказ обладание другими женщинами, помимо жены. Такая узаконенная неверность могла существовать лишь в обществах, где безраздельно господствовали мужчины. Но даже при этом условии существование в отдельных семьях такого рода отношений, когда мужчина приводил в свой дом новую женщину, желая жить с ней супружеской жизнью, требовало хотя бы минимального их приспособления к потребностям как законных жен, так и наложниц. Поэтому законы, определявшие правила сожительства, были направлены на то, чтобы защитить жен от эмоционального предательства мужей, а наложниц – от возмездия со стороны эмоционально беззащитных жен. Самое важное различие между наложницами и любовницами состояло в том, что дети наложниц признавались законными.

НАЛОЖНИЦЫ В КИТАЕ[1]

«Как печально быть женщиной! Ничто на земле не ценится так дешево», – жаловался китайский поэт III в. Фу Сянь[2].

В Древнем Китае всю жизнь женщин до мельчайших деталей строго регламентировали господствовавшие там отношения патриархата, что лишало представительниц слабого пола индивидуальности, не предоставляя им никакого выбора. С глубокой древности до современности китайские женщины неизменно находились в подчиненном положении на протяжении периодов правления всех сменявших друг друга династий. Условия жизни китаянок претерпели радикальные изменения лишь под влиянием революционных движений XX в., в результате которых старый уклад жизни был разрушен.

На протяжении двух тысячелетий духовная жизнь и социально-политическая структура китайского общества в основном определялись положениями конфуцианства – этико-политического и религиозно-философского учения, разработанного мыслителем и философом Конфуцием (551–479 гг. до н. э.). В период правления династии Хань (206–220 гг. н. э.) оно получило статус официальной идеологии. Конфуций учил, что семья составляет основу всего общества, но при этом полагал, что в интеллектуальном плане женщины неполноценны. Законы, на которые оказало влияние конфуцианство, требовали от жен подчинения мужьям, от дочерей – отцам, от вдов – сыновьям, а в целом женщины должны были быть покорны мужчинам.

Буддизм, зародившийся в Индии в VI в. до н. э., позже получил распространение и в Китае, соперничая там с конфуцианством. Буддизму не удалось разрушить устои традиционного китайского образа жизни, основывающиеся на философии Конфуция, и к IV в. эти системы сосуществовали, оказывая влияние друг на друга. Постепенно распространившийся в Китае буддизм также принижал роль женщин на том основании, что они более сладострастны, чем мужчины, и воля их слабее, чем у мужчин. И конфуцианство, и буддизм укрепляли образ жизни, при котором женщины подчинялись мужчинам, а их своенравная натура подавлялась.

Как и греки с римлянами, китайцы принимали рождение девочек без особого энтузиазма, нередко появление в семье дочерей вызывало у них недовольство. Маленькая девочка считалась лишним едоком, которого требовалось кормить, а семья ее не имела от этого никакого прока. Потом девушка выходила замуж и работала на мужа, либо ее продавали – она становилась наложницей или *муи тунг,* то есть рабыней, – причем нередко семья получала при этом меньше денег, чем затрачивала на то, чтобы ее вырастить. Так зачем ей было жить, этому воплощению утраченной возможности, если с того момента, как она появлялась на свет, от нее не было никакой пользы? А если девочке удавалось выжить в младенчестве, зачем было давать ей имя? Ведь она – лишь временный член семьи, и жить ей предстояло в другом месте, под крышей дома чужого мужчины. Поэтому на протяжении долгих столетий многих дочерей в Китае чаще просто нумеровали, вместо того чтобы давать им имена: «девочка номер один», «девочка номер два». Благодаря исследованиям психологов, работавших с заключенными, мы знаем, насколько подобная система деморализует человека. В Китае такое пренебрежительное игнорирование личности распространялось и на женщин, имевших имена, поскольку почти во всем остальном их положение ничем не отличалось от участи их нумерованных сестер.

Наложницы в Китае составляли часть семейной структуры, имевшей исключительно большое значение. Наложницам отводилась четко определенная роль, на них возлагались конкретные обязанности. Они исполняли дополнительные функции жен и имели собствен-

ный статус – весьма скромный, но четко определенный. Люди относились к ним без того презрения, какое испытывали к шлюхам, их воспринимали иначе, чем прекрасно образованную Аспазию, благочестивую Долорозу или подобных им других женщин Древней Греции и Древнего Рима, хотя китайские мужчины нередко находили себе наложниц в домах терпимости.

Некоторым наложницам, которым особенно везло, мужчины выделяли отдельные жилища, хотя большинство делили кров хозяина с его женой, детьми, слугами и, нередко, с другими наложницами. Это обеспечивало им определенную безопасность, но вместе с тем приводило к сложным и зачастую напряженным отношениям между обитателями дома. Благополучие и счастье наложницы обычно зависело от ее умения сориентироваться в хитросплетении домашних интриг, а также – в прямом смысле слова – от сексуальной политики.

Иметь наложниц в Китае было весьма престижно. Чем больше наложниц мог себе позволить содержать мужчина, тем уважительнее к нему относились. Наложницы служили подарками, которые получали чиновники или женихи. Вместе с тем все знали, что порядочная женщина никогда не станет наложницей, «в сраме отданной мужчине без свадьбы или церемонии»[3].

Когда жена не могла отвлечься от исполнения обязанностей по дому, наложница сопровождала хозяина в деловых поездках. Важнее было то, что, когда его жена не могла производить потомство, наложница рожала ему наследников. Рождение сына хозяину обеспечивало определенные привилегии даже наиболее бесправной наложнице. В этом случае рабыне больше не грозило быть проданной по малейшей прихоти любого домочадца, занимавшего более высокое положение в семье.

Хоть китайская наложница имела юридический статус, прав у нее было мало, а обязанностей много. Когда она изменяла господину с другим мужчиной, ее обвиняли в прелюбодеянии, и если хозяин заставал ее в этот момент, он мог убить и ее, и ее любовника. Другими наказаниями являлись, соответственно, семьдесят семь и восемьдесят семь ударов бамбуковой палкой, кроме того, прелюбодеев могли утопить в некоем подобии корзины, служившей для перевозки на рынок свиней. В отличие от убийства жены, убийство наложницы влекло за собой лишь легкое наказание.

Мужчины могли расставаться с наложницами, пройдя процедуру, схожую с разводом, а наложницы – по крайней мере, в теории – могли покидать своих хозяев. Хозяин традиционно обладал правом обвинения наложницы в семи «грехах», являвшихся причинами для расставания, включая ее непристойное поведение и чрезмерную болтливость. Наложница имела право сослаться лишь на три причины, в частности на отсутствие дома, куда бы она могла вернуться, что часто служило намеком на бедность хозяина.

Происхождение наложниц было таким же разнообразным, как происхождение их хозяев. Некоторые принадлежали к уважаемым семьям, отцы которых, отдавая дочерей в наложницы, получали определенную выгоду. Многие из них были *муи-жаис* – рабынями, брошенными или проданными обнищавшими или разорившимися родителями. Нередко перед тем, как их обучали соответствующим навыкам и продавали в наложницы (с очень приличной или даже грабительской выгодой), эти женщины работали в публичных домах или занимались уличной проституцией[4].

Критерии выбора жен и наложниц были очень разными. В отличие от жен, общественное положение и поведение наложниц большого значения не имело, но сожительницы должны были обладать необходимыми навыками работы по дому либо быть искушенными в искусстве любви и – если мужчина имел возможность выбора – физически привлекательными. Когда ревнивая или осмотрительная жена либо влиятельная наложница имели право влиять на выбор, они отдавали предпочтение самым неприглядным *муи-жаис,* чтобы те никогда не могли угрожать их собственному положению.

При продаже в наложницы *муи-жаис* выставляли напоказ как товар в соответствии с обычаем *шоу-ма.* Он заключался в том, что девушка должна была пройтись перед потенциальными покупателями, демонстрируя им свои достоинства, поговорить, показать лицо, руки и – главное – босые ноги. В Китае придавали большое значение форме и виду женской ножки, особенно ее размеру. Обращали внимание и на неповторимый запах тела потенциальной наложницы: сначала проверяли запах изо рта и чистоту дыхания, потом запах подмышек (покупатели их обнюхивали), а после этого – иногда – запах из влагалища. Туда могли ввести и вынуть финик, чтобы клиент получил возможность обнюхать его или лизнуть.

Однажды восхитительный ароматный запах тела оказался причиной того, что наложница превратилась в легендарную личность. И по сей день Сянфэй – «благоухающей наложнице», жившей в XVIII в. в период правления шестого маньчжурского императора династии Цин, – посвящаются литературные и музыкально-драматические произведения. Сказочное благоухание Сянфэй исходило из самых глубин ее естества, и потому ей не требовалось пользоваться ни духами, ни пудрой. Маньчжурский император, очарованный ее природной красотой, приказал похитить женщину у мужа и привезти ее в императорский дворец. Во время путешествия Сянфэй каждый день натирали душистыми маслами и купали в верблюжьем молоке, чтобы она не утратила свой дивный аромат.

Сянфэй не ответила взаимностью на восторженные чувства императора. Вместо этого она спрятала в спускавшиеся до земли рукава маленькие кинжалы и по секрету призналась служанке, что собирается воспользоваться ими для мести за похищение у любимого мужа и за то, что ее увезли из родного края.

Тогда, опасаясь за безопасность сына, в дело вмешалась вдовствующая императрица-мать, даровав Сянфэй «благоволение смертью» через удушение. Глубоко охваченный горем император обнял ее безжизненное тело. Даже после смерти от Сянфэй исходило благоухание.

Во внебрачных любовных отношениях с мужчинами обычных (и развратных) женщин не было ни романтики, ни героики. Как правило, жизнь наложницы отчасти напоминала домашний арест, при котором она сосуществовала с другими, соперничавшими с ней обитательницами дома – женой, остальными наложницами, даже со служанками, причем все они постоянно ссорились между собой и плели бесконечные интриги друг против друга. На кону состояла безопасность, точнее говоря, ее отсутствие. Поскольку все зависело от их мужа или хозяина, все женщины соперничали в борьбе за его внимание и благосклонность, будто участвовали в изнурительном забеге, призом в котором было достижение стабильно высокого положения, – так что каждая из них стремилась ослабить позиции соперниц. Самый верный способ добиться этой цели для наложницы состоял в том, чтобы родить хозяину мальчика.

В небогатых хозяйствах наложница проводила дни в тяжелой домашней работе, ее постоянно изводили и унижали неустанно наблюдавшие за ней жена хозяина или другие, соперничавшие с ней наложницы. В богатых домах время для наложниц текло медленно и однообразно, проходя в домашних заботах, уходе за собой, сплетнях и нескончаемой игре в маджонг. Борясь со скукой, наложницы часто курили опиум. Их партнеры поощряли такую практику, потому что пристрастившиеся к опиуму женщины были менее раздражительны и более покорны.

В Китае внебрачное сожительство практиковалось столетиями, и за это время наложницами становились миллионы женщин, но, как часто случается с простыми людьми, лишь единицы из них оставили записи о своей жизни. Некоторые – такие как «благоухающая наложница» XVIII в. – остались жить в легендах. Другие, жившие в XIX и начале XX в., сохранились в памяти детей и внуков. Лишь немногие оказались способны предоставить в распоряжение исследователей и писателей документы и воспоминания. Двумя такими

наложницами, поделившимися своими воспоминаниями, стали Юйфан, жившая в Китае, и Мэй-Йин, которая недолгое время жила на содержании мужчины в Китае, а потом эмигрировала в Канаду.

Юйфан

Юйфан родилась в пятый день пятой луны в начале лета 1909 г. в юго-западной Маньчжурии, бурлившей многочисленными волнениями и беспорядками, в 250 милях к северо-востоку от Пекина. Она была очаровательной девочкой с овальным личиком, румяными щечками и светлой кожей. Иссиня-черные блестящие волосы, заплетенные в толстую косу, спускались ей до пояса.

Главным достоинством Юйфан были крошечные ножки, которые ей по обычаю с детства бинтовали, чтобы ступни не увеличивались в размере. Детского размера забинтованные ножки считались признаком элегантности, гарантией покорности и свидетельством красоты. Кроме того, она была скромна и всегда хорошо себя вела. В качестве наложницы она стоила достаточно, чтобы ее отец смог удовлетворить честолюбивою мечту всей своей жизни – обзавестись собственными наложницами. Он вступил в переговоры с генералом Сюэ, военачальником и шефом полиции, и вскоре Юйфан оказалась на попечении генерала.

Юйфан повезло, потому что генерал Сюэ не привез ее в дом, где жил с женой и другими наложницами. Он поселил ее в отдельном доме вместе со слугами и симпатичной кошкой, с которой любила играть Юйфан. Генерал, выделявший средства на ее содержание, часто приезжал и занимался с ней любовью. Он предлагал ей курить опиум, но не принуждал к этому девушку. Оставаясь в одиночестве дома, Юйфан коротала время, читая стихи и романы, ухаживая за розами в саду, забавляясь с кошкой. Генерал Сюэ позволял юной наложнице ходить в оперу и навещать родителей, хотя она к этому не стремилась. Когда Юйфан однажды со слезами на глазах пожаловалась отцу, что не имеет почти никаких прав на своего любовника, тому это сильно не понравилось.

Вскоре опасения Юйфан оправдались: генерал Сюэ перестал к ней наведываться. На протяжении шести лет Юйфан жила в одиночестве. Иногда генерал писал ей, всегда присылал деньги, но Юйфан была безутешна: она постоянно горевала и печалилась, скорбя из-за его необъяснимого отсутствия, все время вспоминала проведенные вместе часы, пытаясь понять, что с ним произошло. В один прекрасный день он снова к ней приехал, как будто и не было шести лет разлуки, и опять занимался с ней любовью.

Спустя месяц Юйфан, к большой своей радости, поняла, что забеременела. Родив их с генералом дочь, она по его указанию назвала девочку Баоцинь. Год спустя генерал Сюэ распорядился, чтобы Юйфан вместе с Баоцинь переехала в особняк, где он жил с женой и другими наложницами. С болью в сердце Юйфан подчинилась.

В новом доме все тайные страхи Юйфан стали явью. Как только она переехала, слуга отнял у нее Баоцинь и передал девочку госпоже Сюэ, которая решила воспитать ее как собственную дочь. Баоцинь запретили называть Юйфан мамой, и теперь привязанность и нежность ребенка принадлежали лишь госпоже Сюэ. Более того, Юйфан обязали впредь относиться к Баоцинь с таким же подобострастием, как и к госпоже Сюэ.

Юйфан в одночасье превратилась во второстепенную наложницу, положение которой мало чем отличалось от участи служанки. Госпожа Сюэ шпыняла ее по всякому поводу. Еще больше ее печалило то, что престарелый генерал Сюэ был при смерти. Лишь теперь Юйфан отчетливо поняла, почему он так внезапно снова появился в ее жизни. Бездетный, со слабым здоровьем, он с женой решил, что Юйфан даст жизнь его позднему ребенку.

Вскоре судьба Юйфан должна была оказаться в полном распоряжении сильно ее недолюбливавшей госпожи Сюэ. Ради того, чтобы избавиться от родной матери Баоцинь, та,

вполне возможно, решилась бы продать Юйфан какому-нибудь состоятельному мужчине или даже в публичный дом.

Несчастную женщину спас генерал Сюэ. Перед смертью он велел жене вернуть Юйфан независимость. Госпожа Сюэ уважила его просьбу и отправила Юйфан в родительский дом, куда та вступила как на минное поле. К этому времени ее мать проиграла борьбу за власть и влияние двум наложницам, которых ее муж приобрел на деньги генерала Сюэ и к которым стал относиться гораздо лучше, чем к ней. Объединившись, наложницы держали в страхе всех домочадцев, включая недавно вернувшуюся Юйфан. Завершение ее истории, в отличие от многих других, оказалось счастливым. Не страдавший предрассудками друг семьи был поражен ее красотой и женился на ней, избавив от жалкого прозябания.

Мэй-Йин[5]

В 1907 г., за два года до рождения Юйфан, в провинции Квантунг в Южном Китае родилась Лён Мэй-Йин. Умерла она почти через шестьдесят лет в канадской провинции Британская Колумбия. Благодаря ее внучке Денизе Чонг, автору трогательных и вместе с тем обстоятельных воспоминаний «Дети наложницы: история китайской семьи, члены которой живут в разных концах мира», печальная история жизни Мэй-Йин стала доступна читателям.

Семья Мэй-Йин была не настолько бедной, чтобы топить или еще как-то избавляться от новорожденной девочки. В четыре года она была уже настолько смышленой, что не позволила матери бинтовать себе ноги, нарушив обычай, соблюдение которого могло еще в детстве позволить ей стать невестой. Вместо этого ее продали как служанку. В возрасте семнадцати лет, когда уже можно было выходить замуж, хозяин перепродал ее в качестве наложницы Чан Саму – имевшему дочь женатому крестьянину, которому понадобилась спутница в Канаде, где он работал, стремясь скопить денег, чтобы по возвращении в Китай улучшить условия жизни своей семьи.

Мэй-Йин пришла в ужас. Она считала, что порядочная девушка не может стать наложницей, но для нее единственным выходом из такого положения могло стать только самоубийство. Мэй-Йин выбрала жизнь и на пристани в Ванкувере впервые встретилась с Чан Самом. Он пригласил ее на обед и сказал, что в течение двух лет ей придется работать официанткой в закусочной, чтобы он мог вернуть деньги, взятые им в долг и потраченные на ее билет до Канады. Мэй-Йин испытала потрясение и пришла в негодование: по традиции в Китае к официанткам относились немногим лучше, чем к проституткам. Начало новых отношений оказалось для нее безрадостным.

Но Мэй-Йин пользовалась популярностью среди посетителей и получала неплохие чаевые. Она походила на куколку: ниже пяти футов ростом, худенькая, как стебель бамбука, с тонкими чертами напудренного лица, из-за чего казалась бледной, с выщипанными бровями и красиво уложенными густыми волосами.

Когда Мэй-Йин исполнилось девятнадцать лет, у них с Чан Самом родилась дочь, получившая имя Пин, а еще через год – вторая дочка, Нан, что расстроило Мэй-Йин так же, как ее собственное появление на свет в свое время огорчило ее мать. Вскоре небольшая семья надолго вернулась в Китай. Чан Саму хотелось успокоить и подбодрить свою жену, Хуанбо – та лишь недавно узнала, что у него есть наложница, – и сказать ей, что все они будут счастливо жить под одной крышей.

Сразу же после встречи женщины повздорили: властная Мэй-Йин начала давить на податливую Хуанбо и отказалась выполнять свою часть работы по дому. Для сохранения мира в доме Чан Сам отправил Мэй-Йин в школу и решил обзавестись второй наложницей, чтобы та помогала в работе по хозяйству. Узнав об этом, Мэй-Йин объединила усилия с Хуанбо, вынудила Чан Сама отказаться от его намерения и заставила изменить решение.

Хоть обычно он спал с Хуанбо, вскоре от него забеременела Мэй-Йин. Она убедила Чан Сама в том, что его первый сын должен родиться в Канаде и получить преимущества канадского гражданства. Он согласился с тем, что Пин и Нан должны остаться в Китае с Хуанбо, которая, будучи законной женой Чан Сама, считалась их матерью.

Вернувшись в Канаду, Мэй-Йин безмерно расстроилась, когда родила еще одну дочку – мать Денизы Чонг, Инь, позже ставшую известной под именем Винни. Отношения родителей Инь быстро ухудшались. Экономика Британской Колумбии серьезно пострадала во время Великой депрессии, причем особенно сильно кризис ударил по китайским кварталам. Пока Мэй-Йин работала официанткой, чтобы поддерживать канадскую и китайскую части семьи Чан Сама, тот безуспешно искал работу. Однажды Мэй-Йин просто сбежала от него, не сказав ни слова и оставив на него маленькую дочку.

Однако далеко ей убежать не удалось. Чан Сам нашел ее в закусочной и напомнил о ее обязанностях наложницы. Мэй-Йин вернулась домой. Но теперь ее уже не устраивало положение наложницы, которое почти ничего не давало ей, но требовало от нее немало, и скоро она стала выпивать и играть в азартные игры с посетителями закусочной, которые относились к ней с большой симпатией. Стремясь отдохнуть от неустанного надзора и постоянных нравоучений Чан Сама, Мэй-Йин уговаривала его съездить в Китай, где он мог бы зачать сына, рождения которого хотела вся семья. Он согласился, и она заплатила за его билет, одолжив деньги в счет будущей зарплаты.

Вернувшись в свое селение, Чан Сам с Хуанбо принялись строить новый дом на деньги, которые им высылала Мэй-Йин, нередко удовлетворяя их постоянные запросы за счет того, что брала в долг у хозяина закусочной и на комиссионной основе продавала лотерейные билеты. Чан Сам и Хуанбо ее за это не благодарили – ничего другого они от нее и не ждали.

Однако Мэй-Йин не собиралась жертвовать собой, тем более что нудный Чан Сам спокойно жил себе в Китае. Она стала занимать больше денег, лучше одеваться, продолжала играть, а время от времени ненадолго уезжала отдохнуть и расслабиться в Викторию, столицу Британской Колумбии.

Мэй-Йин все больше и больше втягивалась в азартные игры и через некоторое время серьезно к ним пристрастилась: она уже не могла удержаться от того, чтобы играть на будущую зарплату, нередко ее проигрывая. В конце концов ее долг стал слишком большим, и в обмен на него или просто за деньги она начала оказывать посетителям закусочной услуги сексуального характера.

Но это было еще не самым плохим. В 1937 г. Чан Сам решил вернуться в Канаду, оставив Хуанбо, Пин, Нан и своего недавно родившегося сына Юэня в Китае. Когда мальчик появился на свет, семья не столько радовалась этому, сколько печалилась, потому что у долгожданного ребенка были сильно деформированы ноги: при взгляде на Юэня создавалось впечатление, что сам он хочет двигаться вперед, а ноги собираются нести его в обратном направлении. (Жившей в Канаде Мэй-Йин так хотелось иметь сына, что она пыталась превратить в мальчика Инь, собственную дочь: девочка ходила в штанах с коротко остриженными волосами.)

Несмотря на проблемы с деньгами, пристрастие к игре и необходимость зарабатывать, оказывая сексуальные услуги, Мэй-Йин была очень рада той личной свободе, которую обрела во время длительного пребывания Чан Сама в Китае. Их новая встреча очень скоро привела к печальным последствиям. Он осуждал ее за то, что она часто проигрывала, курила, много пила и сорила деньгами, а также «все более настойчиво пытался оказывать на нее моральное давление».

Мэй-Йин ни в грош не ставила его скаредность (например, на обед Чан Сам брал себе миску риса, приправленную томатным соусом или вареньем), злилась на то, что он пытался

ее воспитывать, на конфуцианские афоризмы, которые тот постоянно повторял, на стремление во всем ее контролировать.

Как-то раз Чан Сам застал Мэй-Йин в квартире другого мужчины. Она окончательно его бросила, взяла с собой Инь и переехала в Нанаймо, город на острове Ванкувер. Чан Сам воспринял известие об этом без особых эмоций, ведь «Мэй-Йин продолжала оставаться его наложницей; единственной разницей было то, что теперь они жили раздельно». Сердце его принадлежало Хуанбо, и потому измена Мэй-Йин никак не сказалась на его чувствах. Кроме того, он знал, что его наложница, как и раньше, будет посылать деньги в Китай для поддержания семьи.

Мэй-Йин продолжала работать официанткой и играть в азартные игры, но пила теперь столько, что ее постоянно выворачивало наизнанку. Злость и досаду на то, во что она превратила собственную жизнь, Мэй-Йин вымещала на Инь, систематически избивая девочку и всячески изводя ее другими способами. «Чтоб ты подохла!» – постоянно повторяла она в сердцах, обращаясь к дочери.

Через какое-то время Мэй-Йин познакомилась с мужчиной, к которому относилась с уважением. Чоу Гуен был неглупым человеком, кризис конца 1920-х – начала 1930-х годов обошел его стороной. Они с Мэй-Йин сошлись, их отношения продолжались многие годы. Гуен, жена и дети которого жили в Китае, не содержал Мэй-Йин, он педантично вел учет всех денег, которые ей одалживал. Но он помог любовнице получить то, что она больше всего хотела, – сына, который заботился бы о ней в старости. Китайские мальчики для усыновления были большой редкостью, они стоили в десять раз дороже девочек, и Мэй-Йин пришлось заплатить триста долларов за малыша Гок-Лена, которого позже стали называть Леонард.

Изменившиеся обстоятельства жизни Мэй-Йин – снизившаяся после Великой депрессии зарплата, двое детей, Гуен – усилили ее неприязнь к Чан Саму и стремление к независимости. Завидев Чан Сама на улице, она нарочито не обращала на него ни малейшего внимания, к тому же Мэй-Йин запретила Инь называть его *баба*[7], якобы потому, что «он не твой отец». Она перестала давать ему деньги, и теперь ему самому приходилось платить за обучение Инь в школе.

В 1939 г. Мэй-Йин переехала в Ванкувер, где жил Гуен, пристроила Гок-Лена в дом к престарелой супружеской паре и сняла комнату, где поселилась вместе с Инь. Гуен был ее любовником, но он поставил ей обязательное условие для сохранения их отношений: она должна была сама снимать себе жилье и оплачивать все свои расходы.

Чан Сам, тосковавший по Хуанбо и страдавший от унижения, которое причиняла ему дурная репутация Мэй-Йин в китайской общине, решил, что из чувства собственного достоинства ему следует «развестись» с ней. «Это я привез ее сюда из Китая. И по традиции [Чоу Гуен] должен попросить у меня разрешения вступить с ней в связь».

Мэй-Йин была вне себя от гнева. «У меня на пальце нет кольца», – парировала она. А у Чан Сама, в отличие от его наложницы, кольцо на пальце имелось, поскольку он был женат. Чан Сам захотел продать свою непокорную и строптивую наложницу. Он сказал Мэй-Йин, что за право обладать ею Чоу Гуен должен ему заплатить три тысячи долларов.

«Я не продаюсь!» – огрызнулась Мэй-Йин. Чоу Гуен никогда не заплатит ему и цента, и она сама будет решать, как распорядиться собственной жизнью. Решение ее свелось к тому, что она продолжала пить и играть, закладывая, а потом выкупая свои украшения, и третируя дочку, смертным грехом которой был ее презренный пол. При этом она продолжала любить Гуена.

[7] Так по-китайски произносится слово «папа».

Однажды Чан Сам принес Мэй-Йин страшную новость о смерти их дочери Нан. Мэй-Йин передала свои соболезнования Хуанбо и написала старшей дочери Пин: «Больше мне не пиши. У меня сердце разрывается от горя». После этого она навсегда прервала связь с китайской частью семьи, из-за которой много лет ей приходилось поддерживать связь с Чан Самом.

Жизнь Мэй-Йин теперь текла по заведенному распорядку. Она постоянно искала все более дешевое жилье, переезжая из одной комнаты в другую. Через некоторое время после переезда она брала к себе детей. Как-то раз она решила обосноваться на одном месте всерьез и даже купила кое-какую мебель, в частности небольшое подержанное кресло для Инь. Позже в их жизни вновь появился Чан Сам, но теперь уже в качестве случайного знакомого: время развеяло их с наложницей былую неприязнь.

Инь постоянно беспокоили долги матери и неустроенность ее жизни с Гуеном, с которым та продолжала встречаться. Мэй-Йин настолько дорожила отношениями с ним, что иногда оставляла дочь без присмотра, желая следовать за любовником в другие места, куда он уезжал. Но даже в этом случае поздней ночью ей всегда приходилось возвращаться в свою комнату. Где же в такой ситуации, спрашивала себя Инь, были гордость и достоинство матери? В конце концов, ради избавления своей маленькой семьи от постоянной бедности, Инь поступила в медицинское училище, чтобы выучиться на медсестру. Там ей, азиатке, пришлось столкнуться с постоянными насмешками, нападками и издевательствами. Каждый месяц она посылала Мэй-Йин чек на 105 долларов – свою зарплату. Та его обналичивала и отправляла дочери обратно пять долларов на расходы.

Когда Инь, теперь называвшая себя Винни, обручилась, Мэй-Йин потребовала за невесту выкуп в пятьсот долларов и заручилась обещанием дочери воспитывать Гок-Лена, который уже стал Леонардом, в обмен на ее родительское благословение. Выкуп за невесту она получила, но жених Винни наотрез отказался заботиться о Леонарде. Мэй-Йин пришлось с этим смириться, и она подарила дочери традиционный свадебный подарок: пуховое одеяло и две подушки, а в придачу к ним купленный в рассрочку комод из кедра.

Мэй-Йин продолжала пить, ссориться с людьми, перестала следить за собой, ухаживать за сыном, за домом, даже любимый Гуен заботил ее теперь гораздо меньше, чем раньше. Она связывалась с Винни лишь тогда, когда ее охватывало отчаяние. Гуен ее бросил, сказав, что не даст ей ни цента, даже если она будет умирать от голода.

Через какое-то время она переехала к Винни, но постоянная потребность Мэй-Йин в выпивке и деньгах на ее приобретение создавали в семье невероятное напряжение. Как-то раз она пожелала Винни смерти, и та с горечью ей ответила: «Ты едва не забила меня до смерти; почему ты раньше не привязала меня к телеграфному столбу и не запорола насмерть? Тогда мне не пришлось бы пережить столько горя, сколько выпало на мою долю!»

Когда Мэй-Йин отказалась выехать из дома, муж Винни перенес ее в свою машину и отвез в китайский квартал к Чан Саму. Заключив между собой перемирие, они с Чан Самом на время ополчились против Винни. Потом вновь стали жить порознь. Чан Сам умер в 1957 г. от рака.

Жизнь Мэй-Йин продолжала катиться по наклонной: она так же пила, жила в отвратительных условиях, иногда нанималась на сезонную работу по сбору фруктов и овощей. Время от времени они с Винни встречались, вплоть до 1967 г., когда Мэй-Йин погибла в автомобильной аварии.

В отчете следователя было написано, что на момент смерти рост Мэй-Йин составлял четыре фута и девять дюймов, а вес – без малого девяносто фунтов[8]. Наследство ее тоже оказалось ничтожным: 40 долларов и 94 цента, закладная на нефритовые безделушки, склянки

[8] Соответственно 1 м 45 см 40 кг.

с высушенными травами и кашемировый свитер, подаренный ей Винни. Не особенно опечаленный ее смертью Гуен дал на похороны пятьдесят долларов, но сам на траурную церемонию не явился. С рождения обреченную нуждой и полом на тяжелую жизнь, Мэй-Йин погребли неподалеку от Чан Сама – как и при жизни, она и после смерти была от него отделена.

НАЛОЖНИЦЫ В ЯПОНИИ[6]

В отличие от Китая, в древней аграрной Японии женщин ценили, хотя не до такой степени, чтобы предоставить им равные с мужчинами права. Богинь, входящих в пантеон анимистической синтоистской религии, там высоко чтили, и когда богиня солнца Аматэрасу-омиками, «великое божество, озаряющее небеса», послала с небес внука править Японией, была основана правящая императорская династия.

Японцы также поклонялись синтоистским богиням, которые не отказывали себе в удовольствиях и пускались в многочисленные любовные похождения[7]. Сладострастие этих богинь являлось божественным доказательством того, что физическая близость дана для радости и удовольствия и женщины могут вступать в сексуальные отношения и наслаждаться так же, как и мужчины. В результате во времена господства синтоизма в Японии женщины наравне с мужчинами без особых проблем могли выражать свои сексуальные предпочтения и пристрастия. Лишь в среде самураев, военно-феодального дворянского сословия, бытовали ограничения сексуального характера. Даже в наши дни в основе национальной культуры лежит почтительное отношение японцев к сексуальным отношениям.

Культура Японии раннего периода, благоволившая к женщинам, положительно воспринимала женщин-правительниц. От древних легендарных времен, когда еще не существовало письменных документов, до XII в. женщины пользовались авторитетом и занимали должности, обеспечивавшие им немалую власть. Период с 522 по 784 г., например, остался в памяти народа, потому что правительницы оказывались у власти так же часто, как правители. По иронии судьбы, как раз в это время некоторые исключительно влиятельные женщины стали насаждать в Японии чужеродные верования, которые позже оказали глубокое влияние на синтоизм, а порой даже подменяли его положения. Императрица Суйко (годы правления: 593–628) преуспела в распространении корейского варианта буддизма, появившегося в Японии не менее чем за пятьдесят лет до начала ее правления, и покровительствовала буддийскому искусству. Две другие известные императрицы – Комио (годы правления: 729–749) и ее дочь и преемница Кокэн (годы правления: 749–758) – также получили известность как ревностные проповедницы буддизма.

Со временем японское общество усвоило присущее буддизму пренебрежительное отношение к женщине. Укоренились новые, двойные стандарты поведения. Права женщин стали нарушаться во всех областях жизни. Императрица Дзито (годы правления: 687–697) курировала составление японского законодательства при создании кодекса Тайхо, изданного в 701 г. Задачей кодекса, включавшего 30 разделов, являлось, в частности, оформление и уточнение налоговой и надельной систем. Согласно 9-му разделу, в котором определялись размеры подушного надела, свободная женщина могла получить лишь две трети нормы, полагавшейся мужчине. В XV в. кланы землевладельцев разработали «домашние законы», установившие правила, которые узаконивали подчиненное в юридическом и социальном плане положение женщин. Другие законодательные и социальные акты требовали от невест до вступления в брак хранить девственность, в то время как женихам полагалось обладать опытом сексуальных отношений.

В популярном пособии XVII в., посвященном роли женщины, отмечалось, что девушкам следует быть добродетельными, целомудренными, покорными и спокойными. Женщине вменялось в обязанность «смотреть на супруга своего как на повелителя», ей «надлежало служить ему с почтением и уважительностью, воспринимая его серьезно и без презрительности»[8].

Однако женщинам, выданным замуж по воле родителей, не предписывалось ни любить своих мужей, ни преклоняться перед ними. Спустя столетия для брака в Японии все еще характерен прагматический подход, что делает внебрачные связи более соблазнительными, чем в обществах, традиции которых требуют от супругов взаимной любви.

Покорным, но не чувствующим к мужьям особой привязанности женам из процветающих семейств нередко приходилось делить свои дома или, по крайней мере, мужей с одной или несколькими наложницами. К XVII в. модель сожительства, распространенная среди буддистов в Китае и Корее, уже в значительной степени прижилась и в Японии, причем ее участники следовали детально разработанным правилам.

Очень часто между женами и наложницами не существовало никаких противоречий. Сожительство было широко распространенным явлением, и многие девочки – будущие жены – вырастали в домах, где жили наложницы. Нередко они сами были дочерями наложниц. И жены, и наложницы отлично знали правила игры и прекрасно сознавали, какие последствия их ждут за неисполнение этих правил.

Положение наложниц соответствовало статусу слуг, и они никогда не могли достичь положения жены. Даже если наложниц хотели взять в жены вдовцы или холостяки, им запрещалось это делать. Если наложницу поселяли в доме хозяина, она была обязана повиноваться его жене, никогда не посягая на занимаемое ею положение. Теоретически жены должны были предварительно одобрять выбор мужьями наложниц. Женщины с достаточно сильным характером, чтобы осуществлять это право на деле, жили с наложницами в согласии. Что касается более слабых женщин, то, несмотря на гарантии супружеского статуса, они могли погрязнуть в нескончаемых междоусобных дрязгах с волевыми наложницами, которые имели о себе слишком высокое мнение.

Обзаводившиеся наложницами мужчины руководствовались при этом самыми разными соображениями: ими двигали соображения престижа, или сексуальное влечение, или романтическая любовь, но главное, они стремились получить наследника в том случае, когда жена не могла зачать ребенка. Бесплодие женщины давало ее мужу юридическое право на развод, но от такой крайней меры ее могла спасти наложница супруга, которая была в состоянии выполнить эту обязанность за нее. По этой причине многие жены испытывали радость, если в их доме появлялись способные к деторождению молодые наложницы.

Одно из наиболее распространенных названий наложницы – *мекаке* – означает «заимствованная утроба». Сын мекаке, зачатый от хозяина, не считался ее сыном. Жена его отца растила мальчика как собственного ребенка, а отец признавал его наследником. Его родная мать оставалась в семье на правах служанки, причем в этом же качестве она прислуживала и собственному сыну. Впервые рожденного ею ребенка мекаке видела на тринадцатый день после его появления на свет, когда вместе с другими слугами наносила официальный визит хозяевам, чтобы принести дань глубокого уважения маленькому господину, своему будущему хозяину.

Многие отцы семейств заводили для себя наложниц исключительно по эротическим причинам. Мужчина мог даже влюбиться в красивую молодую женщину и содержать ее в отдельном жилище, чтобы жена не докучала ей своими требованиями и не возникало соперничества с другими наложницами, которые прежде пользовались его благосклонностью. Если жена обвиняла его в том, что к наложнице он относится лучше, чем к ней, в дело могла вмешаться ее семья и потребовать возвращения приданого. Раздельное проживание потенциальных соперниц имело к тому же немалый экономический смысл. Однако в большинстве семей хозяин считал, что правила сожительства являются достаточной гарантией для мирного сосуществования, которое будет благоприятно сказываться на его авторитете и сделает его жизнь спокойной и удобной.

Дама Нидзё[9]

Как и во многих подобных случаях, большинство японских наложниц жили и умирали, не оставляя после себя никаких документальных свидетельств. Но одна исключительная женщина составила подробные записи с описаниями впечатлений, которые ей довелось пережить в качестве наложницы при японском императорском дворе. Дама Нидзё не выступает от имени миллионов своих менее удачливых сестер, но когда читаешь повествование о ее жизни «Признания дамы Нидзё», захватывает дух, потому что она была так наблюдательна, откровенна и вместе с тем настолько поглощена собственными чувствами, что в ее автобиографию были ненамеренно внесены сатирические нотки.

В XIII в., когда ей было четыре года, маленькая Нидзё попала ко двору «прежнего» императора Го-Фукакусы сразу после смерти своей несовершеннолетней матери Дайнагонноскэ. Го-Фукакуса – болезненный и застенчивый молодой человек с деформированным бедром – значительно уступал как правитель своему привлекательному и уверенному в себе младшему брату Камэяме, но какое-то время ему очень нравилась Дайнагонноскэ. Часть неразделенной любви к ней он перенес на ее шаловливую, симпатичную маленькую дочку, ив 1271 г. Го-Фукакуса с согласия отца взял девочку себе в наложницы. Тогда Нидзё было лет двенадцать-тринадцать, она как раз достигла того возраста, в котором девочки вступали в мир взрослых, выходили замуж или становились наложницами. Го-Фукакуса был старше ее на тринадцать лет.

Нидзё не особенно печалилась по поводу кончины матери и не очень переживала из-за того, что в одночасье кончилось ее детство. В то время девушку больше всего волновали наряды – как окружавших ее людей, так и собственные. В остальном, если не считать этого наваждения, она была девушкой культурной, начитанной, занималась музыкой, рисованием и всерьез гордилась своими стихами (по большей части весьма посредственными).

В качестве наложницы Го-Фукакусы Нидзё проявила себя как искушенная представительница постоянно интриговавших и соперничавших друг с другом придворных, где изрядно злоупотребляли *саке,* непрестанно занимались любовью, а также музыкой и стихосложением. Она была очень живой и одаренной молодой женщиной. Вскоре у нее родился сын, которого Го-Фукакуса признал официально, хоть ему было известно, что его наложница имеет много других любовников. Он даже как-то убедил ее совратить верховного жреца Ариаке, несмотря на то (а может быть, именно потому) что тот дал обет безбрачия.

Вместе с тем молодая наложница допустила несколько промахов, которые омрачали ее успехи. После кончины отца, который оставил молодую женщину без покровителя и наставника, Го-Фукакуса не торопился сделать ее официальной наложницей.

Дама Нидзё также переоценила свою неотразимость. Поскольку Го-Фукакуса терпимо относился к ее кратковременным любовным связям с другими мужчинами, она опрометчиво попыталась выдать его за отца троих детей, которых зачала от других мужчин. (Один из любовников совратил ее «словами, [которые] вызвали бы слезы даже у корейского тигра», с нежностью вспоминала она.) Вместе с тем дама Нидзё явно не проявляла интереса к Го-Фукакусе. Этого не могла изменить ни смерть их младенца-сына, ни высокомерие, вызвавшее неприязненное отношение к ней со стороны императрицы Хигаси, жены Го-Фукакусы. Даже поглощенная собой, дама Нидзё обратила внимание на то, что супруга императора не испытывала к ней того дружелюбия, которое было ей свойственно раньше.

И последним просчетом дамы Нидзё стало ее романтическое увлечение Камэямой – младшим братом Го-Фукакусы, которому император сильно завидовал. Через двенадцать лет Го-Фукакуса внезапно прогнал свою наложницу. Во время их последней мучительной встречи на даме Нидзё была изящная накидка из блестящего шелка с красным капюшоном,

а на кимоно выделялись вышитые синей шелковой нитью изображения корня маранты и кортадерии. Расставшись с ней, Го-Фукакуса вышел из помещения, пробурчав себе под нос: «Как же я ненавижу корень маранты!»

Через некоторое время дама Нидзё смирилась с утратой привязанности и уважения императора. «Как он мог быть таким бесчувственным?» – спрашивала она себя. Несмотря на то что она долго была (неверной) наложницей, Го-Фукакуса отказал ей в материальной поддержке. Даме Нидзё едва удалось избежать нищеты: чтобы заработать на жизнь, ей приходилось выступать со своими стихами, давать советы относительно внутреннего убранства жилищ – в общем, добывать средства к существованию любыми доступными способами. В это же время она стала буддийской монахиней, правда не совсем обычной, так как много путешествовала и встречалась с самыми разными людьми.

После семи лет странствий во время посещения одного святилища дама Нидзё неожиданно встретила Го-Фукакусу. (Он тоже совершал паломничество к святым местам.) На ней было изношенное монашеское одеяние – пыльное, обтрепанное и неопрятное, а сопровождал ее в странствиях горбатый карлик. Но Го-Фукакуса, тем не менее, ее узнал, и они провели всю ночь в ностальгических воспоминаниях. «Теперь любовь уже не имеет такого очарования, как в былые времена», – вздохнул он. Так, по крайней мере, писала дама Нидзё о его чувствах.

Несмотря на обычный финал своей жизненной истории, дама Нидзё, никогда не страдавшая избытком скромности, решила, что было бы интересно ее записать. Она оказалась права. Ее воспоминания стали одним из редких свидетельств любовных связей наложницы, ее мыслей и восприятия событий, а также обстановки при японском императорском дворе XIII в., где ей довелось прожить немало лет, и реалий повседневной борьбы за выживание среди простых японцев.

В воспоминаниях дамы Нидзё нашли отражение половая распущенность японской аристократии, откровенный прагматизм вельмож, их социальный снобизм и мудреные придворные ритуалы. Она разделяла распространенные тогда взгляды на любовь как на интимную игру, в которой имели значение романтика и поэзия, но никак не верность партнеру. И при дворе императора, и в доме преуспевающего торговца наложницы не имели той защиты, какой отличалось положение жен, – зато им часто была доступна эмоционально бурная и эротически разнообразная любовь. Что касается любви материнской, дама Нидзё была типичной придворной матерью-наложницей, жизнь ее проходила вдали от детей, за которыми следил отец и которых воспитывали слуги.

Но дама Нидзё была исключением в других отношениях, а именно в том, что оставила пространные воспоминания о своей жизни и проявила удивительную стойкость в борьбе с превратностями судьбы. Как ни странно, она сменила положение наложницы на тяжкую участь бродяжки-попрошайки без всякой жалости к самой себе, не впав при этом в отчаяние. Несомненно, в этом проявилась ее замечательная способность к преодолению жизненных невзгод. А может быть, дама Нидзё почувствовала облегчение от того, что в конце концов ей удалось избавиться от ограничений и неестественности положения придворной наложницы и перестать делать вид, что она любит непривлекательного, в чем-то даже отталкивающего Го-Фукакусу.

ГЕЙШИ

Отражением двойных стандартов в Японии служил не только институт наложниц и соответствовавшая ему структура семьи. Как и во многих других обществах, этот двойной стандарт распространялся и на широко практиковавшуюся проституцию. Проститутками в основном становились девушки из бедных семей: родители продавали их для занятия этой профессией. В период сёгуната Камакура (N85-1333 гг.) началось осуществление надзора за проститутками, а в годы правления сёгунов Асикага (1338–1573 гг.) была образована специальная служба, ведавшая налогообложением проституток. В эпоху сёгуната Токугава (XVII–XIX вв.) в этом направлении были сделаны следующие шаги, в ходе которых в Японии возникли широко известные кварталы удовольствий – лицензированные, чем-то напоминавшие зоопарки гетто для проституток, которые потрясали – и вместе с тем позже возбуждали – толпы зарубежных визитеров.

Однако в XIX в. для многих японцев, чьи договорные браки были бездетными, постоянно содержать наложниц было слишком обременительно, однако мужчинам не хотелось довольствоваться мимолетным вниманием проституток. Они стремились к установлению таких отношений с любовницами, какие в то время были распространены в западных обществах, но в японском стиле.

Одну из возможностей для встреч с любовницами предоставлял мир чайных домиков, где царили гейши. Первыми гейшами (что значит «люди, принимающие гостей», или «люди искусства») были мужчины, но к 1800 г. большинство гейш уже составляли женщины. Внешность типичной гейши отличала ее от всех других женщин. Цвет белого как мел лица резко контрастировал с темными обводами глаз и ярко-розовыми губами, а белая кожа шеи оттенялась тяжелым жестким париком из черных волос. В восхитительном и очень дорогом кимоно, подпоясанном *оби,* гейша казалась не столько женщиной, сколько каким-то неземным существом, невероятно привлекательным в сексуальном отношении. К XIX в. гейш стали называть *ики,* что можно приблизительно перевести как «потрясающая девица».

Обычно гейшами становились представительницы бедных слоев общества: девочек начинали обучать профессии в качестве учениц, когда им исполнялось лет десять – двенадцать. Для многих девушек из неблагополучных семей стать гейшей было самым верным способом занять более высокое положение в обществе. Они получали образование и могли помогать родителям, которым после заключения договора о том, что новая ученица-гейша должна будет работать в течение определенного срока, вручалось денежное вознаграждение.

Программа обучения гейш была детально разработанной и достаточно продолжительной. В нее входили пение и музыка, чрезвычайно сложная чайная церемония и искусство составления цветочных композиций. Элегантные ритуальные танцы гейши исполняли очень умело, поскольку во время танца на девушку мог обратить внимание состоятельный покровитель, или *данна-сан.* Много времени и денег тратилось на косметику и наряды. Каждый день гейши проводили перед зеркалом долгие часы: они делали макияж – в частности, наносили на кожу лица белила, превращающие его в подобие маски, – и надевали тщательно промасленный (пахучий и полный перхоти) парик.

Гейши перерабатывали, недоедали, их недооценивали – иначе говоря, к этим девушкам относились без всякого сочувствия и грубо с ними обращались. В соответствии с правилами этикета, принятыми в школах гейш, новенькую представляли как «девушку незначительных талантов», хотя, чтобы попасть в школу гейш, нужно было обладать незаурядными способностями.

Кроме того, будущие гейши проходили процедуру *мицу-аге,* представлявшую собой своеобразный обряд сексуальной инициации. Опытный мужчина старше девушки по воз-

расту проводил с девственной ученицей школы гейш семь ночей, втирая яичные белки ей между бедер, причем каждую ночь он поднимался все выше и выше, а на седьмую ночь его чувствительные пальцы оказывались внутри ее влагалища[10].

Гейш учили предельной осторожности в общении, поскольку их покровители должны были быть абсолютно уверены в том, что, независимо от услышанного или подслушанного, гейша скорее отрежет себе язык, чем кому-нибудь расскажет о том, что узнала. В XIX в. самураи в чайных домиках обсуждали планы свержения правительства сёгуна, и ни одна из присутствовавших при этом гейш их не выдала. Японские политики нередко проводили тайные встречи в *зашики,* салонах чайных домиков, в присутствии их любимых гейш.

Новая ученица становилась «младшей сестрой», а более опытная «старшая сестра» всему ее обучала – от использования хранившихся в тайне составных частей косметических средств до искусства ведения беседы, которая должна понравиться клиентам. Оплата услуг «старшей сестры» производилась в счет части будущих доходов «младшей сестры», которые та должна была начать получать, став гейшей. Главная цель «младшей сестры» состояла в том, чтобы после перехода в разряд полноправных гейш обзавестись богатым покровителем.

Ученица становилась гейшей, лишь сдав экзамен, который у нее принимали хозяйка чайного домика, ее учительницы и чиновники из управления по делам гейш. После этого в течение двух или трех лет она работала за жилье, еду и одежду, на что требовались немалые средства. Потом она работала за чаевые, а высокие гонорары, которые получала за труды, присваивала хозяйка чайного домика. На деле гейши оставались постоянными должниками своего чайного домика, и лишь те из них, у кого имелись богатые покровители, данна-саны, могли выплатить непомерные долги. Как правило, гейша становилась любовницей своего данна-сана.

Потенциальный данна-сан гейши должен был представиться хозяйке чайного домика, после чего та тщательно наводила о нем справки – прежде всего о состоянии его финансов – и лишь затем принимала решение. Если оно оказывалось положительным, потенциальный покровитель подписывал договор, в котором обязывался помогать гейше выплачивать ее долги, частично покрывать ее повседневные, а в некоторых случаях и медицинские расходы, а также оплачивать почасовые услуги, когда захочет проводить с ней время. Некоторым гейшам, которым выпадала большая удача, удавалось иметь не больше двух состоятельных покровителей за всю жизнь, – а остальным приходилось рассчитывать на то, что их общество не наскучит данна-сану через полгода или год.

От гейши не требовалось любить своего данна-сана, хотя ее учили льстить ему, очаровывать и всячески выражать ему свое почтение, как будто она была от него без ума. Их отношения носили характер ритуального и регулируемого соглашения. Гейша брала на себя роль опытной хозяйки, а ее покровитель изображал признательного клиента. Если, как порой случалось, между гейшей и данна-саном возникало чувство взаимной любви, это воспринималось ими как дополнительное преимущество. Если же, как тоже иногда бывало, гейша влюблялась в другого мужчину, она рисковала потерять своего данна-сана, навлечь на себя гнев хозяйки чайного домика и серьезно подорвать свою репутацию.

Жизнь гейш в Японии, где даже сегодня женщины, жалующиеся на сексуальные домогательства, подвергаются остракизму, и лишь самые храбрые феминистки осмеливаются оспаривать существующее положение вещей и требовать равенства полов, имела некоторые преимущества. Обычно гейшами становились весьма привлекательные девочки из бедных районов, и обстановка, в которую они попадали, возносила их на такие высоты, какие в той жизни, что они оставляли в прошлом, не то что достичь, но даже представить себе было невозможно. Гейши получали хорошее образование и знания в области искусств. Они освобождались почти от всех тяжелых домашних работ – у них не оставалось на это времени, да и желания особого этим заниматься не было. Как составная часть совсем непростого и ком-

фортного мира, в котором основную роль играли традиционализм, элитарность и эротика, они переносились в высшие слои общества.

Как и положение любовниц, статус гейш был слабо защищен, и никакого материального содержания им никто не выплачивал. Когда богатые покровители выполняли взятые на себя по договору обязательства, они могли бросать гейш – так многие данна-саны и поступали, – находя новых подруг вместо бывших. Тем не менее возможность вернуться обратно в чайный домик отчасти облегчала участь брошенной данна-саном женщины и смягчала причиненную ей боль, хоть это означало, что она снова должна была вернуться к повседневным обязанностям, включающим поиск клиентов и их развлечение. Некоторым гейшам удавалось отложить немного денег за время, проведенное с данна-саном, но в большинстве случаев после разрыва отношений с покровителем они терпели материальную нужду.

С учетом всех обстоятельств можно сказать, что жизнь ставшей гейшей девушки из малообеспеченной семьи существенно улучшалась, но только потому, что положение подавляющего большинства женщин в японском обществе оставалось недооцененным, и прежде всего это относилось к девушкам из бедных семей. Однако цена такого улучшения оказывалась высокой, поскольку за каждое преимущество, предоставлявшееся гейшам – образование, подготовку, введение в высшее общество, возможность получать денежное вознаграждение, – взималась плата. Они были связаны со своими покровителями договорными обязательствами и обременены огромными долгами, на выплату которых нередко уходила вся оставшаяся жизнь. Но самую высокую цену приходилось платить за то, что они становились заложницами чрезвычайно сложной и вполне вещественной экстравагантности собственных образов. Без макияжа и прически, без кимоно, оби и многочисленных аксессуаров своих одеяний гейши были обычными женщинами, и отношение к ним было соответствующим.

Институт гейш продолжает существовать и поныне, хотя численность их значительно сократилась. В отличие от 98 процентов японских женщин, гейши никогда не выходят замуж, они живут женскими общинами, которые называются *хана-мачи.* Хоть мужей гейши не имеют, нередко у них рождаются дети – некоторые от данна-санов, которые не заставляют их делать аборты, некоторые от тайных любовников. Дети доставляют много радости гейшам в их одинокой жизни. Интересно отметить, что лишь в хана-мачи и принадлежащих гейшам чайных домиках рождение девочки отмечается с большей радостью, чем появление на свет мальчика.

Во многих отношениях гейши продолжают хранить вековые традиции, но к некоторым вопросам проявляют на удивление ярко выраженный феминистский интерес.

В наши дни гейши продолжают встречаться с богатыми покровителями, которые обеспечивают им постоянный доход и общение. Но, несмотря на это, большинство гейш продолжают работать. Они живут на широкую ногу и всегда нуждаются в деньгах. Тех из них, кто с позволения хозяйки уходит из чайных домиков и устраивается самостоятельно, всегда с радостью принимают обратно: как правило, они возвращаются к работе в чайном домике после расставания с данна-саном, когда тот бросает свою гейшу или умирает, не оставив ей ничего по завещанию.

Однако, по отзывам гейш, самое тяжелое в их работе – это душевные страдания, вызванные тем, что любимый данна-сан – а многие гейши действительно любят своих покровителей – на ночь возвращается домой к жене. (Жен, как правило, гейши беспокоят меньше, поскольку они не представляют серьезной угрозы их браку.)

Кроме этой печали, присущей любовницам во всем мире, они мучительно переживают таинственность, окутывающую их отношения с любовниками, которые очень редко открыто появляются с ними на людях. Данна-сан одной гейши, известный высокопоставленный политик, скрывал ее от жены и общественности, хотя не делал из своих внебрачных

отношений тайны для друзей и секретаря. Когда он умер через несколько часов после разговора по телефону с гейшей, никто ей об этом не сказал, и она узнала о его кончине из последних известий. Она попросила разрешения присутствовать на его похоронах, и секретарь с друзьями дали на это согласие, но при условии, что она придет в обычной одежде, а не в своем красноречивом кимоно. «Понятно», – сказала гейша, уяснив, что от нее требуется. Однако, поразмыслив, она изменила мнение и отправилась на процедуру прощания с любовником в кимоно.

Вскоре месячное пособие, которое она получала, перестало ей приходить. Она подумала, что это произошло из-за ее появления на похоронах в кимоно. Но на самом деле так случилось потому, что данна-сан в завещании не оставил никаких указаний насчет любовницы. К счастью, финансовых затруднений она не испытывала, потому что имела собственный чайный домик, и смерть данна-сана не лишила ее доходов.

Недавно гейши устроили в Японии большой скандал после того, как средства массовой информации отказались от традиционной практики хранения в тайне информации о частной жизни общественных деятелей. В 1989 г., когда выяснились некоторые пикантные подробности из его личной жизни, с позором ушел в отставку премьер-министр Сосуке Уно («господин Чистый»). На самом деле, за давностью традиции его поведение трудно было назвать предосудительным: многие поколения политиков и их оппонентов были завсегдатаями чайных домиков, содержали любовниц-гейш, и в Японии это ни для кого не составляло тайны. Но на этот раз пара гейш, с которыми Уно постоянно поддерживал связь, нарушили традицию и заговорили. «Он покупал мое тело за 300 000 иен в месяц», – в приступе гнева призналась гейша Мицуко Наканиси, бывшая любовница Уно. Репортеры, к которым обратилась возмущенная женщина, решили донести ее слова до внимания общественности и предали огласке полученные от нее сведения.

Эти события привели к тому, что Манае Кубота, член парламента Японии, нарушила традиционную парламентскую завесу молчания, окружающую личную жизнь политических деятелей: она вынудила премьер-министра объясниться, настаивая на том, что тот «обращался с женщиной как с товаром». Мицуко Наканиси добавила: «Такой человек, как он, который плохо обращается со слабой женщиной, не должен быть премьер-министром».

Основной причиной политического фиаско Уно стало существующее в Японии гендерное неравенство. В эпоху, когда в стене мужских привилегий появились маленькие трещины, женщина пошла на беспрецедентный шаг, который раньше нельзя было даже представить: она во весь голос поведала миру о том, что мир уже знал, но предпочитал хранить в тайне.

НАЛОЖНИЦЫ ГАРЕМА

Императорские гаремы вызывают в воображении образы чувственных наложниц, находящихся под присмотром озлобленных женоподобных евнухов, и сексуально ненасытных императоров и принцев. Однако истинное положение вещей в императорских гаремах Китая и Османской империи было в значительной степени больше связано с властью, чем с сексом.

Арабское слово *харам* – по-русски «гарем» – символизирует изолированную от внешнего мира жизнь и полную внутренних противоречий обитель для женщин, заточенных внутри неприступных стен. Последний гарем в Турции прекратил свое существование в 1909 г. Из многих десятков тысяч наложниц, которых поглотили гаремы за столетия выполнения отведенной им роли, самой известной – турки, возможно, предпочли бы эпитет «позорная» – оказалась жившая в XVI в. женщина, которая вошла в историю как Роксолана, или «русская».

Роксолана[11]

Роксолана была умной и честолюбивой красавицей, миниатюрной и энергичной, с вздернутым носиком и искрометным взглядом. Согласно польской литературной традиции, ее звали Александра Лисовская, она была дочерью обедневшего православного священника из городка Рогатин в Карпатских горах на территории современной Украины. В соответствии с этой версией, она попала в плен во время набега татар, которые впоследствии продали девушку Великому визирю Ибрагиму-паше, позднее подарившему ее Сулейману – возможно, величайшему султану Османской империи. Больше о ее происхождении, семье, детстве или образовании нам ничего не известно. Жизнь Роксоланы как исторической личности началась лишь в 1526 г., когда она, попав в гарем, спровоцировала на драку первую наложницу Сулеймана, и та расцарапала ей лицо.

Намеренно уступив в драке сопернице, Роксолана одержала одну из самых блестящих стратегических побед. Она уже была второй *кадин,* или султанской наложницей, но черкешенка Гюльбахар Махидевран – первая кадин и мать принца Мустафы, наследника престола – оказалась непреодолимым препятствием на ее пути к тому, чтобы стать первой наложницей Сулеймана. В ходе ссоры Роксолана спровоцировала Гюльбахар применить силу, тем самым заманив соперницу в ловушку. Та вцепилась Роксолане в волосы и расцарапала ей щеки ногтями, обезобразив на некоторое время ее красивое лицо.

Однако победа Гюльбахар оказалась пирровой. Хотя Роксолана вынудила ее начать драку, она знала, что по строгим правилам гарема Гюльбахар нельзя было распускать руки, потому что за это ее могли оттуда изгнать. Поэтому, когда соперница в ярости на нее напала, Роксолана не стала сопротивляться.

Однако позже она жестоко отомстила Гюльбахар. В течение нескольких дней после ссоры Роксолана отвергала приглашения Сулеймана под предлогом того, что ее изуродовали. Султан был настолько потрясен и взбешен, что изгнал Гюльбахар из гарема. Почти сразу же после этого Роксолана заняла ее место первой кадин.

Хоть Роксолану отличала пленительная красота, ее быстрый взлет к самому высокому положению в гареме Сулеймана был поразителен: он свидетельствовал о ее уме, целеустремленности и присутствии духа. В гареме султана жили триста наложниц, яростно соперничавших друг с другом, поскольку ставки были слишком высоки. Положение наложниц было далеко не одинаковым. Большинство из них проводили тоскливые дни за мытьем полов и выполняли другие нелегкие обязанности. В самом тяжелом положении находились черно-

кожие женщины: на их долю выпадала наиболее трудная и грязная работа. Белые женщины, такие как Роксолана, выполняли многие другие функции – от ведения счетов до приготовления кофе.

Гарем располагался в старом дворце султана, там царила строгая иерархия, все соблюдали сложные правила поведения. Господствующее положение – в соответствии с известной истиной, гласящей о том, что жены меняются, а матери остаются навсегда, – занимала Хафса Хатун, носившая титул валиде-султан («мать султана»). В иерархии власти всей империи она занимала второе место, уступая лишь сыну, а в старом дворце ее власть не имела ограничений. Но ее отношения с наложницами сына не отличались ни близостью, ни доверительностью. Хафса-султан общалась с этими женщинами, которые завидовали ей, ненавидели ее и плели против нее заговоры, через кизляра-агу, своего непосредственного подчиненного, которого называли «генералом девушек» и который командовал чернокожими евнухами. По сути, обитательницами гарема правили эта пожилая женщина и кастрированный нубиец.

Однако кизляр-ага был слишком занят делами, связанными с управлением империей, и не мог уделять достаточно времени проблемам, возникавшим в гареме, поэтому он поручал их решение другим евнухам. Эти мужчины в свою очередь сотрудничали с теми наложницами, которые исполняли в гареме функции подлинных надсмотрщиц. Управительница, казначей, хранительница драгоценностей и ответственная за чтение Корана женщина обычно выбирались из немолодых честолюбивых наложниц, которые практически не имели шанса вернуть себе расположение султана и с радостью брали на себя властные функции, позволявшие им укреплять свои позиции по отношению к другим наложницам.

Гарем представлял собой сложное, полное опасностей, закрытое сообщество, изолированное от внешнего мира и даже от самого султана и его окружения, которое располагалось в отдельных внутренних помещениях дворца султана. Обитавшие в гареме женщины и евнухи представляли самые разные этнические и расовые группы – там жили русские, черкесы, татары, греки, сербы, итальянцы, нубийцы и эфиопы. Многие из них исповедовали христианство. Мусульман там не было, поскольку закон запрещал обращать их в рабство. Все обитатели гарема оставались бесправными заложниками этого исключительно сложного сообщества, содержание которого требовало огромных финансовых и людских затрат, а цель существования состояла в удовлетворении похоти и гордости султана. Члены этого сообщества очень быстро постигали роли, которые им предстояло исполнять.

Однако это постижение ни в коей мере не примиряло наложниц с условиями их существования. Они постоянно ссорились и бранились между собой, соперничая в борьбе за внимание тех, кто был облечен в гареме властью, – кизляра-аги, валиде-султан и управительниц каждого подразделения. Наложниц насильно отрывали от их больших семей, увозили из нищих деревень. Там они могли бы выйти замуж и растить детей. А в гареме, где их окружали лишь женщины и евнухи, лишь при встрече с султаном они могли получить выход собственной сексуальной страсти. Однако тот выбирал для таких встреч лишь самых лучших наложниц, и потому остальные нескончаемо долго испытывали сильное сексуальное томление. Считалось, что в ожидании приглашения султана наложницы должны были подавлять сексуальные желания или направлять сексуальную энергию на возвышенные цели.

Некоторые из заточенных в гареме женщин так и делали. Другие – сознательно или по-иному – обращались к подругам с просьбой о сексуальном удовлетворении под видом массажа с использованием ароматических масел, расчесывания и укладки волос, а также других процедур, связанных с уходом за телом и прихорашиванием.

Наложницы, которые не могли выдержать отсутствия близости с мужчиной, иногда, рискуя жизнью и если подворачивалась возможность, подкупали евнухов с тем, чтобы те тайно сводили их в их покоях с полноценными и неболтливыми мужчинами. Известны случаи, когда удовлетворять наложниц пытались сами евнухи. Несмотря на то что они были

кастратами, сексуальная страсть продолжала горячить их кровь. Поэтому некоторые евнухи затевали сексуальные игры с женщинами, которых они прекрасно знали и которые были единственными существами на земле, не позволявшими себе над ними издеваться. Они старались изо всех сил – эти отчаянные любовники в безнадежности своей любви.

Помимо сексуальной неудовлетворенности, другой проблемой, связанной с жизнью в гареме, были регулярные страдания, вызывавшиеся коллективными месячными наложниц. Каждый месяц в течение недели их феромоны взывали к остальным и отвечали друг другу взаимностью, устанавливая общий цикл. И тогда гарем оглашался стонами сотен женщин, которые на это время становились еще тоскливее и раздражительнее, чем обычно.

Но некоторые обстоятельства беспокоили нежеланных для султана наложниц гораздо больше полового воздержания. Они по секрету пересказывали друг другу страшные истории о женщинах, которых кизляр-ага и его подручные темными ночами тайно уводили к Босфору, а потом, запихнув в мешок и привязав к ногам камень, топили в море. По одной мрачной версии, какой-то ныряльщик как-то решил найти сокровища затонувшего корабля, но вместо них обнаружил на дне морском множество ритмично покачивавшихся мешков – саванов мертвых женщин, отнесенных течением к скалам.

Если наложница перечила евнухам, оскорбляла их или не повиновалась, они тоже могли представлять для нее опасность. Похищенные в детстве и искалеченные до наступления половой зрелости, эти люди пережили жесточайшее испытание: от варварской операции погибало более 90 процентов тех, кто подвергался оскоплению. Хоть интенсивная подготовка к выполнению обязанностей в гареме притупляла воспоминания евнухов о семье и культуре их народов, к своему положению они относились в лучшем случае двойственно. С одной стороны, они могли рассчитывать на продвижение по службе и рост материального благосостояния, с другой – их постоянно мучило осознание собственной ущербности и то, что большинство людей боялись и избегали их как *мужбубов,* мужчин без полового члена, и презирали за черный цвет кожи.

Большинство обольстительных и цветущих наложниц стремились приглянуться султану. Если это происходило, он бросал избраннице богато расшитый носовой платок – знак расположения, которое могло изменить ее жизнь.

Женщину, которой улыбнулась такая удача, отселяли от других наложниц в отдельное помещение и выделяли ей личных рабов. После этого служители гарема купали ее, делали ей массаж, умащивали ее тело благовониями, а потом брили. Далее следовали расчесывание и укладка волос, а также чистка и полировка ногтей.

Затем слуги одевали ее в изысканное белье и великолепные одежды. После этого ей надлежало ждать. Пригласит ли ее султан к себе в спальные покои? А если пригласит, сможет ли она околдовать его с помощью своей женской магии? Покорить его сердце и стать его возлюбленной? Или – предел мечтаний – зачать от него сына, благодаря которому она в один прекрасный день вознесется на недосягаемую высоту, став вапиде-султан?

Иногда султан вообще забывал, что та или иная женщина привлекала его внимание. Тогда забытая наложница лишалась всех богатых нарядов, отдельных комнат и возвращалась в переполненные общие покои, которые недавно с ликованием покидала. По мере того как шли годы и надежды наложницы увядали, у нее возникало лишь одно новое стремление: перейти в старый сераль, где ей могли бы позволить выйти замуж и покинуть дворец.

Но некоторым наложницам несказанно везло: султан помнил их и желал близости с ними. Каждая из них при этом испытывала более или менее сходные ощущения: темной ночью чернокожий евнух провожал ее до спальных покоев султана на женской половине его дворца, которые постоянно были готовы для визита правителя. Там всегда царила тишина. Никто не должен был знать, какую именно женщину выбрал для себя султан и когда он ее соблазнил (или – если та хорошо усвоила соответствующие уроки – она его соблазнила).

Наложница приближалась к изножью кровати, на которой лежал ожидавший ее султан. Всем видом демонстрируя покорность повелителю, она поднимала у него в ногах покрывало. Потом, следуя заведенной традиции, на животе осторожно проскальзывала под него и медленно придвигалась к султану с боку, опираясь при этом на локти и колени.

Но даже в эти моменты наложница с султаном оставались не в полной темноте и не в полном одиночестве: две пожилые чернокожие женщины по очереди охраняли вход в спальные покои, постоянно подливая масло в светильники. В их присутствии проходила ночь любви, причем новая избранница всеми силами старалась угодить повелителю. Обычно она была девственницей, но ее сожительницы по гарему и учителя-евнухи перед этим тратили немало сил, чтобы обучить ее искусству эротических наслаждений – ведь главным предназначением наложницы было ублажение повелителя. На следующее утро султан награждал ее за доставленное удовольствие, оставляя ей свои одеяния, в карманах которых лежали деньги. Позже, выражая признательность, он мог посылать ей дополнительные подарки.

Если наложнице выпадало счастье забеременеть, она становилась султаншей, и тогда ее будущее было обеспечено. А если ребенок оказывался мальчиком и становился наследником престола, она мечтала о том дне, когда сможет править как вал и де-султан.

Роксолана попала в неведомый, странный и загадочный мир гарема еще совсем юной и по большому счету непрактичной девушкой. В отличие от многих других наложниц, она не тяготилась уготованной ей судьбой. В серале ее звали Хюррем, что значит «веселая», потому что ее звонкий как колокольчик смех звучал даже в присутствии султана. Она сразу же влилась в жизнь султанского дворца и гарема. С самого начала Роксолана прельстила молодого Сулеймана, хоть этого было недостаточно, чтобы сместить Гюльбахар – его первую кадин и мать его бесспорного наследника, принца Мустафы.

Когда Роксолана одержала победу в поединке с Гюльбахар, которую Сулейман изгнал из гарема, она была значительно моложе тридцатилетнего султана. Однако он предпочел встречаться только с Роксоланой, и это решение оказалось неслыханным, поскольку в распоряжении императора были сотни доступных женщин. Сулейман пошел еще дальше: он выдал замуж самых привлекательных женщин гарема, стремясь предотвратить соблазн и ослабить ревность Роксоланы. Спустя годы иноземный наблюдатель поражался тому, что «он так сильно ее любит и столь ревностно хранит ей верность, что все его подданные… говорят, что она его околдовала, и называют ее… ведьмой»[12]. И действительно, верность Сулеймана одной женщине была уникальным явлением среди султанов Османской империи.

Роксолана не обращала внимания на то, что у многих вызывала неприязнь. Миллионы турок могли ненавидеть ее, сколько им заблагорассудится, но она дорожила мнением одного-единственного человека – обожавшего ее султана Сулеймана. Существовало лишь одно обстоятельство, которое Роксолана была не в силах изменить: Мустафа, сын опальной Гюльбахар, продолжал оставаться султанским наследником.

Роксолану ужасало то, что, став султаном, Мустафа в соответствии с законом должен был убить троих своих сводных братьев – ее сыновей. Этот «братоубийственный закон» был призван предотвратить ослабляющую страну междоусобную борьбу за власть в империи. Грядущее восшествие Мустафы к вершине власти было смертным приговором Джахангиру, Селиму и Баязиду – сыновьям Роксоланы. Когда оставалось немного времени до совершеннолетия Мустафы, Роксолана в отчаянии убедила Сулеймана услать его на окраину империи. Другую потенциальную угрозу для нее продолжала представлять Гюльбахар, которая после отлучения от двора жила с Мустафой, следуя за сыном в самые безотрадные, забытые богом уголки огромной державы. Так Роксолане удалось ослабить влияние Мустафы на отца.

Следующей ее целью стал хвастливый и надменный Великий визирь Ибрагим-паша, доверенный друг Сулеймана, муж его сестры и крупный государственный деятель[13]. Сулейман был неразлучен с Ибрагимом-пашой, даже их спальные покои располагались рядом.

Паша был так же верен Сулейману, как и Роксолана, кроме того, он пользовался поддержкой валиде-султан Хафсы Хатун. Но когда в 1535 г. Хафса Хатун умерла, Ибрагим утратил своего самого главного союзника. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Роксолана стала упорно настраивать Сулеймана против его старого друга.

Ее успех оказался смертельным. В ночь на 14 марта 1536 г. султан вызвал стражников сераля, немых воинов его личной охраны, никогда его не предававших, и повелел им удавить Ибрагима. Великий визирь отчаянно боролся с бессловесными убийцами за жизнь. На следующее утро прислуга нашла его труп. Одеяния его были изорваны, на стенах спальни виднелись пятна крови. Хоть паша был христианином, Сулейман велел похоронить его в монастыре, где жили дервиши, так, что даже могила второго лица в иерархии власти Османской империи не была отмечена надгробной плитой. Уже давно Роксолана устранила всех своих возможных сексуальных соперниц. Теперь же, руководствуясь тем же чувством слепой ревности, она уничтожила самого верного, преданного и способного друга Сулеймана.

Спустя несколько лет, в 1540 г., в старом дворце случился страшный пожар, после которого сотни наложниц, евнухов и обслуживавших их рабынь остались практически бездомными. Роксолана тут же убедила Сулеймана поселить ее в большом серале, хотя женщины там никогда не жили. Так она оказалась в самом средоточии имперской власти и политики. Через десять лет, когда закончилось строительство нового дворца, Роксолана просто осталась там, где жила. К тому времени она уже оказывала значительное влияние на правительство, и потому историки считают ее родоначальницей эпохи правления женщин в Османской империи, которая завершилась лишь в 1687 г.

Вскоре после того, как Роксолана стала жить вместе с Сулейманом в большом серале, она, видимо, сумела убедить султана жениться на ней, хотя достоверными подтверждениями этого мы не располагаем. Большинство турок отрицают тот факт, что Сулейман мог жениться на христианке (пусть даже перешедшей в ислам), чужестранке и наложнице. Но неделю публичных празднеств жившие в Турции дипломаты и приезжие приняли за грандиозное празднование свадьбы Сулеймана и Роксоланы. Если это так, то Роксолане удалось изменить свой статус и из наложницы превратиться в жену.

Императрица или первая наложница, Роксолана была близкой подругой и советницей Сулеймана, но больше всего ее заботил вопрос о том, как спасти своих сыновей от принца Мустафы, который должен был убить сводных братьев после смерти отца. В 1553 г. она прибегла к помощи тайно подброшенного письма, в котором говорилось, что Мустафа причастен к заговору против отца. Не подозревая о том, что она участвовала в этом бесчестном деле, Сулейман, как писали современники, очень мучился, не зная, как реагировать на это сообщение, и терзался сомнениями относительно того, помиловать сына или покарать. Но Роксолана настаивала на том, чтобы Сулейман осудил Мустафу и приговорил сына к традиционной казни через удушение.

В конце концов Сулейман принял решение и вызвал Мустафу к себе для разговора. Предупрежденный заранее принц смело подошел к отцу и сказал, что, если придется, он с гордостью примет смерть от рук человека, давшего ему жизнь. Как и великий визирь Ибрагим-паша, Мустафа был задушен немыми убийцами в серале.

Роксолана торжествовала победу. Вскоре ее сыну Селиму предстояло сменить на престоле отца. Что касается «братоубийственного закона», она полагала – как выяснилось, не без оснований, – что избранный престолонаследник никогда не поднимет руку на своих братьев. (Тем не менее она не смогла предвидеть, что ее жестокий сын Баязид задумает свергнуть отца и Сулейман его за это казнит.) Роксолане не было суждено дожить до вступления сына на престол. Пять лет спустя после убийства Мустафы она умерла, оплакиваемая Сулейманом и немногими из его подданных.

Роксолана была одной из самых могущественных наложниц в императорских гаремах. Ее обвиняли в жестокости и эгоизме, в том, что влияние ее на политику приблизило закат и падение Османской империи. Даже если в обвинениях такого рода и содержится доля истины, чего еще можно было ждать от заточенной в гарем женщины, жившей там вместе с другими униженными и оскорбленными? Игнорируя их насущные потребности и страстные желания, культура гарема могла породить лишь губительную политику.

Цыси[14]

Китайский Запретный город представлял собой огромный комплекс дворцов и более скромных строений с коричневатыми крышами и ярко-красными стенами, где размещался весь императорский двор, включая наложниц. Двор был средоточием китайской императорской власти в период правления династий Мин и Цин, продолжавшийся с 1368 по 1911 г. В архитектурном отношении Запретный город напоминал мощный укрепленный лабиринт: его защищали несколько крепостных стен, расположенных одна внутри другой. Великая Китайская стена защищала Китай от иноземцев, стены высотой в сорок и толщиной в пятьдесят футов защищали Пекин, а устремленные ввысь пурпурные стены, окружающие Запретный город, пропускали лишь тех, кто имел доступ ко двору.

За этими стенами жил Сын Неба. Считалось, что такое имя императора отражало его божественное происхождение. Помимо всей страны он правил огромным избранным сообществом сожительниц, насчитывавшим до 3 полноправных жен, 9 жен второй категории, 27 жен более низких категорий и 81 наложницы: на одного мужчину, таким образом, приходилась 121 женщина. И там же вместе с императорским семейством жили и работали сотни детей, тысячи родственников, евнухов, слуг, чиновников, астрологов и других должностных лиц.

Наложницы императора, как и наложницы мужчин более низкого ранга, считались членами семьи императора. Они должны были быть маньчжурками или монголками, ноги им не бинтовали, и каждая занимала строго определенное положение в семейной иерархии. Единожды избранные, они были вынуждены ожесточенно бороться за благосклонность императора или императрицы, либо, как в случае с императором Айсиньгёро Ичжу, добиваться расположения вдовствующей императрицы – его мачехи. Немногие из тех, кому это удавалось, получали в награду жизнь в роскоши, свободную от всякой работы по дому, и надежду зачать от императора ребенка. А если какой-нибудь счастливице повезло родить императору сына, такая наложница-мать могла рассчитывать даже на положение одной из полноправных жен императора.

Более тысячи лет назад две императорские наложницы сумели достичь вершин власти. Изящная Ян-гуйфэй использовала страсть императора Сюань-цзуна для обогащения своих родственников, но во время вспыхнувшего восстания ее задушили. Императрица У Цзэ-тянь начинала как наложница императора Тай-цзуна, а после того, как он умер, произвела настолько чарующее впечатление на его сына, императора Гао-цзуна, что тот сделал ее главной наложницей. После его смерти ей удалось провозгласить себя императрицей и править до тех пор, пока ее не свергли в результате заговора в возрасте восьмидесяти лет.

Самой известной придворной наложницей в следующем тысячелетии оказалась маньчжурка Цыси, которую, в соответствии с ее клановым именем, при дворе называли госпожа Ёханала. Она родилась 29 ноября 1835 г. в семье маловлиятельного мандарина Гуй Сяня, о котором почти ничего не известно. В отличие от тысяч других безвестных наложниц, заточенных в придворном императорском гареме, о госпоже Ёханале, вошедшей в историю под именем Цыси и Императрицы Запада, мы знаем очень много благодаря китайским источникам и письменным сведениям иностранцев, побывавших в Поднебесной. К сожалению,

значительная часть записей о ней оставлена людьми, которым пришлось покинуть Китай, и политическими врагами вдовствующей императрицы. Одним из надежных источников является работа сэра Роберта Харта – иностранца, которому удалось преодолеть ненависть Цыси к «иностранным дьяволам» и получить должность генерального инспектора китайской таможни. (На протяжении десяти лет у него тоже была наложница – Аяу, которая родила ему троих детей. Он признал их и поддерживал материально, но когда дети достигли совершеннолетия, Харт прекратил общение с ними.) Другие интересные сведения содержатся в записях встречавшихся и беседовавших с Цыси иностранок, обследовавшего ее врача, китайских придворных (в частности, одной придворной дамы, принцессы Дерлин), а также зарубежных дипломатов, которые посылали достоверные отчеты в свои страны.

Рост Цыси составлял пять футов, она была стройной женщиной с прекрасной фигурой. Руки ее отличала необычайная грациозность, ногти на безымянных пальцах и мизинцах достигали четырех дюймов в длину, их прикрывали специальные нефритовые колпачки. У нее были широко посаженные лучистые глаза, красивый нос и выдающиеся скулы, тонко очерченные губы, на которых часто играла чарующая улыбка, и округлый подбородок. Как и большинству маньчжурских женщин, ноги ей не бинтовали: на фотографиях она изображена в изящных маленьких домашних туфлях.

В соответствии с уготованной ей судьбой наложницы или жены, Цыси ухаживала за своей желтоватой кожей – чтобы она всегда была гладкой, бледной и благоухающей, употребляла всякие притирки и ароматические масла. Она пользовалась традиционными маньчжурскими косметическими средствами: наносила на лицо пудру, сделанную на основе свинца, румянила щеки, нанося румяна на щеки в форме двух пятен, подчеркивала бледность нижней губы, рисуя на ней ярко-красное пятно в форме вишни. Блестящие черные волосы, которые она никогда не стригла, были зачесаны назад и уложены в сложную прическу с помощью украшенных драгоценными камнями заколок и булавок в виде насекомых и цветов, а также жемчужных нитей. «Многие люди мне завидовали, потому что в то время меня считали очень красивой женщиной», – вспоминала Цыси[15].

Однако характер ее сильно отличался от традиционного. Знавшие Цыси люди отмечали, что она была девушкой серьезной и вдумчивой, спокойной и мечтательной, причем мысли свои хранила при себе, хотя позже признавалась, что всю жизнь не могла простить родителей за то, что они всегда предпочитали ей братьев и сестер. Как и все девушки, она была почти безграмотной, но говорила по-китайски так же хорошо, как и на маньчжурском, родном языке матери, а кроме того, весьма неплохо рисовала.

В 1851 г., когда ей исполнилось шестнадцать лет, китайский император Айсиньгёро Мяньнин умер, и Сыном Неба стал его девятнадцатилетний преемник Айсиньгёро Ичжу. Теперь, благодаря клановой принадлежности отца, Цыси и ее сестры могли отправиться на смотрины, проводившиеся с целью отбора девушек в новый императорский гарем. Многие маньчжурские семьи, имевшие на это право, неохотно отправляли подходящих по возрасту дочерей на эту процедуру, так как девушку, попадавшую в гарем, семья утрачивала навсегда. Если императора она не интересовала, даже в случае его смерти семья не могла выдать ее замуж за подходящего жениха. Она должна была оставаться в помещении забытых фавориток, где ей выделялась малюсенькая спаленка, из окна которой виднелись сучковатые, искривленные сосенки. От одиночества и безысходности она могла там отчаянно влюбиться в другую всеми позабытую наложницу. Однако в семье Цыси, которая стремилась повысить свой статус, по этому поводу не беспокоились, с радостью готовя дочерей к предстоящему испытанию.

Пришло время отборочной церемонии. Цыси, за которой во дворце уже присматривали евнухи, удалось пройти во второй тур.

Борьба оказалась напряженной и захватывающей. Девушек тщательно обследовали, чтобы убедиться, что они не имеют физических изъянов, полностью здоровы и являются девственницами. Самое пристальное внимание уделялось изучению их гороскопов. Проверке подвергалось все – от их умения вести себя в обществе до владения маньчжурским и китайским языками, поскольку такие, как Цыси, маньчжурские девушки нередко плохо говорили по-китайски. Совсем немногие претендентки были допущены к третьему туру – чаепитию с вдовствующей императрицей, мачехой Айсиньгёро Ичжу. Цыси зарекомендовала себя с хорошей стороны и стала одной из нескольких девушек, отобранных в ученицы наложниц.

Пока Цыси готовили к жизни императорской наложницы, император Айсиньгёро Ичжу женился на сестре своей скончавшейся первой жены. Новая императрица вошла в его гарем вместе с новыми наложницами, включая Цыси, которая к тому времени уже стала наложницей четвертого ранга.

Император Айсиньгёро Ичжу имел достаточно скромный гарем. В него входили одна императрица, две супруги и лишь одиннадцать наложниц – всего четырнадцать женщин. Подобная скромность объяснялась скорее незначительными поступлениями в казну, чем пуританскими соображениями. (Китай тогда переживал не лучшие времена из-за коррупции, бездарного руководства администрации, войн, наводнений, неурожаев и голода.) Теоретически император мог вступать в близость с каждой из четырнадцати женщин. Однако на деле некоторые из них никогда с ним даже не встречались, и роль их сводилась к тому, что они прислуживали вдовствующей императрице. Цыси решительно не хотела попасть в их число.

Отведенные Цыси покои выглядели восхитительно: дворец с мраморным полом, куда ее поселили с другими наложницами, стоял особняком, и там вполне хватало места для евнухов и служанок, обязанных обеспечивать ей хороший уход. Император дарил ей драгоценности и наряды, одеяния для выхода ко двору и обувь. Не был обойден вниманием и ее отец, получивший в подарок дорогие шелковые ткани, золото и серебро, коней, седла и сбруи, а также изящный чайный сервиз.

Серьезная и внимательная девушка, Цыси быстро разобралась в установленных во дворце порядках. Реальная власть там принадлежала евнухам, поэтому с ними разумнее было дружить, чем ссориться. Они единственные составляли компанию наложницам, и потому их лесть воспринималась скопцами приветливо, беседы с ними давали пищу для ума, а сплетни и слухи помогали понять, что происходит вокруг. Цыси предлагала евнухам крепкую и долгую дружбу. Кроме того, она неплохо ладила с императрицей Нюгуру, с которой в течение более двух десятилетий их связывали непростые отношения. Облегчить заточение в гареме Цыси отчасти помогали многочисленные собачки породы пекинес, которых разводили исключительно для жизни во дворце. Наложница Цыси продолжала оставаться девственницей, и эти собачонки имперского достоинства отчасти были для нее как *enfants manqués*[9].

Цыси сильно беспокоило то обстоятельство, что у нее все еще не было полового контакта с императором. Однако Сын Неба, одержимый неистовством плотской страсти, предпочитал проводить сексуальные эксперименты в публичных домах, не уделяя внимания томимым ожиданием наложницам. Желая исправить сложившееся положение вещей, мачеха Айсиньгёро Ичжу и чиновники дворца убеждали императора отвлечься от излюбленных домов терпимости и обратить внимание на собственный гарем. Он так и сделал, и вскоре от него забеременела кроткая красавица Ли Фей.

Беременность Ли Фей предоставила Цыси уникальную в своем роде возможность. Согласно правилам гарема, беременные наложницы ни при каких обстоятельствах не могли

[9] Отсутствующие дети *(фр.)*.

иметь половых контактов, и даже Сын Неба не имел права нарушить этот запрет. Вот почему в один прекрасный день в 1855 г. одержимый похотью Айсиньгёро Ичжу выбрал одну из тех нефритовых табличек, на каких значились имена женщин, которых он мог видеть у себя ночью. На этот раз на табличке значилось имя целомудренной Цыси. Айсиньгёро Ичжу передал табличку главному евнуху.

Цыси долго ждала этого момента. Войдя к ней в покои, главный евнух раздел девушку, завернул ее в алое покрывало, взвалил на спину и понес в императорскую спальню. (Эта традиция восходила корнями ко времени правления династии Мин, когда наложницам бинтовали ноги и сами они ходить не могли.) Там он поставил ее на ноги у изножья кровати и снял с девушки покрывало. Цыси, конечно, дрожала от страха, но при этом она прекрасно знала, что ей надлежит делать. Она покорно взобралась на кровать, где, развалившись, возлежал наблюдавший за ней император. Она доверчиво придвинулась к нему, с надеждой вручая повелителю свое миниатюрное тело, позволяя при этом возбужденному, но недостаточно опытному императору видеть лишь свою застенчивость, но не сковывающий ее ужас.

Встреча прошла успешно. Девять месяцев спустя в одном из павильонов величественного Летнего императорского дворца Цыси произвела на свет Айсиньгёро Цзайчуня – долгожданного сына императора. Это было ей особенно приятно, потому что немногим ранее Ли Фей родила принцессу Юнь Ань – с точки зрения династических интересов никчемную дочку. А Цыси обеспечила династическую преемственность – и в качестве сосуда, воспринявшего драгоценное семя, получила статус наложницы первого ранга или супруги, уступая теперь в положении лишь императрице.

Трудно предположить, что Цыси, Ли Фей или даже императрица испытывали романтическую любовь по отношению к развратному и малоприятному мужчине, которому принадлежали. Но с другой стороны, они были близко знакомы только с евнухами и редко оставались наедине с другими придворными, например с завистливыми сводными братьями императора. Поэтому желание Цыси быть любимой Сыном Неба было разумным, стратегически верным, и не исключено, что при этом молодая женщина испытывала гордость. Позже она с тоской вспоминала о том непродолжительном периоде жизни, когда «император сильно к ней привязался и даже не смотрел на других женщин»[16].

Однако на деле император не испытывал сильной привязанности к этой наложнице, чье стремление подражать невозмутимости Будды нашло отражение в ее прозвище «маленький Будда». Все чаще по ночам он выбирал нефритовую табличку с именем восхитительно легкомысленной Ли Фей. Однако, наряду с этим, Айсиньгёро Ичжу все чаще отвечал на вопросы и выслушивал замечания Цыси по поводу текущих событий, о которых она поначалу почти не имела представления, и дворцовых делах, которые она знала очень неплохо, поскольку суждения ее в этой области были здравыми и не лишенными смысла. В результате он предоставлял в ее распоряжение некоторые документы, как бы молчаливо предлагая ей лучше разобраться в хитросплетениях интриг, затеваемых в темных дворцовых коридорах власти. Но она часто плакала от отчаяния, потому что император ее не любил.

Так текла жизнь Цыси до 1860 г. Она уделяла очень большое внимание своей внешности, никогда не нарушала продолжительный ежедневный ритуал – после омовения ухаживала за телом, причесывалась, душилась мускусом. (В этих процедурах всем наложницам помогали евнухи.) Цыси каждый день обязательно гуляла – даже под дождем, что очень раздражало придворных дам, которым приходилось ее сопровождать. Ела она немного, выбирая самые вкусные из разделенных на малюсенькие порции 150 блюд, значительную часть которых составляли засахаренные фрукты и сладости. Со своим сыном, наследником императора, она виделась редко. Вскармливали его кормилицы, заботились о нем евнухи, однако Цыси часто обсуждала с императрицей вопросы его воспитания.

Мать принца, Цыси проводила долгие часы за чтением и учебой, потому что теперь дворцовые преподаватели учили ее читать и писать. Она делала оригами – складывала из бумаги фигурки кроликов и птиц, играла со своими черношерстными пекинесами, которые содержались при дворе в отдельном помещении. Еще она украшала цветами, которые просто обожала, каждую свою комнату, вплетала их в волосы и даже обвивала ими Шадзу (что значит «дурак») – самого любимого в то время своего песика. Ночью она спала на подушечке, набитой чайным листом, полагая, что это полезно для глаз.

Жизнь Цыси, как уважаемой наложницы и матери будущего императора, была настолько целенаправленной, насколько это определялось силой ее воли, энергией и ресурсами. И тем не менее она, как и многие люди ее круга, весьма неплохо разбиравшиеся в хитросплетениях интриг дворцовой жизни, почти не имела представления о том сумасшедшем мире, который раскинулся за пределами Запретного города. А этот мир – подлинный Китай – сотрясали массовые волнения, правление было из рук вон плохим, коррупция отнимала у простых людей последнее, они страдали от чиновников, бунтов недовольных, а еще от жадных и хитрых европейцев – «иностранных дьяволов», которым Цыси имела все основания не доверять.

Право ввозить в Китай в огромных количествах опиум из Индии, которым безнравственно пользовались Британия и ее союзники, подготовило почву для наступления иноземцев. Маньчжурское правительство, оказавшееся не в состоянии контролировать наркоманию, установило государственную монополию на торговлю опиумом, обложив его продажу таким налогом, что позволить себе покупать наркотик могли только богатые китайцы. Однако британские торговцы стали ввозить опиум в Китай нелегально, тем самым увеличивая его употребление и усиливая наркотическую зависимость людей, что вело к распаду семейных связей и ускоряло обнищание населения.

Десять лет спустя после Первой опиумной войны Британия предъявила Сыну Неба новые требования, включавшие легализацию торговли опиумом. Стремясь оказать еще большее давление, британцы вторглись в Кантон (Гуанчжоу). В 1860 г. под Пекином они с варварской свирепостью разрушили и разграбили Летний дворец. Айсиньгёро Ичжу, императрица, Цыси и большинство придворных, включая три тысячи евнухов, к этому времени уже покинули дворец. Их до нелепости пышная процессия, состоявшая из паланкинов и тележек, запряженных мулами, растянулась на пять миль.

Через год, проведенный в изгнании в роскошном императорском охотничьем домике в 110 милях от Пекина, униженный поражением и жестоко страдавший от воцарившегося хаоса двадцатидевятилетний император заболел и умер. Айсиньгёро Ичжу слабел постепенно, и когда стало ясно, что жить ему осталось совсем недолго, придворные чиновники сообщили, что он еще не назначил себе наследника. Для Цыси это послужило сигналом к действию. «Как всегда в экстренных случаях, – вспоминала она впоследствии, – мне приходилось действовать соответственно создавшемуся положению, и я сказала ему: “Вот твой сын”. Услышав меня, он открыл глаза и произнес: “Конечно, он унаследует трон”»[17]. Через несколько минут Айсиньгёро Ичжу скончался.

Так Цыси впервые вмешалась в политическую жизнь страны, и это определило всю ее дальнейшую судьбу и будущее Китая. Ей совсем недавно исполнилось двадцать пять лет, и теперь она была предоставлена лишь самой себе. Цыси вовсе не улыбалась участь ушедшей на покой покорной вдовы. Вместо этого они с Нюгуру добились статуса вдовствующих императриц и стали соправительницами при ее сыне Айсиньгёро Цзайчуне. Ее стали называть Наложницей женской добродетели, и с тех пор она была известна как Вдовствующая императрица Цыси, Императрица Запада. (Нюгуру получила имя Цыань – Императрица Востока.) Цыси немедленно заключила союз со своим деверем, князем Гуном, и вдовствующей императрицей Цыань. Эти три человека стали подлинными правителями Китая.

Первым делом, с целью укрепления своих позиций, они уничтожили так называемую банду восьмерых, которые составляли против них заговор. Главарь банды был обезглавлен, двум ее членам позволили самим лишить себя жизни, а остальных заговорщиков сослали.

Цыси наслаждалась властью, но старалась реже демонстрировать на людях свой ум. По оценке ее биографа Стерлинга Сигрейва, она «стремилась к тому, чтобы ее работа при дворе включала и определяла подход ко всем проблемам… В первые годы правления она избегала навязывать кому бы то ни было свое мнение… Она формулировала общую взвешенную позицию, которой должны были соответствовать все принимаемые политические решения»[18].

В 1864 г. правительство покончило с продолжавшимся несколько лет на юге Тайпинским восстанием, в 1868 г. было подавлено восстание дунган на севере. В период наступившей после этого мирной передышки правительство Цыси и Цыань провело многообещающие реформы, направленные на искоренение коррупции и привлечение способных мужчин на государственную службу.

Двум императрицам не было еще и тридцати, им недоставало опыта и образования, не хватало управленческих навыков, они и писать-то не умели без ошибок. Ни одна, ни другая ни разу не встречалась с иностранцами: обеих отгораживала ширма, за которой они сидели с советниками-мужчинами. Закрепившаяся впоследствии за Цыси репутация жестокого и невежественного тирана была, по меньшей мере, незаслуженной.

К сожалению, обе императрицы, обе матери Сыновей Неба еще хуже справлялись со своими материнскими обязанностями. Айсиньгёро Цзайчунь был трудным ребенком – ленивым и жестоким, а в подростковом возрасте он стал чрезвычайно похотлив. Император сбегал из Запретного города ради запретных наслаждений в публичных домах, и даже с евнухами пытался проводить эксперименты. «Женщины, девушки, мужчины и мальчики – он делал свое дело так быстро, как только мог, со всеми без разбора»[19]. Когда Айсиньгёро Цзайчуню было четырнадцать лет, доктора уже лечили его от сифилиса.

Чтобы покончить с этим, Цыси и Цыань решили подыскать ему невесту и нескольких наложниц, надеясь, что он сможет удовлетворять свою неуемную похоть дома. Но спустя шесть месяцев после свадьбы Айсиньгёро Цзайчунь возобновил сексуальные набеги на Пекин. Он и в грош не ставил свои обязанности, сводил на нет все усилия чиновников, понижал в звании и унижал высокопоставленных должностных лиц, отправлял в отставку министров. Управлять страной становилось все труднее.

Обеим императрицам пришлось вмешаться и восстановить чиновников в прежних должностях. Правительство получило возможность возобновить нормальную работу. Китай лихорадило. Через три месяца Айсиньгёро Цзайчунь заразился оспой, свирепствовавшей тогда в Пекине. Не будучи в состоянии подняться с постели, он издал указ, в соответствии с которым вплоть до выздоровления его полномочия передавались императрицам. В январе 1875 г. Роберт Харт записал в дневнике слова иностранного врача, который сказал, что «император болен не оспой, а сифилисом»[20].

Чем бы Айсиньгёро Цзайчунь ни болел, он умер 12 января. Цыси оплакивала сына; благодаря ему она взошла на императорский престол, но сам он, когда вырос, превратился в чудовище – невежественного и жестокого юношу, по мнению многих, лишь смертью искупившего страшный вред, который его правление нанесло стране. Другие, правда, поговаривали о том, что он был убит.

Айсиньгёро Цзайчунь не назначил преемника, поэтому императрицы должны были продолжать править до тех пор, пока не найдется достойная кандидатура на этот высокий пост. Запретный город стал поистине запретным, поскольку сторонники и родственники разных принцев, которые имели право претендовать на трон, поддерживали их всеми доступ-

ными средствами. Но эти принцы были либо слишком буйными, либо испорченными посещениями публичных домов. В конце концов Цыси нашла подходящего принца – трехлетнего племянника, сына своей сестры, кандидатуру которого одобрила Цыань. Так же, как она поступила при восшествии на престол Айсиньгёро Цзайчуня, Цыси озадачила придворных на первый взгляд странным заявлением. «Я усыновляю ребенка – сына седьмого принца», – объявила она. Потом вышла, тут же вернулась к собравшимся со своим новым «сыном» и сказала: «Это ваш император!»[21]

Малолетний император, который получил новое имя Айсиньгёро Цзайтянь и стал править под девизом «Славная преемственность» (Гуансюй), был несчастливым ребенком. Его тетка-императрица не только использовала его для того, чтобы к власти в Китае не могли прийти правители, похожие на ее покойного сына, – она спасла его от семьи, где мальчика сильно обижали. Его истеричная мать и без меры пьющий отец постоянно издевались над ним, он и его братья с сестрами часто голодали, некоторые из них даже умерли.

Два месяца спустя умерла Апют, беременная жена Айсиньгёро Цзайчуня. В официальном сообщении говорилось о ее самоубийстве, однако возможно, Апют убили, чтобы предотвратить рождение ребенка, который считался бы законным наследником Айсиньгёро Цзайчуня. Цыси оказалась в числе тех, кого подозревали в убийстве, и впоследствии сомнения в ее непричастности к смерти Алют отрицательно сказались на ее репутации.

Стерлинг Сигрейв приводит доказательства, призванные снять с Цыси эти подозрения. Именно она выбрала Алют в жены своему сыну, и нет никаких свидетельств того, что впоследствии императрица об этом сожалела. У нее не было причин опасаться ребенка Алют, который гарантировал бы ей, его бабушке, сохранение собственных позиций. Кроме того, в то же самое время, когда умерла Алют, пытались отравить и саму Цыси. Она себя очень плохо чувствовала, и, несмотря на поставленный диагноз – болезнь печени, – вплоть до 1883 г. было принято считать, что ее недомогание носит хронический характер. Она часто отсутствовала во время придворных церемоний и, как сообщалось, несколько раз даже находилась при смерти.

Роберт Харт полагал, что из двух вдовствующих императриц Цыси была более влиятельной и умной, а Цыань – более привлекательной. Цыси, как он отмечал в дневнике, «обладает вспыльчивым нравом, но надо отдать должное ее способностям»[22]. Однако это ее качество часто недооценивалось из-за стремления всем нравиться и предрасположенности к лести. «Наше сердце» – так называла Цыси преданного и способного иностранного чиновника, единственного покинувшего родину иностранца, который провел при китайском дворе двадцать три года и писал, что она «всегда вела себя как человек, а не как чудовище»[23].

Теперь китайским императором стал душевно травмированный и заикавшийся ребенок, а сестра его матери слишком плохо себя чувствовала, чтобы уделять достаточно внимания его воспитанию. Несмотря на перенесенные в детстве страдания и неоправданно суровое дворцовое воспитание, которое было поручено евнухам со строгим наказом не испортить его, как испортили Айсиньгёро Цзайчуня, Айсиньгёро Цзайтянь стал преданным своим обязанностям императором. Тем не менее он постоянно оставался задумчивым и стремился к уединению.

В 1881 г. после болезни умерла Цыань, вследствие чего постоянно плохо себя чувствовавшая Цыси стала подлинной правительницей Китая. В 1887 г. по требованию нескольких придворных чиновников ее регентство было продлено еще на два года, хотя считалось, что по достижении пятнадцати лет Айсиньгёро Цзайтянь станет достаточно взрослым, чтобы взять бразды правления государством в свои руки. Такая отсрочка дала Цыси возможность выбрать для приемного сына жену и двух наложниц.

Новой императрицей стала племянница Цыси, Луньюй – стройная девушка с неправильным прикусом, которую Цыси очень любила. В наложницы были выбраны две миловидные сестры, рекомендованные влиятельным евнухом. Цыси надеялась, что у Айсиньгёро Цзайтяня родятся наследники и после этого он станет полноправным императором. Тогда она смогла бы оставить Запретный город, где царила напряженная суета, удалиться на покой и жить в роскоши вновь отстроенного Летнего императорского дворца.

Но Айсиньгёро Цзайтянь страдал от преждевременного семяизвержения, из-за чего при близости с женщинами ощущал себя импотентом. Положение осложнялось тем, что Луньюй отнюдь не стремилась выйти за него замуж: она уступила настоянию родителей. Хоть молодые люди не выражали особого желания вступить в брак, свадьба состоялась, и Цыси, которой уже исполнилось пятьдесят четыре года, посчитала, что вполне может уходить на покой. Чарльз Денби, оптимистически настроенный в отношении правления Айсиньгёро Цзайтяня американский дипломат, предсказывал, что «строительство железных дорог, линий электропередачи, естественные науки, создание нового флота и современной армии, внедрение национальной банковской системы и модернизация монетного двора скоро получат большое развитие»[24].

Но вместо того, чтобы вести Китай к процветанию, нерешительному Айсиньгёро Цзайтяню пришлось руководить страной в период разрушительной японо-китайской войны 1894–1895 гг. Воинственная Япония, осуществившая модернизацию, пыталась противостоять российской экспансии в Корею и Северный Китай. Китай и Корея обоюдно стремились к сохранению отношений, при которых Китай защищал бы номинально являвшуюся вассальной по отношению к нему Корею. Но общественное мнение в Корее разделилось, и в 1894 г. вспыхнуло восстание. Китай послал войска для помощи корейскому правительству, а Япония стала оказывать военную поддержку оппозиции и захватила дворец. Официальному объявлению войны 1 августа 1894 г. предшествовали ожесточенные бои.

Японо-китайская война во многих отношениях стала началом конца династического Китая. Японцы легко одерживали победы над китайцами на суше и на море и вскоре уничтожили китайский военно-морской флот. Они вторглись в Маньчжурию, и Китаю пришлось просить мира. Договор, заключенный в Симоносеки, унизил и ослабил Китай, которому пришлось признать самостоятельность Кореи, передать навечно Японии остров Тайвань и две другие территории, открыть четыре порта для торговли и уплатить огромную контрибуцию в двести миллионов лян. В дело вмешались Россия, Франция и Германия, вынудившие Японию отказаться от аннексии одной из территорий Китая, но за это Китаю пришлось заплатить дополнительную контрибуцию в тридцать миллионов лян. (Один лян, служивший в Китае валютой, содержал около сорока граммов серебра.)

Сокрушительное поражение Китая в японо-китайской войне стало неоспоримым свидетельством вырождения династии Цин и неэффективности ее правления. Недовольные реформаторы, обращавшие внимание на то, как модернизация усилила Японию, все активнее выступали за модернизацию Китая, а в сельской местности усиливались революционные настроения. Критики и соперники Цыси сосредоточивали внимание на позорном поражении Китая, чтобы обвинить ее в незаконной растрате средств, которые предназначались на переоснащение военно-морского флота, на восстановление замечательного Летнего императорского дворца. Эти обвинения были несостоятельными. Цыси не руководила реставрационными работами, хотя по достоинству оценила их результаты, и у нее не было возможности воспользоваться выделенными на модернизацию флота средствами, поскольку этот вопрос находился в исключительной компетенции адмиралтейства.

Напряженность и неотложная необходимость изменения имперской политики назревали с каждым днем. Цыси охватил ужас, когда японские агенты организовали в Корее переворот, направленный против королевы Мин, которая получила многочисленные ножевые

ранения, после чего ее заживо сожгли. Тем временем Айсиньгёро Цзайтянь решил отправить в отставку всех, кто подверг сомнению его решения о том, как следует проводить реформы. Консерваторов шокировало его очевидное и бесцеремонное игнорирование маньчжурских традиций и намеренное назначение японского государственного деятеля на ответственную должность в китайском правительстве. Это побудило Цыси вернуться к управлению государством. Выслушав все заявления, свидетельствовавшие о допущенных племянником ошибках, она волей-неволей согласилась с его оппонентами. После этого она решила снова взять на себя обязанности правительницы и продолжать руководить страной вместе с Айсиньгёро Цзайтянем.

Некоторые из начатых им реформ были свернуты. Однако нескольких реформаторов обвинили в предательстве, их наказали или казнили. Несмотря на явно хорошие личные отношения между императором и его стареющей теткой, стали распространяться слухи о том, что она с группой заговорщиков держит его во дворце под домашним арестом. Один человек, вынужденный бежать из Китая, распространял подстрекательские слухи о том, что у кормила правления в Китае встала злая ведьма. Другой, более изощренной его выдумкой, стала история о том, что шестидесятитрехлетняя Цыси тайком под видом евнухов приводит во дворец мужчин и совокупляется с ними. Этот же человек готовил против Цыси заговор с целью ее убийства.

В некоторых вопросах Роксолана могла бы понять обстановку, сложившуюся в императорском дворце. Например, на Цыси было оказано давление с тем, чтобы она предоставила двум принцам мечи санфан, даровав им таким образом право обезглавить любого человека, если они сочтут это нужным. Более умеренные придворные теперь имели все основания пристальнее следить за своими словами и действиями.

В 1898 г., стремясь противостоять грязным слухам, распространявшимся ее врагами, Цыси пошла на полный разрыв с традициями и пригласила во дворец на чай жен иностранных дипломатов. Ее гостьи нашли, что держится она по-дружески, проявляет любознательность, в ней не было и намека на жестокость, о которой они много слышали. К удивлению приглашенных, император тоже присутствовал на церемонии, хоть и не проявлял к гостьям большого интереса: он просто сидел там и беспрерывно курил.

В том же году в Китае вспыхнуло Боксерское восстание, направленное против иностранцев. Оскорбления христианских миссионеров, зачастую весьма невежественных, и принявших христианство китайцев перерастали в открытый террор. Потом, когда один молодой англичанин застрелил китайца, который на него накричал, разъяренная толпа китайцев сожгла пекинский ипподром, очень популярное среди иностранцев место. Повстанцы громили резиденции иностранных граждан и их церкви.

Когда Цыси вернулась во дворец, ее раздирали внутренние противоречия: она не знала, что делать – поддерживать восстание или подавлять его. Позже она вспоминала о том, что вопреки ее желанию поддерживавшие Боксерское восстание министры издали указ об убийстве всех иностранцев. В то же время иностранцы обвиняли ее в поддержке повстанцев и в том, что она посылала войска для предотвращения предпринимавшихся иностранцами военных попыток их разбить.

С 13 по 16 июня 1900 г. «боксеры» и их последователи разрушили и разграбили посольский квартал. Кроме того, они преследовали тех китайских торговцев, которые продавали свои товары иностранцам. Иностранцы и китайцы-христиане пытались найти убежище в храмах. Китайские слуги бежали от своих иностранных хозяев. В сельской местности «боксеры» перебили тысячи китайцев-христиан.

В этой напряженной ситуации германский посланник в Китае барон Клеменс Август Фрайхер фон Кеттелер приказал немецким морским пехотинцам расстрелять группу повстанцев. Цыси и Айсиньгёро Цзайтянь издали направленные против «боксеров» указы,

запрещавшие убийства иностранцев и подстрекательство людей к убийству иностранцев. Тем не менее иностранцы продолжали погибать. Во время устроенной однажды резни были обезглавлены сорок пять миссионеров, которых сопровождали женщины и дети. На несколько дней их отрубленные головы были выставлены на всеобщее обозрение в укрепленной на стене клетке.

К 14 августа 1900 г. коалиционные войска подошли к Пекину, освободили иностранцев, разграбили город, а потом двинулись в направлении Летнего императорского дворца, куда бежали Цыси, император и многие придворные. По пути они перебили десятки тысяч китайцев, разорили и разграбили тысячи домов, а потом захватили Летний дворец, разрушив там буддистские храмы и статуи.

В новом дворце, где Цыси пыталась скрыться, она издала указ о наказании чиновников и представителей знати, которые подстрекали повстанцев. Двое из них были казнены. Потом они с императором и придворными вернулись в Запретный город. Иностранцы потребовали уплатить контрибуцию и продиктовали условия мирного договора. Цыси снова сосредоточила власть в своих руках, хотя и разделила бразды правления с племянником-императором. Вскоре она возобновила чаепития, на которые приглашали женщин-иностранок.

Когда Цыси было семьдесят лет, у нее случился удар, но вскоре императрица смогла вернуться к работе. 14 ноября 1908 г. постоянно недомогавший император Айсиньгёро Цзайтянь скончался. На следующий день умерла Цыси. Она слишком много работала, была до крайности измотана и болела гриппом. Маньчжурская династия пережила ее лишь на три года.

История сурово осудила Цыси. Многие современники видели в ней жестокого деспота. На деле же императрица стала жертвой собственной несостоятельности – отсутствия образования и недостатка опыта в том, что касается управления, придворных обычаев и процедур. Кроме того, она оказалась в зависимости от системы, заточившей ее в Запретном городе, где она не получала никакого представления о катастрофической ситуации в собственной стране. Помимо этого, личные качества мешали ей разумно и эффективно править государством. Постоянная потребность всем нравиться позволяла льстецам и подхалимам оказывать на нее большое влияние. Да и сама императрица нередко демонстрировала боязливость и нерешительность.

И тем не менее Цыси удавалось достигать значительных успехов. Если принять в расчет узкие рамки той жизни, которая выпала на ее долю, непреклонное стремление Цыси взойти на вершины власти просто поражает. При полном опасностей коррумпированном китайском дворе она с успехом применяла свои способности и смогла удовлетворить свои амбиции, чтобы достичь высшей власти в стране. Для неискушенной наложницы она добилась редчайшего успеха.

Ни Роксолану, ни Цыси нельзя рассматривать вне тех обстоятельств, в которых им было суждено жить. Объективная историческая оценка не может игнорировать тот факт, что обе эти женщины смогли успешно приспособиться к своему положению наложниц и усвоить правила, царившие в гареме, существовавший этикет и традиции, а потом установить такие отношения, которые не только привели их к власти, но и позволили сохранять ее на протяжении десятилетий. Они смогли сделать так, что принудительное сожительство возвело их к вершинам власти, и им даже удалось умереть естественной смертью в собственной постели.

Примечания автора

[1] Основными источниками этого раздела являются: Jung Chang, *Wild Swans: Three Daughters of China* (New York: Simon & Schuster, 1991); Kang-i Sun Chang, *The Late Ming Poet: Chen Tzu-lung,* (New Haven: Yale university Press, 1991); Gail Hershatter, «Courtesans

and Streetwalkers: The Changing Discourses on Shanghai Prostitution, 1890–1949», *Journal of the History of Sexuality* (Oct. 1992), 3, no. 2, 245–269; *Inside Stories of the Forbidden City* перевод Zhao Shuhan (Beijing: New World Press, 1986); *Women in the Chinese Patriarchal System: Submission, Servitude, Escape and Collusion,* ред. Maria Jaschok и Suzanne Miers (London: Zed Books Ltd., 1994); Maria Jaschok, *Concubines and Bondservants* (N.J.: Zed Books, 1989); Keith McMahon, *Misers, Shrews, and Polygamists: Sexuality and Male-Female Relations in 18th Century Chinese Fiction* (Durham: Duke University Press, 1995); Marinus Johan Meijer, *Murder and Adultery in Late Imperial China* (The Netherlands: E.J. Brill, 1991); James A. Millward, «A Uyghur Muslim in Qialong's Court: The Meanings of the Fragrant Concubine», *Journal of Asian Studies,* 53, no. 2 (May 1994), 427–458; Albert Richard O'Hara, *The Position of Women in Early China* (Taipei: Mei Ya Publications, 1971); Sterling Seagrave, *Dragon Lady: The Life and Legend of the Last Empress of China* (New York: Knopf, 1992); Marina Warner, *The Dragon Empress: Life and Times of Tz'u-hsi: 1835–1908, Empress Dowager of China* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1972).

[2] Фу Сянь, III в., цит. no: Seagrave, 29.

[3] Denise Chong, *The Concubines Children* (Toronto: Viking, 1994), 8.

[4] В соответствии с указом 1923 г. о положении женщин в семье институт муи-жаи был упразднен, но его пережитки сохранялись еще достаточно долго.

[5] Источник рассказа о Мэй-Йин: Denise Chong, *The Concubine's Children.*

[6] Основными источниками раздела о японских наложницах и гейшах являются: Liza Crihfield Dalby, «Courtesans and Geisha: The Real Women of the Pleasure Quarter» в *Women of the Pleasure Quarter: Japanese Paintings and Prints of the Floating World,* под ред. Elizabeth de Sabato Swinton (New York: Hudson Hills Press, 1995); Liza Crihfield Dalby, *Ceisha* (Berkeley: University of California Press, 1998); Liza Dalby, «Tempest in a Teahouse», *Far Eastern Economic Review,* 27 July 1989, 36–37; Sheldon Garon, *Molding Japanese Minds: The State in Everyday Life* (Princeton: Princeton University Press, 1992); Joy Henry, *Understanding Japanese Society* (New York: Routledge, 1987); Laura Jackson, «Bar Hostess», в *Women in Changing Japan,* под ред. Joyce Lebra, Loy Paulson и Elizabeth Powers (Boulder: Westview Press, 1976); Sumico Iwano, *The Japanese Woman: Traditional Image and Changing Reality* (Cambridge: Harvard University Press, 1993); Yamakawa Kikue, *Women of the Mito Domain: Recollections of Samurai Family Life* (Tokyo: University of Tokyo Press, 1992); Takie Sugiyama Lebra, *Above the Clouds: Status Culture of the Modern Japanese Nobility* (Berkeley: University of California Press: 1993); Lisa Louis, *Butterflies of the Night: Mama-Sans, Ceisha, Strippers, and the Japanese Men They Serve* (New York: Tengu Books, 1992); Lady Nijo, пер. Wilfrid Whitehouse и Eizo Yanagisawa, *Lady Nijo's Own Story* (Rutland: Charles E. Tuttle Company, 1974); Bill Powell, «The End of the Affair?», *Newsweek,* July 10, 1989, 22–23; Albrecht Rothacher, *The Japanese Power Elite* (New York: St. Martin's Press, 1993); Sharon L. Sievres, *Flowers in Salt: The Beginning of Feminist Consciousness in Modern Japan* (Palo Alto: Stanford University Press, 1983); *Women of the Pleasure Quarter: Japanese Paintings and Prints of the Floating World,* под ред. Elizabeth de Sabato Swinton (New York: Hudson Hills Press, 1995). Работа Артура Еолдена «Воспоминания гейши» (Toronto: Vintage Canada, 1999) – это вымышленная история жизни гейши, особенно интересная тем, что Минеко Иваскай, одна из самых известных гейш 1960-1970-х гг., подала на автора в суд. Еолден с благодарностью признал, что он в долгу перед Минеко, у которой неоднократно брал интервью. Минеко обвинила его в том, что на самом деле книга основана на искаженной истории ее жизни, но Еолден это обвинение отрицал.

[7] На протяжении веков синтоизм был популярной религией, передававшейся из поколения в поколение на основе устной традиции. В XIV в. были составлены пять книг, в которые вошли основные положения синтоизма, где также излагались философские основы религии.

[8] Benedict, 504.

[9] Источник рассказа о даме Нидзё: *The Confessions of Lady Nijo,* под ред. Karen Brazell (London: Arrow Books Ltd., 1975).

[10] Эту процедуру описала в книге «Рейша» Лайза Крифилд Дэлби, американка, обучавшаяся профессии гейши.

[11] Основными источниками этого раздела являются: Andre Clot, *Suleiman the Magnifcent: The Man, His Life, His Epoch* (London: Al Saqi Books, 1989); Carla Coco, *The Secrets of the Harem* (New York: The Vendome Press, 1997); Zeynper M. Durukan, *The Harem of The Topkapi Palace* (Istanbul: Hilal Matbaacilik Koll, 1973); Jason Goodwin, *Lords of the Horizons: A History of the Ottoman Empire* (London: Chatto & Windus, 1998); Roger Bigelow Merriman, *Suleiman the Magnifcent* (New York: Cooper Square Publishers, 1966); Barnette Miller, *Beyond the Sublime Portal: The Grand Seraglio of Stambul* (NewYork: AMS Press, 1931); N. M. Penzer, *The Harem: An Account of the Institution as It Existed in the Palace of the Turkish Sultans with a History of Grand Seraglio from Its Foundation to Modern Times* (London: Spring Books, 1936); Yasar Yusel and M. Mehdi llhan, *Sultan Suleiman: The Grand Turk* (Ankara: Turk Tarih Kurumu Basimevi, 1991).

[12] Miller, 87.

[13] Через брак Ибрагима с Хадиджой – царственной сестрой Сулеймана.

[14] Основными источниками этого раздела являются: Princess Der Ling, *Two years in the Forbidden City* (New York: Dodd, Mead and Company, 1929); Charlotte Haldane, *The Last Great Empress of China* (London: Constable, 1965); Sterling Seagrave with Peggy Seagrave, *Dragon Lady: The Life and Legend of the Last Empress of China* (New York: Alfred A. Knopf 1992); Marina Warner, *The Dragon Empress: Life & Times of Tz'u-hsi 1835–1908 Empress Dowager of China* (London: Hamish Hamilton, 1984 [первое издание вышло в 1972 г.]). В биографии Сигрейва исправлены многие фактические ошибки, на которых основывались работы предыдущих биографов.

[15] Warner, 7.

[16] Der Ling, 251.

[17] Там же, 252.

[18] Seagrave, 92.

[19] Там же, 126.

[20] Там же, 134.

[21] Там же, 140.

[22] Там же, 146.

[23] Там же, 159.

[24] Там же, 175.

ГЛАВА 3
Европейские королевские фаворитки

Нелл Гвин
Жанна Антуанетта де Помпадур
Жанна дю Барри
Лола Монтес
Катарина Шратт
Алиса Кеппел
Елена Лупеску
Камилла Паркер-Боулз

«Королей справедливо называют богами, – писал английский король Яков I в 1609 г. – В определенном смысле они осуществляют… божественную власть на земле». Как и Бог, «короли обладают властью над… жизнью и смертью… над всеми своими подданными… и тем не менее они не обязаны отчетом никому, кроме одного лишь Господа… А еще королей сравнивают с отцами семейств, потому что король – это поистине *parens patriae,* политический отец народа»[1].

Сущность монархии определяется идеей божественного права королей; она по сей день узаконивает власть европейских правящих династий. Их стоявшие у власти представители были наделены широкими полномочиями, и до XVIII в., когда началось проведение реформ, они почти ни перед кем не отчитывались. Королевские дворы служили образцами расточительности и в то же время строго следовали правилам этикета. Там же возникали причины и поводы для интриг и угроз, поскольку придворные боролись друг с другом за благосклонность правителя и за возможность влиять на принимаемые им решения.

Одним из основных в перечне таких решений являлся вопрос о браке монарха. Цель бракосочетания состояла в сохранении божественной власти за счет передачи ее по наследству через брачные узы, а также в усилении страны путем установления стратегически важных экономических отношений и заключения военных союзов. Организация династических браков входила в сферу компетенции высокой дипломатии: опытные чиновники и придворные подыскивали подходящую кандидатуру в супруги правителя. Как и в большинстве случаев с договорными браками, романтическая любовь при этом не играла решающей роли, хотя иногда сопутствовала остальным условиям. Суть дела состояла в том, что чета монархов должна была произвести на свет законных царственных отпрысков – потенциальных наследников престола и других представителей высшей аристократии, которые в будущем могли бы стать королями и королевами в нескончаемо ведущейся в Европе матримониальной шахматной партии.

Неизбежным следствием династических браков, учитывая, что монарх обладал абсолютной властью, становились внебрачные связи, возникавшие на основе страсти, романтической любви, продиктованные гордостью от обладания и удобством. В результате наличие фаворитки у монарха составляло общую характерную черту, присущую большинству европейских правящих семейств.

Многие любовницы монархов являлись знатными особами, хотя с представительницами других сословий, например с актрисами, царственные правители, как правило, знакомились в театрах. Такие женщины привносили в атмосферу запутанных придворных взаимоотношений отличавшиеся от них элементы жизни простого народа. Нередко короли

устраняли возникавшую при этом в силу социальных различий неловкость, возводя любовницу из народа в дворянское достоинство.

Однако независимо от того, голубых кровей была королевская любовница или простолюдинкой, она никакими средствами не могла скрыть позор своего статуса королевской шлюхи. Герцогиня Дорчестерская, любовница Якова II, сознательно это подчеркнула, встретившись как-то с герцогиней Портсмутской и графиней Оркни – любовницами Карла II и Вильгельма III: она без всякого смущения назвала себя и этих двух дам «тремя шлюхами». Такой грубый и презрительный ярлык навешивали в Европе не только на проституток, но и на титулованных «содержанок», голубая кровь которых пачкала смятые ими в порыве страсти простыни.

Борьба за внимание со стороны монарха, обладающего Богом данной властью, часто могла приобретать уродливые формы. Нелл Гвин – любовница Карла II, короля, правившего Англией с 1660 по 1685 г., – однажды пригласила к себе свою соперницу Молл Дэвис с тем, чтобы угостить ее деликатесами, в которые добавила слабительное. И ближайшей ночью, когда Молл нежилась в могучих объятиях Карла II, природа взяла свое – внезапно и неотвратимо.

Бедняжка Молл! Да и Нелл, которой для достижения того положения, к какому она стремилась, пришлось прибегнуть к «туалетной» тактике, счастливицей не назовешь. Став королевской любовницей, женщина могла вознестись на недосягаемую высоту, однако, мягко говоря, положение это было достаточно рискованным.

Нелл Гвин[2]

Нелл Гвин была самой веселой и хорошенькой из всех королевских фавориток. Девушка со слегка вздернутым носиком, блестящими каштановыми волосами, светло-карими глазами, открытым взглядом, отражавшим присущую ей прямоту и честность, упругой и изящной грудью, она немного напоминала подростка-сорванца. Нелл была настолько очаровательна, что Карл распорядился сделать несколько ее живописных портретов, и наверняка художник, изобразивший ее обнаженной, бросал на нее похотливые взгляды, когда она ему позировала.

Но Нелл покорила Карла прежде всего непринужденностью и великодушием. Он не мог не восхищаться ее острым умом и добрым нравом, делавшим девушку похожей на «записного придворного шута, веселящего гостей на холостяцкой пирушке»[3]. А со временем король узнал, что, несмотря на его бесчисленные похождения, Нелл его безумно любила и хранила ему верность. Она была женщиной без претензий, до конца жизни так и не научившись писать, когда требовалось, Нелл с трудом выводила корявые инициалы, – но ее энергия била ключом: она могла веселиться всю ночь напролет и встретить рассвет такой же полной сил и задора, какой была в полночь.

Нелл встретила тридцатисемилетнего Карла II, когда ей было семнадцать. Это случилось в 1667 г., восемнадцать лет спустя после казни его отца, Карла I, когда он уже семь лет правил страной, после долгого изгнания, проведенного на континенте, куда его переправили вслед за поражением монархии в гражданской войне в Англии. Англичане, разочарованные жесткими мерами Кромвеля, применявшимися на протяжении почти двух десятилетий, с восторгом приветствовали приход Карла к власти, хотя нация, которой он стал править, в политическом, социальном и религиозном отношении была разделена на противоборствующие лагеря.

Годы изгнания в Европе оставили в душе Карла неизгладимый эмоциональный след. С одной стороны, он так горячо приветствовал прекращение в Англии жестокой дискриминации римско-католической церкви, что некоторые подозревали его в тайном принятии католичества. С другой – его приводило в ужас удручающее состояние английского театра. Он сделал все возможное, чтобы ускорить его возрождение, и разрешил женщинам играть на сцене, полагая, что драматические представления станут глубже и реалистичнее. Не случайным поэтому было его пристальное внимание к актрисам, в частности к наиболее известным из них – Молл Дэвис и Нелл Гвин.

Незадолго до встречи с Нелл Карлу пришлось столкнуться с тремя тяжелыми, кризисными ситуациями – эпидемией бубонной чумы 1664–1666 гг., во время которой погибло около ста тысяч жителей Лондона; великим лондонским пожаром 1665 г., от которого до основания сгорело тринадцать тысяч домов, девяносто семь приходских церквей и замечательный собор Святого Павла; и англо-голландской войной 1665–1667 гг., которую Англия спровоцировала, но после нескольких унизительных поражений проиграла.

Однако ни одно из этих бедствий – равно как и его супруга, Екатерина Браганссская – не могло удержать Карла от посещений театра и заставить его отказаться от любовных похождений. «Господь никогда не проклянет мужчину, позволившего себе небольшое удовольствие», – часто шутил он, а его недруги называли его «величайшим врагом целомудрия и брака». Нелл, в то время еще подросток, со своей стороны, сумела преодолеть свое низкое происхождение – отец ее был солдатом, который умер в долговой тюрьме Оксфорда, а мать торговала пивом в публичном доме на улице Друри-лейн и как-то, будучи в изрядном подпитии, свалилась в канаву. Сама Нелл сначала продавала устрицы в Королевском театре,

потом апельсины, а к четырнадцати годам уже дебютировала на сцене и стала любовницей внучатого племянника Шекспира – Чарльза Харта. Когда король Карл II встретил ее в 1667 г., Нелл уже завела нового любовника и стала признанной актрисой – сценической соперницей Молл Дэвис, бывшей в то время фавориткой короля.

Карл часто ходил на представления, в которых участвовала Нелл, но, встретив как-то девушку в театре, поразился ее бойкой развязности и полным отсутствием заносчивости. Она относилась к королю и повелителю без тени подобострастия, позволяя себе в его присутствии отпускать скабрезные шутки. Когда в первый раз они вместе вышли поесть, с ними был и тогдашний любовник молодой актрисы. Этот выход закончился анекдотически: Карл хотел было расплатиться за обед, но у него не оказалось денег, и пока Нелл весело подшучивала над его временной нищетой, расплачиваться за всех троих пришлось ее любовнику.

Вскоре после этого Нелл стала одной из любовниц Карла. В каком-то смысле их отношения можно назвать любовным приключением, хотя оба они скорее относились к числу прагматиков, чем романтиков. Они не изводили друг друга бурями страстей и не обременяли себя тратой времени на нескончаемые любовные послания. Вместо этого Карл причислил Нелл к числу своих любовниц, а она решила хранить ему верность, так прокомментировав свое решение: «Я – шлюха единственного мужчины». Она пыталась убедить Карла следовать ее примеру. «Одной шлюхи за раз вам будет вполне достаточно, ваше величество», – убеждала Нелл короля, отказавшись принимать соперницу на праздновании дня его рождения[4].

Нелл и Карл, в принципе, придерживались единого мнения относительно положения королевской любовницы. Дом, содержание и щедрые подарки они считали *de rigueur*[10]. Обычно Карл жаловал своих любовниц титулами, а побочных сыновей герцогством, и Нелл надеялась, что эта традиция распространится и на нее. В 1670 г. она родила Чарльза Стюарта, а год спустя на Рождество – Джеймса. Поскольку у супруги Карла, королевы Екатерины, постоянно случались выкидыши и она не могла подарить ему законных наследников, Нелл, как и другие любовницы короля, имела основания рассчитывать на его благосклонное отношение к незаконнорожденным отпрыскам. И он оправдывал ожидания любовниц: пятеро из двадцати шести нынешних герцогов являются его потомками.

Когда Карл попытался немного урезать расходы на содержание Нелл и предложил арендовать для нее дом, она не только отвергла это предложение короля, но и, в знак протеста, решила вернуться в театр и продолжить карьеру актрисы. Точно так же как она отдала Карлу свое сердце, а не сдала его напрокат, говорила Нелл, ей хотелось быть полноправной хозяйкой собственного жилища, а не квартиросъемщицей. Поначалу Карл опечалился, но вскоре поселил ее на улице Пэл-Мэл, в прекрасном доме с садом, который примыкал к его собственному саду, что позволяло любовникам часто встречаться и разговаривать, не привлекая при этом излишнего внимания посторонних.

Эти беседы много значили для Нелл. Она делилась сокровенными мыслями с Карлом – мудрым и более опытным другом, к тому же еще и любовником. «Он был мне другом и позволял высказывать наболевшее, давал дружеские советы, говорил о том, кто мне друг, а кто нет», – с грустью вспоминала она после его кончины[5].

Нередко любовники в подробностях обсуждали вопросы, касавшиеся денег. В отличие от других любовниц Карла, Нелл – как и Молл Дэвис, – по-видимому, была женщиной, которая хотела получать лишь то, что ей причиталось по праву, и потому просила выделить ей достаточно скромный годовой доход в размере 500 фунтов стерлингов. Несмотря на то что Карл отказал ей в этой просьбе, она умудрилась за четыре года выудить из королевского кошелька 60 000 фунтов стерлингов. Ей нужны были деньги! Из каких еще источников она могла получить средства на то, чтобы платить за прекрасную карету с шестеркой лошадей,

[10] Необходимое, обязательное, требуемое этикетом условие *(фр.)*.

выдавать жалованье восьми слугам, покупать лекарства больной матери, делать пожертвования и расплачиваться за серебряную раму кровати, украшенную великолепной гравировкой? Иногда Нелл посылала приходившие ей счета (за такие вещи, как белые атласные нижние юбки, пеньюары из красного атласа и алые атласные туфельки, расшитые серебром) в казначейство – министерство финансов королевского правительства, где их и оплачивали, возможно засчитывая эти расходы в качестве авансовых платежей или денег, которые, по ее словам, король ей задолжал.

Сколь бы крупными ни казались эти расходы, они были жалкой милостыней по сравнению с суммами, которые выделялись некоторым другим любовницам Карла. Барбара Палмер, позже ставшая графиней Кастлмейн, получала 19 600 фунтов стерлингов ежегодно из доходов казны и огромные деньги из других источников. Луиза де Керуаль, искушенная французская соперница Нелл, в качестве основного содержания ежегодно получала 10 000 фунтов стерлингов из доходов от продажи лицензий на торговлю вином, и лишь за один год ей было выделено 136 668 фунтов стерлингов на постройку нового дворца. Документы за 1676 г. свидетельствуют о том, что Луиза занимала более высокое положение при Карле, чем Нелл: она получила 36 073 фунта стерлингов, в то время как Нелл – 7938.

Но значительно больше, чем деньги, Нелл волновала проблема титулов. Карл даровал герцогское достоинство другим своим любовницам, но отказывался пожаловать дворянство Нелл, по всей видимости, из-за ее незнатного происхождения. Обиду и досаду Нелл вполне можно понять. Когда Карл увидел ее в новом платье и воскликнул, что в нем она выглядит как истинная королева, Нелл не преминула съязвить: «И как истинная шлюха, недостойная быть даже герцогиней!»[6] Хоть Нелл продолжала оставаться без титула, она во что бы то ни стало хотела добиться от Карла, чтобы ее сыновья получили дворянское достоинство. Стремясь достичь этой цели как можно скорее, она называла сыновей «маленькие ублюдки». Когда Карл ее за это упрекал, Нелл резко ему возражала, говоря, что называть их по-другому у нее нет оснований. Избранная ею стратегия оказалась действенной. Карл уступил, однако возвел «ублюдков» не в герцогское, а в дворянское достоинство, сделав их лордами Боклерк или Бокпер. В 1680 г., спустя четыре года после смерти их младшего сына, о котором Нелл постоянно горевала, Карл даровал герцогское достоинство их оставшемуся в живых сыну Чарльзу, который стал герцогом Сент-Олбанс.

Отношения Нелл с королем длились семнадцать лет, и за все это время она никогда не была его единственной любовницей.

Ей не составило труда обставить соперницу-актрису Молл Дэвис, но при конкуренции с такими аристократками, как Луиза де Керуаль, Нелл подводило ее незнатное происхождение. Луиза являла собой противоположность Нелл во всем, кроме красоты. Царственная, образованная, культурная, самодовольная и амбициозная женщина, она поставила себе целью завладеть сердцем Карла. К 1671 г. Луиза проводила с ним столько же ночей, сколько Нелл. При каждом удобном случае она старалась принизить репутацию неграмотной соперницы, говорила, что та – вульгарная простушка, в юности приторговывавшая апельсинами.

Нелл постоянно отвечала ей той же монетой. Она дразнила соперницу, высмеивала, оскорбляла, показывала Луизе язык. Она называла ее Сквинтабелла[11], потому что Луиза слегка косила на один глаз. Почему же, спрашивала Нелл, женщина, постоянно выставляющая напоказ свою знатность, пала настолько низко, что согласилась стать любовницей? Луиза нередко появлялась на людях в трауре по случаю кончины кого-то из представителей зарубежных правящих династий, с которыми, по ее словам, состояла в родстве. Однажды, когда в Лондон пришло известие о смерти какого-то иностранного монарха, Нелл тоже обла-

[11] Прозвище Squintabella, образованное соединением английского слова squint – «косой» и итальянского bella – «красавица, красивая», можно перевести как «косоглазая красавица».

чилась в траур. «Давай поделим мир, – с издевкой предложила она Луизе. – Пусть у тебя будут все короли севера, а мне оставь всех правителей юга»[7]. Когда очаровательная итальянка Гортензия Манчини, герцогиня де Мазарен, сменила Луизу в качестве фаворитки Карла, Нелл почувствовала некоторое облегчение, потому что новая ее соперница оказалась не такой строптивой, как английская аристократка.

Нелл поступала разумно, воздерживаясь от вмешательства в дела управления государством. Она, несомненно, знала о насущных проблемах современности, но никогда не пыталась оказывать влияние на ход событий, политику или политических деятелей. Карл высоко ценил ее сдержанность в этом плане, как и широкая публика, в среде которой часто напевали такую шутливую песенку: «Она ловко управлялась с королевским причиндалом, но на скипетр его никогда не посягала».

Единственный раз Нелл позволила себе эпатажную выходку с политическим подтекстом в марте 1681 г., когда обострились отношения Карла с парламентом из-за разногласий, связанных с вопросами престолонаследия и легитимности римско-католической церкви в Англии. Страсти накалились до предела, толпы противников католицизма, запрудившие улицы, терроризировали жителей, скандируя: «Ни папства! Ни рабства!» По мнению некоторых, сам Карл тайно исповедовал католицизм, и многие говорили о том, что гнев народа был направлен против его надменной любовницы-католички Луизы де Керуапь. Как-то днем собравшиеся в толпу смутьяны обратили внимание на карету, двигавшуюся в направлении королевского дворца. «Это королевская шлюха-католичка!» – заорали в толпе и преградили карете путь, намереваясь напасть на ее пассажирку. Но в карете находилась не Луиза, а Нелл Гвин. Высунувшись в окно, она закричала: «Люди добрые, прошу вас, уймитесь – я *протестантская* шлюха!»[8] Ее остроумная реплика разрядила обстановку, гнев толпы как рукой сняло, и с тех пор историки не раз хвалили Нелл за смелость, проницательность и прямоту. А Карл должен был воздать ей должное за смекалку и остроумие. Этот случай выявил отношение к Нелл его беспокойных подданных – ведь, по сути дела, она была одной из них, и за это они ее любили.

Мало того, Нелл даже удалось снискать расположение королевы Екатерины. Реальное положение дел, при котором король просто не мог не иметь любовниц, не оставляло королеве выбора: ей приходилось их терпеть. Но это вовсе не означало, что они должны были ей нравиться, и она постоянно проявляла по этому поводу недовольство. Но к Нелл она относилась с явной симпатией, потому что та никогда не пыталась оттеснить королеву на второй план. Приземленная практичность Нелл и ее грубоватый юмор, вне всякого сомнения, убеждали Екатерину в том, что она обычная потаскуха, лишенная претензий остальных развратных любовниц короля. (Другая английская королева, Каролина, супруга английского короля Георга II, ненавидела леди Генриетту Суффолкскую, которая на протяжении двадцати лет состояла в любовной связи с ее мужем, – но стала резко возражать против того, чтобы Георг дал Генриетте отставку как «старому, тупому, глухому, сварливому животному». Каролина вступилась за любовницу мужа, опасаясь появления более молодых и опасных соперниц.)

В 1685 г. в день рождения Нелл с Карлом случился удар, и несколько дней спустя он скончался. Нелл отдала ему семнадцать лет жизни, родила от него двоих детей и прервала блестяще складывавшуюся актерскую карьеру, чтобы стать его любовницей. Но относительно ее будущего король на смертном одре сделал лишь одно распоряжение: «Не допустите, чтобы бедная Нелл голодала». Несмотря на рыцарскую заботу Карла о ее благополучии, Нелл скончалась вполне обеспеченной женщиной – но только потому, что пережила короля всего на два года. Если бы она дожила до пятидесяти пяти лет, как и ее любовник, то наверняка умерла бы в нужде.

Со смертью Карла стало еще более очевидно, что семнадцать лет, на протяжении которых Нелл была его любовницей, не дали ей никакого положения при дворе, а их с коро-

лем сыновья так и не стали членами его семьи. Но Нелл любила Карла и хотела достойно с ним попрощаться. Она заказала черную драпировку для кареты и дома, собиралась провести другие траурные ритуалы. Однако вмешался судейский чиновник, запретивший Нелл проводить такие обряды, какие были позволены лишь августейшей семье, хоть она стремилась выразить этим свое горе и глубокую привязанность к любовнику. Семнадцать лет наградой ей было наслаждение и радость любимого человека, а его смерть вдребезги разбила ее мир.

Жан на-Антуанетта де Помпадур[9]

Vive la différence![12] Представители французской королевской семьи тоже не отказывали себе в удовольствии общения с любовницами. Ведь повсеместно династические браки входили в сферу государственных дел, и заключались они по дипломатическим или политическим соображениям. Но сердца правителей – как и их чресла – тоже требовали к себе внимания. И действительно, французские короли прославляли свои внебрачные любовные победы, а в королевской резиденции, замке Фонтенбло, из камня были вырезаны памятные изображения монархов и их любовниц – Генриха II (1519–1559 гг.) и Дианы де Пуатье, Генриха IV (1553–1610 гг.) и Габриэль д'Эстре.

В 1643 г. на трон взошел Людовик XIV, красивый сильный мужчина, который впоследствии получил прозвище Король-Солнце. Он стал воплощением идеи абсолютной монархии, самым могущественным правителем в Европе, и именно Людовик XIV объединил Францию. В числе других его достижений было укрощение своенравной знати, которую он заставил соблюдать тщательно разработанные придворные церемонии, призванные изменить дворцовый этикет с тем, чтобы приспособить его к потребностям собственных весьма непростых любовных отношений.

Если принять во внимание его положение и время, в которое он жил, Людовик оставался девственником на удивление долго – до семнадцати лет, когда мадам де Бове, одна из фрейлин королевы, совратила его после того, как он принял ванну. Впоследствии Людовик всегда относился к мадам де Бове с неизменным уважением. К любовным утехам у него возник поистине королевский аппетит, и, не переставая любить обожаемую супругу Марию Терезию, он использовал свои королевские прерогативы в амурных отношениях с многочисленными любовницами из числа привлекательных молодых придворных дам.

Следует отметить, что в этой области Людовик установил одно существенное нововведение. Он узаконил положение своих любовниц в качестве *maîtresses en titre* – официальных фавориток, переселяя их в дворцовые покои и признавая детей, которых они от него рожали. Это давало его любовницам такую власть, которая намного превосходила влияние придворных дам при других королевских дворах, поскольку дамы Людовика составляли неотъемлемую часть двора, причем нередко они находились в услужении королевы. Любовницы Людовика с ним вместе ужинали, общались с ведущими политиками королевства и иностранными дипломатами, а если хотели, сами могли играть в политике роль серых кардиналов.

Существовали, однако, некоторые формальности, которые требовалось соблюсти, чтобы из простой любовницы превратиться в официальную фаворитку. Потенциальной *maîtresses en titre* было необходимо, чтобы ее поддерживала и представляла при дворе какая-нибудь придворная дама. Луиза де Лавальер, первая кандидатура на это звание в списке Людовика, еще раньше долгое время состояла с ним в любовной связи, но их двое детей официально считались незаконнорожденными. Как-то раз Людовик, собираясь на войну и не будучи уверен, что вернется живым, решил пересмотреть свои взгляды на жизнь и внести в нее соответствующие коррективы. Он сделал Луизу герцогиней де Вожур и признал своей их выжившую дочь Марию-Анну де Бурбон. Мария-Анна воспитывалась как член королевской семьи, однако ни она, ни двое других детей, позже родившихся от этого союза, не получили права наследования престола.

Вскоре после того, как Луиза стала официальной фавориткой, внимание Людовика переключилось на ее приятельницу – Атенаис, мадам де Монтеспан. Луиза даже горевать и

[12] Да здравствует разнообразие! *(фр.)*.

печалиться не могла в одиночестве. Вынужденная продолжить жизнь при дворе, она видела, как разгорается страсть к Атенаис ее обожаемого любовника. Набожность ее становилась все сильнее. Она постилась, под пышными придворными нарядами носила власяницу, спала на голом полу. Луиза дважды пыталась уединиться в женском монастыре, но оба раза Людовик возвращал ее ко двору. В 1674 г. ей удалось упросить короля дать ей свободу, чтобы она могла выполнить взятые на себя священные обеты. Ее печаль и увядший вид тронули короля до глубины души, и на этот раз он уступил. Луиза опустилась на колени перед королевой и публично покаялась в своих прегрешениях. Вскоре после этого она простилась с детьми, а потом навсегда скрылась за стенами парижского монастыря кармелиток, где постриглась в монахини и приняла имя Луизы Милосердной.

Следующая за Луизой де Лавальер официальная фаворитка – Атенаис де Монтеспан – придала своему положению новый характер, определявшийся ее матримониальным статусом. Теперь не только Людовик был повинен в нарушении супружеской верности с нею, но и она была виновна в том, что изменяет с ним мужу. Поскольку королева терзалась из-за его измен, Людовик пообещал ей расстаться с фаворитками, когда ему исполнится тридцать лет, – но его тридцатый день рождения пришел и прошел, а фаворитки как были, так и остались. Даже Королю-Солнцу было нелегко пресечь возмущенные разговоры о том, что измена женщины мужу – это грех и преступление. Было ясно, что Атенаис необходим легальный развод, но строптивый французский парламент дал на него разрешение лишь через пять лет, несмотря на постоянное внимание Людовика к этому вопросу.

К тому же ситуацию обострял супруг Атенаис. Маркиз де Монтеспан не очень жаловал свою женушку, однако его оскорбляло то обстоятельство, что король мог так просто ее у него отнять. Он в ярости приезжал в Париж и закатывал там сцены ревности, вламывался в опочивальню Атенаис и награждал ее оплеухами. Он нарочито входил в собственный замок только через главный вход, жалуясь при этом: «Мои рога настолько велики, что в низкую дверь мне не пройти»[10]. Как-то раз Людовик распорядился заключить его в темницу. Монтеспана это не испугало. Когда его выпустили, он разыграл похороны своей супруги, провозгласив ее жертвой собственной похоти и амбиций. К счастью для Людовика, назойливый муж его любовницы вскоре устал от своих игр. Тем не менее на стороне Монтеспана были принципы религии и морали. Короли могли стоять над законом, но их фавориткам этого не дозволялось. Браки заключались против желания людей, но нарушение супружеской верности продолжало считаться святотатством.

Несмотря на ситуацию с Монтеспаном, было очевидно, что, по большому счету, замужних фавориток проще приобщать к придворной жизни, чем одиноких девушек, которые могли скомпрометировать королеву так, как замужние женщины это сделать не могли. Замужество фаворитки – даже если оно служило лицемерным прикрытием бесстыдных действий – помогало обманутой мужем королеве сохранить лицо, хоть было слабым утешением при дворе, где всем постоянно перемывали кости и плодили нелепые слухи. Не проходило и дня, чтобы несчастная королева не видела и не слышала во дворце очередную *maîtresse en titre,* чьи покои соседствовали с покоями короля, которая вынашивала его отпрыска, а ее наряды и тело украшали драгоценные камни из королевской казны.

Людовик XIV был совсем не глупым человеком, он напряженно и подолгу размышлял о том, как лучше приобщить фаворитку к своей жизни и, соответственно, к жизни Франции. В назидание своему сыну Людовику он оставил записки о фаворитках и о том, как избегать опасностей, которым они подвергают своих любовников.

Во-первых, предупреждал Людовик, фаворитки не должны мешать заниматься делами управления государством. Во-вторых – и этого достичь труднее, – хоть сердце отдается им, король должен оставаться хозяином своего разума. Не следует позволять женщинам рассуждать о чем-то серьезном, потому что они тут же примутся мутить воду, впутываясь в заго-

воры и интриги, что внесет беспорядок в управление страной. В истории есть множество тому примеров, предупреждал он сына: козни женщин, вынашивавших тайные замыслы, приводили к вымиранию династий, свержению королей, разорению провинций, разрушению империй.

Правнук Людовика, неудачливый Людовик XV, не внял многим советам прадеда и позволил своим официальным фавориткам становиться при дворе влиятельными и могущественными фигурами. Кроме того, он нарушил традицию, в соответствии с которой фаворитки королей должны были иметь знатное происхождение: отдав ей сердце, он разделил ложе с простолюдинкой – Жанной-Антуанеттой Пуассон, позже снискавшей известность под именем мадам де Помпадур.

Прошлое Жанны-Антуанетты было необычным. Ее отца, поставщика провианта парижским финансовым чиновникам, несправедливо обвинили в растрате, и он пытался скрыться в Германии, чтобы избежать тюремного заключения. Жан на-Антуанетта, получившая прозвище Королевка, или Маленькая Королева, и ее брат Абель остались на попечении матери. Чтобы обеспечить детей, госпожа Пуассон подыскивала себе состоятельных любовников. Ей удалось дать своей хрупкой дочери блестящее образование и знания, необходимые стремящимся добиться в жизни успеха женщинам для того, чтобы привлечь достойного мужа или любовника.

Королевка высоко ценила усилия матери, особенно после того, как гадалка, взглянув в глаза девятилетней Жанны-Антуанетты, воскликнула: «Ты будешь фавориткой короля!» Королевка выросла и превратилась в утонченную и образованную женщину, отличавшуюся великодушием, актерскими способностями и, несмотря на (а может быть, именно благодаря этому) периодически повторяющиеся проблемы с гортанью и грудью, завораживающим голосом с легкой хрипотцой. А еще у нее была мечта: воплотить в жизнь предсказание ясновидящей.

Королевка стала очаровательной девушкой – стройной, с соблазнительными формами, овальным личиком, обрамленным темными волосами, с бледной кожей, которая, казалось, светилась румянцем. Весь ее облик был царственно элегантен. Когда ей уже исполнилось двадцать, мать устроила ее брак с государственным чиновником Шарлем-Гийомом Ле Норман д'Этиолем. Жанна-Антуанетта родила от Гийома несколько детей, но выжила только одна их дочка, получившая имя Александрина. Неожиданно случилось так, что Шарль-Гийом до беспамятства влюбился в свою молодую жену, которая со смехом уверяла его, что не расстанется с ним до самой смерти, если, конечно, ее не возжелает король.

Пришло время, и король возжелал Королевку. Людовик XV знал о ней понаслышке, а когда пути их пересеклись, не смог не обратить внимания на ее красоту. Она приобретала в обществе все большую известность, Вольтер и другие выдающиеся мыслители того времени восхищались ею и гордились ее дружбой. Но все помыслы короля в ту пору занимала его фаворитка – мадам де Шатору, младшая из трех сестер, в которую он был влюблен.

Однако случилось так, что в 1744 г. эта своенравная женщина, всегда пытавшаяся держать короля на коротком поводке, последовала за ним на поля сражений проходившей тогда Войны за Австрийское наследство. Глумление над приличиями обернулось для нее печальными последствиями, когда Людовик XV тяжело заболел и вызвали епископа, чтобы тот соборовал короля. Но священник отказался отпускать ему грехи, требуя от Людовика публичного признания и покаяния в прегрешениях. В страхе перед адскими муками король признался во внебрачной связи с мадам де Шатору, раскаялся в прелюбодеянии и приказал оскорбленной женщине его покинуть.

Однако на этом дело не кончилось, поскольку все только и говорили, что о признании им своих прегрешений. Людовика простили, а его фаворитку – нет. Когда она проезжала по городским улицам, парижане кидали в ее экипаж камни и выливали на него содержимое

ночных горшков, над ней издевались, ее оскорбляли. Ужас, который она при этом испытывала, подорвал ее здоровье, и мадам де Шатору заболела воспалением легких. Король тем временем поправился и, поскольку теперь ему смерть не грозила, попросил фаворитку вернуться к нему в Версаль. Но вскоре мадам де Шатору скончалась.

Два месяца спустя, в 1745 г., во время празднества по случаю свадьбы дофина, его сына и наследника, Людовик, нарядившийся в костюм, который символизировал тисовое дерево, обратил внимание на обаятельную и элегантную Королевку в костюме богини Дианы и весь вечер от нее не отходил. Вскоре после этого она стала его любовницей.

Появление у короля новой фаворитки вызвало при французском дворе переполох. Сколько этот роман продлится? – хотели знать придворные. Какие у нее союзники? Какие враги? Как она обычно предпочитает действовать, что она любит и что ей не нравится, какие цели она перед собой ставит? В иерархической системе, имманентно присущей представлениям о божественном праве и голубой крови, потенциальная власть новой фаворитки, ее влияние на государственные дела и – что было еще важнее – на весь уклад жизни при королевском дворе и судьбы несметного числа кормившихся при нем прихлебателей и приживалок было поистине трудно переоценить. Разве мог себе кто-то вообразить, что мадам д'Этиоль, безродная выскочка, принадлежавшая к ненавистному классу буржуазии, эта близкая подруга таких атеистов, как Вольтер, сможет стать тем, кем стала?

Но Людовик все больше очаровывался своей новой фавориткой и все сильнее ополчался против всех, кто хоть в чем-то пытался ее критиковать. Королевка отвечала на его любовь взаимностью со страстью, подогреваемой фантазиями, которые с детства кружили ей голову. Несмотря на искренность ее чувств, при дворе о ней распространялось все больше слухов, причем в основном недобрых.

А Королевка с Людовиком тем временем были заняты собственными проблемами. Она просила его как-то определиться с ее положением, и король определился, предложив ей стать его официальной фавориткой. Королевка с радостью приняла предложение. Однако при этом она настаивала на том, чтобы Людовик устроил ее развод с мужем. Преданный ей Шарль-Гийом воспринял эту новость тяжело, он рыдал навзрыд и терял сознание. Лишь после того, как он понял, что решение Жанны-Антуанетты окончательно и бесповоротно, ему пришлось смириться с уходом горячо любимой супруги.

Несмотря на страсть к королю, ситуация Королевки-фаворитки оказалось непростой. Когда она была хрупкой девочкой, ее постоянно беспокоили горло и легкие. Когда повзрослела, здоровье ее ухудшилось, и она пыталась скрыть это от всех, кроме самых близких друзей. Но придворные злопыхатели, обращая внимание на то, какая она худенькая, как быстро устает и сплевывает сгустки крови, злорадно распускали о ней злые слухи. Врач рекомендовал ей больше отдыхать, гулять на свежем воздухе и заниматься гимнастикой. Да как же я смогу? – жалобно спрашивала она. Придворная жизнь была жестко регламентирована и очень утомительна, изысканные туалеты и уход за внешностью отнимали почти все время, от теплого воздуха можно было задохнуться. Что касается физических упражнений, она была слишком измотана и даже не пыталась их выполнять.

Ухудшение здоровья Королевки сказывалось и на ее чувственности: она страшно боялась, что, как сама выражалась, «фригидность ее натуры» приведет к тому, что Людовик бросится в объятия другой женщины. Как-то ночью он назвал ее «холодной как рыба», встал с кровати и пошел спать на диван. Королевка пыталась оттянуть их расставание, соблюдая диету, которая должна была разогреть ее холодную кровь: она пила горячий шоколад, приправленный ванилью и зверобоем, ела трюфели и суп из сельдерея. Спустя какое-то время она стала употреблять в пищу молоко ослиц. «Я жизни своей не пожалею, чтобы его ублажить», – призналась она по секрету подруге".

Несмотря на то что иногда ее подводило тело, Королевка как-то умудрялась оставаться необходимой королю. В 1745 г. он стал называть ее маркизой де Помпадур. Как замечал в этой связи Вольтер, это имя рифмовалось со словом *l'amour* – «любовь», которой Королевка щедро одаряла возлюбленного. В качестве официальной фаворитки Людовика она сумела добиться того, что королева смягчилась по отношению к ней, хотя Мария Лещинская иногда публично ее унижала. Королевка посвятила свою жизнь королю, компенсируя неискушенность в области секса проверенными временем методами очарования. Она охотно и восторженно проникалась интересами Людовика. Она играла с ним в карты, ненавидя при этом карточные игры. Она сопровождала его во время охоты, хоть это отнимало у нее, и без того слабой, много сил. Она правила местами неприличные, даже непристойные отчеты, еженедельно поступавшие от шпионов Людовика из разных мест. Она каждый день проводила краткие совещания с государственными министрами. Она давала королю советы и со временем, продолжая оставаться фавориткой, стала его ближайшей подругой.

Королевка постепенно все глубже вникала в дела государства, то есть делала именно то, чего в своих записках о фаворитках Людовик XIV советовал не допускать. Она убедила Людовика уволить и изгнать его министра Морепа, который, как говорили злые языки, сочинил стихотворение, в котором высмеивалась физиология фаворитки. Ей удалось пристроить своего брата Абеля на важную должность главного интенданта королевских зданий, и тот служил эффективно и честно. Она занималась распределением средств, выделявшихся королем на поддержку искусства и литературы, поскольку неплохо разбиралась в этих областях. Она принимала участие в создании офицерского военного училища и ставшей впоследствии знаменитой фабрики фарфора в Севре.

В 1751 г. после долгих раздумий Королевка отказалась от сексуальных отношений с королем и сделала так, чтобы об этом стало известно. Это дало им двоим возможность принять причастие, поскольку теперь они не нарушали супружеской верности друг с другом. Для Королевки этот отказ обернулся двойной выгодой: он успокоил ее религиозное сознание и освободил от обязанности, которую она не могла хорошо исполнять. Однако именно в этом таилась грозная опасность, ведь Людовик мог завести новую фаворитку. В 1752 г., когда он возвел Королевку в герцогское достоинство, досужие сплетники шептали, что это прощальная милость перед отставкой.

Чтобы сохранить влияние на Людовика, она стала подыскивать ему – такие, по крайней мере, ходили слухи – молоденьких девушек, которые не представляли бы угрозы ее положению. Современники обвиняли ее в сводничестве и организации королевских утех в особняке под названием «Олений парк», расположенном неподалеку от дворца. Туда поселяли девушек-подростков из семей бедных парижан и готовили их к любовным забавам короля, нередко группами по два-три человека. Этих девиц хорошо кормили, нарядно одевали, учили азам придворного этикета и постоянно подвергали медицинским осмотрам. Сменялись молоденькие «пансионерки» довольно часто, возможно, потому что получали неплохое содержание и нередко выходили замуж за состоятельных мужчин, которых соблазняли приобретенные ими навыки. Девушкам, рожавшим от Людовика детей, говорили, что младенцы умерли. Позже этим детям – *princes et princesses manqués*[13] – выделялось ежегодное содержание, и их усыновляли или удочеряли подходящие приемные родители.

Через два года после создания для Людовика «Оленьего парка» умерла Александрина, десятилетняя дочь Королевки. Жанна-Антуанетта была безутешна. «Все счастье мое умерло вместе с дочкой», – сказала она подруге[12]. Ее недоброжелатели опустились до измышлений о том, что плакала она потому, что теперь Александрина никогда не сможет подменить ее в постели Людовика.

[13] Несостоявшиеся принцы и принцессы *(фр.)*.

Со временем жизнь Королевки снова как-то наладилась. В течение следующих десяти лет она была с головой погружена в государственные дела и отличавшиеся хитроумием и коварством придворные интриги: маркиза де Помпадур стремилась достичь такого положения, при котором ее союзники были бы достаточно сильны, чтобы одолевать растущее число ее врагов, включая сторонников других очаровательных женщин, считавших, что они могли бы сменить фаворитку Людовика. Она уговаривала короля увольнять тех министров, которые относились к ней с неприязнью. Она умудрялась уцелеть в придворных междоусобицах, и вновь обретенное ею целомудрие позволяло ей чувствовать себя столь добродетельной, что она поддерживала церковь в ожесточенных схватках с французским парламентом. Она действовала в тесном контакте со своим протеже – герцогом Шуазелем, чьи дипломатические авантюры привели к Семилетней войне, в ходе которой Франция, Австрия, Россия, Саксония, Швеция и Испания выступили против Пруссии, Великобритании и Ганновера. Война привела к катастрофе, которая поставила Францию на грань банкротства. Из обедневшей национальной казны маркиза де Помпадур тратила непомерные средства на произведения искусства и шедевры архитектуры; стиль рококо, развитию которого Королевка покровительствовала во Франции, был настолько восхитителен, что она говорила о том времени как об эпохе эстетики. Она снисходительно относилась к праздному королю даже тогда, когда за пределами дворца беспокойное население оказалось на грани голода.

Вскоре после того, как в 1763 г. Парижский мирный договор положил конец войне, Королевка скончалась, предположительно от рака легких. Ее друг Вольтер скорбел о смерти искренней женщины, которая бескорыстно любила короля. Но отношение к ней большинства ее современников выражала народная песенка, в которой ее немилосердно поносили: «Здесь лежит та, что двадцать лет была девой, восемь лет была шлюхой и десять лет – сводней»[13].

Жанна дю Барри[14]

Следующей официальной фавориткой Людовика стала Жанна Бекю, позже получившая известность как графиня дю Барри. Происходила она из еще более низких слоев общества, чем Королевка де Помпадур. Жанна была незаконнорожденной дочерью Анны Бекю, красивой и предприимчивой поварихи, и монаха, брата Анжа, который не мог на ней жениться. Жанна узнала о том, что такое сожительство, еще в раннем детстве, после того, как ее мать получила работу и приют у парижского чиновника и Франчески, его замечательной итальянской любовницы. Франческа сделала чудесную белокурую малышку всеобщей любимицей и позаботилась о том, чтобы она получила образование в школе при женском монастыре. Там Жанна занималась литературой и искусством, именно в школе она воспылала страстью к Шекспиру и овладела искусством декламации, которым позже восхищала Людовика XV. Ко времени окончания учебы, когда ей исполнилось пятнадцать лет, Жанна выглядела настолько очаровательно, что Франческа вдруг увидела в своей бывшей протеже соперницу, способную отнять у нее любовника, и предоставила девушке самой заботиться о себе.

Жанна нашла работу в мастерской, где делали парики, и в восемнадцать лет ненадолго стала любовницей сына своего хозяина. После этого она сочетала работу с любовными похождениями, поднимаясь все выше по социальной лестнице и становясь все обеспеченнее по мере того, как все теснее общалась с крупными чиновниками и интеллектуалами. Молва о ней росла и ширилась. Высокая и стройная, с копной светлых волос, широко посаженными голубыми глазами и изящным орлиным носом, Жанна была так красива, что при взгляде на нее замирало сердце. Ее прекрасная грудь, красоту которой часто подчеркивало со вкусом скроенное декольте, поражала даже самых пресыщенных наблюдателей, причем Жанна делала выразительнее свое естественное обаяние с помощью ненавязчивой косметики и платьев из тонкой материи пастельных тонов, которые прекрасно оттеняли совершенство ее бледного очарования.

Жанна также слыла признанной специалисткой в искусстве любви. В отличие от хрупкой и фригидной мадам де Помпадур, Жанна была женщиной крепкой и сильно охочей до удовлетворения полового чувства. Ее сексуальные партнеры с восторгом отзывались о ее выносливости и ловкости, а также широком разнообразии приемов и способов плотской любви, которыми она владела в совершенстве. Ее никак нельзя было назвать застенчивой или скованной, она торговала эротическими свиданиями и брала за них крупные суммы денег или драгоценности. Основной любовник Жанны, граф Жан-Батист дю Барри, был одновременно ее агентом или сводником, который способствовал ее продвижению все выше и выше, к тому пределу, где она одержала свою величайшую победу, покорив сердце Людовика XV.

Известна одна история, описывающая первую встречу Жанны с Людовиком XV в Версале, однако подлинность ее вызывает сомнения. Жанна трижды сделала реверанс, как того требовал этикет, потом подошла к королю и поцеловала его в губы. Такого, конечно, просто не могло произойти, но эта история отражает представления современников о неуемной чувственности Жанны. На самом деле дю Барри, скорее всего, просто шла в направлении короля, зная, что Людовик обязательно обратит внимание на такую чаровницу, как она. Жанна оказалась права. Впервые после того, как он испытывал великую страсть к Королевке, Людовик отдал свое сердце единственной женщине, которой доверял, которая вновь могла заставить его почувствовать себя молодым.

Но знакомые дю Барри из числа придворных лгали Людовику, когда рассказывали о прошлом Жанны: они представили ее как респектабельную замужнюю даму аристократиче-

ского происхождения. В действительности Жанна, происходившая из крестьян, была незаконнорожденной и незамужней куртизанкой, а в полицейских документах значилась как потаскуха дю Барри. Что было делать? Обеспокоенным придворным Людовика пришлось раскрыть ему истину. Король настолько томился любовью, что не стал удалять от себя пленительную молодую самозванку. «Выдать ее замуж!» – распорядился он.

Граф дю Барри пришел в бешенство. Сам он происходил из знатного рода и был бы рад жениться на Жанне, чтобы ее положение при дворе обрело законный статус. Но, к сожалению, он уже был женат на женщине, которую не любил и бросил, как только разбазарил ее состояние. Однако у графа был старший брат, настолько обедневший, что ни одна достойная женщина даже не рассматривала возможность сочетаться с ним узами брака. За приличное вознаграждение Гийом дю Барри согласился стать мужем Жанны.

Деньги снова сыграли решающую роль, и, как по мановению волшебной палочки, Жанна получила новое, «исправленное» свидетельство о рождении, в котором ее предки обрели дворянское достоинство, а сама она помолодела на три года. После непродолжительной церемонии венчания, проведенной в 5 часов утра с тем, чтобы избежать косых взглядов любопытных парижан, Жанна покинула церковь Святого Лаврентия уже как графиня дю Барри. Во время церковного бракосочетания – многие поговаривали, что его провел брат Анж, родной отец новобрачной, – Жанна первый и последний раз встретилась с Гийомом дю Барри. Ее законного супруга такое положение вещей вполне устраивало. Он стал счастливо жить на вполне приличное содержание с молоденькой любовницей, которую взял в жены после смерти законной жены.

Теперь Жанна, замужняя графиня, вполне могла быть представлена при дворе. Людовик попытался преодолеть враждебное отношение к ней знати, с помощью денег заставив одну обремененную долгами графиню взять Жанну под свое крыло. Графиня дю Барри прибыла ко двору с непростительно большим опозданием в ослепительном белом платье, украшенном бриллиантами, и на протяжении всей церемонии вела себя уверенно и с достоинством. В тот день, *22* апреля 1769 г., она стала официальной фавориткой Людовика XV.

На протяжении шести лет Жанна играла основную роль в общественной и сексуальной жизни Людовика. Старевший король был в восторге, поскольку, как и Королевка де Помпадур, новая фаворитка любила его за личные качества (такие, какие он имел) столь же сильно, как за власть и богатство. Хотя Жанна часто бывала на ужинах и других собраниях, где обсуждалась государственная политика, она никогда не вмешивалась в эти разговоры и не проявляла к ним сколько-нибудь значительного интереса. Гораздо больше ее привлекали литература и искусство, а кроме того, она постоянно пополняла свою огромную коллекцию драгоценных украшений, которая в итоге обошлась французской казне в сумму, превышавшую *2* 500 000 ливров. Помимо этого, Жанна тратила большие деньги на платья, которые ей шила Роза Бертен[14], на ремонт и обстановку дома, подаренного ей Людовиком, на содержание многочисленной прислуги и на тысячи книг в кожаных переплетах, сделанных вручную.

Жизнь Жанны при дворе подчинялась установленному этикету, она уделяла большое внимание уходу за собой, прическам и бесконечным переодеваниям. Она постоянно посещала королевские аудиенции, спектакли, вечерние трапезы, музыкальные концерты и другие мероприятия. Нередко Жанна вместе с королем совершала конные прогулки и сопровождала его во время охоты. В отличие от кого бы то ни было другого, она всегда должна была находиться в распоряжении Людовика, отдохнуть от него у нее не было возможности. Каждый день ей приходилось иметь дело с людьми, цель которых состояла в том, чтобы поколебать ее

[14] Роза Бертен (1747–1813) – французская придворная модистка и портниха, прославившая Францию и сделавшая ее центром европейской моды в конце XVIII – начале XIX в. Создавала восхитительные туалеты для королевы Марии Антуанетты и многих придворных дам.

позиции, включая Марию-Антуанетту – дерзкую молоденькую жену внука короля (который позже станет Людовиком XVI). Мария-Антуанетта считала Жанну тупой и наглой, а чувства Людовика по отношению к ней – недостойными короля.

От благоухающей утренней ванны до процедур отхода ко сну придворный этикет не предоставлял Жанне права на уединение. Рядом всегда находились придворные дамы, а нередко и посторонние люди – просители и заявители, стоявшие в бесконечных очередях в надежде на то, что публично обливаемая ими грязью женщина поможет им выпутаться из бедствий, в которые они попадали. Они просили Жанну о деньгах и о работе. Они просили ее вступиться за них перед строгими чиновниками, помочь их детям, поддержать их благотворительную деятельность. Свободной от пристального внимания публики Жанна была лишь тогда, когда занималась любовью с королем.

Несмотря на эти ограничения, она оставалась жизнерадостной и неутомимой женщиной – добросердечной и великодушной. Но в предреволюционной Франции ее гневно осуждали за непомерную расточительность и (в отличие от Нелл Гвин в Англии) винили за измену своему скромному происхождению. Вместо того чтобы выступать против некогда любимого короля, во всех своих бедах – голоде, нехватке хлеба, безработице – народ винил «королевскую шлюху». Когда Жанна рисковала выезжать из дворца, на ее экипаж нападали мятежники.

В 1774 г., после шести лет радости сексуального и эмоционального «омоложения», которую доставляла ему очаровательная официальная фаворитка, Людовик заболел: он заразился оспой неизлечимой формы. Король понимал, что умирает, и все чаще задумывался о Судном дне. Он сказал Жанне, что ради его вечного спасения ей надо покинуть двор. «Я принадлежу Господу и народу своему», – сказал он[15]. Жанна лишилась чувств, а как только пришла в себя, тут же направилась к карете и уехала из дворца. Ни слез, ни упреков – она тоже все понимала: как моральная скверна она была непреодолимым препятствием для искупления грехов Людовиком.

Лишившись постоянного общества и забот фаворитки, ее слов утешения и нежных, ласковых прикосновений, король немного поплакал. Потом он позвал служителей церкви с тем, чтобы те отпустили ему грехи, и, в частности, покаялся в страстной увлеченности графиней дю Барри. Он поцеловал распятие теми же губами, которыми много раз целовал Жанну. Несколько дней спустя спокойно и умиротворенно, уверенный в том, что раскаяние в последний момент обеспечит ему вечное спасение, Людовик XV отошел в мир иной.

Почти сразу же после этого новый король, Людовик XVI, и королева, Мария-Антуанетта, сослали Жанну дю Барри в женский монастырь и приказали держать ее там в изоляции. Оторванная от своего мира и немногих друзей, но затравленная кредиторами, Жанна приспособилась к скудости существования в заточении столь же легко, как в свое время адаптировалась к обстановке дворцового великолепия. Ей удалось сделать аббатису мать Габриэль де ла Рош-Фонтений своей верной подругой, которая убедила Людовика и Марию-Антуанетту проявить по отношению к Жанне милосердие и позволить ей принимать посетителей. Одним из них был ее нотариус, которому удалось продать кое-что из ее драгоценностей, чтобы расплатиться с большинством назойливых кредиторов.

Спустя одиннадцать месяцев Людовик и Мария-Антуанетта позволили Жанне покинуть монастырь, но запретили приближаться к Парижу и Версалю на расстояние меньше десяти лье[15]. Шестнадцать лет она жила спокойно, принимала любовников, ложилась с ними в постель, ела сколько душа пожелает, полнела и наслаждалась жизнью. По распоряжению, отданному Людовиком перед смертью, она получила единовременную выплату в размере 2 812 500 ливров.

---

[15] Одно сухопутное лье равняется 4,445 км.

Идиллическая жизнь Жанны дю Барри закончилась в 1791 г., когда в ее замок проникли грабители и украли драгоценности, стоившие миллионы. Спустя месяц, узнав о том, что эти драгоценности обнаружила лондонская полиция, она поспешила пересечь Ла-Манш, стремясь их вернуть. Ее поступок оказался опрометчивым, поскольку старый режим рушился, Людовик XVI в отчаянии обратился к Пруссии с просьбой о создании военной коалиции, а Мария-Антуанетта втайне молила испанского короля помочь французской королевской семье бежать из страны. Вместо того чтобы попытаться скрыться и спрятать свои богатства, как делали другие аристократы и состоятельные люди, этими действиями Жанна привлекла внимание к себе и своему состоянию. В Лондоне ей не удалось получить у английских властей свои драгоценности. Не обратила она внимания и на то, что агенты французской полиции ходили за ней в Англии по пятам и шпионили, когда она встречалась с контрреволюционными эмигрантами.

Опороченная в политическом и социальном отношении, заклейменная как роялистка и шлюха, укравшая у Франции миллионы, бывшая королевская фаворитка, Жанна дю Барри вновь стала притчей во языцех широкой публики. Хотя революционный политик Мирабо сам как-то заметил, что единственным ее грехом было то, что боги создали ее такой прекрасной, по декрету революционного правительства она была арестована. В первом выдвинутом против нее обвинении говорилось, что «даже после ее подразумеваемого позора… ее знакомили с теми людьми, которые сегодня являются нашими самыми заклятыми врагами»[16]. Кроме того, Жанну обвинили в злоупотреблении государственными средствами и контрреволюционных высказываниях.

В тюрьме Жанна оценила свое положение и решила, что ее помилуют. На протяжении месяцев, прошедших до судебного разбирательства, она поддерживала дружеские отношения с другими заключенными – аристократами, которых знала, и проститутками, с которыми не была знакома. Когда ей вынесли смертный приговор, Жанна истошно завопила от ужаса. И все же она не переставала надеяться, что ей удастся сохранить жизнь – выменять на остававшиеся у нее сокровища. Когда эти ее планы оказались несбыточными, Жанну парализовал страх: она поняла, что обречена. В жуткий, холодный день казни графиню дю Барри волоком тащили к гильотине. В какой-то момент, попытавшись вырваться, Жанна воскликнула: «Вы хотите сделать мне больно, пожалуйста, не надо причинять мне боль!» Нетерпеливые палачи скрутили ее и связали. Тяжелое лезвие скользнуло вниз, и тело ее забилось в агонии. Когда ей отсекали голову, собравшиеся поглазеть на кровавое зрелище зеваки злорадно кричали: «Да здравствует Республика!»[17]

Жанна дю Барри была последней официальной фавориткой, воплощавшей идею королевского фаворитизма. В ее распоряжении были огромные материальные средства, на которые Людовик опустошал государственную казну Франции: большие суммы денег, многочисленные шикарно обставленные и богато украшенные особняки и замки, коллекция драгоценностей, которой до сих пор восторгаются историки, роскошные одеяния. Но ее ненасытная жадность и безудержное хвастовство вызывали ярость народа, и в итоге ей пришлось заплатить за это собственной жизнью. По иронии судьбы, даже когда ее волокли на кровавую казнь, Жанна дю Барри не отдавала себе отчета в том, что на смерть ее обрекли те шесть лет, которые она прожила как фаворитка Людовика.

Лола Монтес[18]

Полвека спустя после гибели Жанны дю Барри другая фаворитка ненадолго завоевала сердце другого короля, и это стоило ему короны. Лола Монтес, действовавшая по принципу «что Лола хочет, то Лола получит», хотела иметь многое из того, что обрела Жанна дю Барри, – славу, богатство и неизменное поклонение богатых и могущественных мужчин. Самым богатым и самым могущественным мужчиной, покоренным Лолой, оказался король Баварии Людвиг I, с которым она встретилась в 1846 г. К счастью для нее, общаться с королями в то время в Германии было гораздо безопаснее, чем в революционной Франции.

Лола Монтес, которую на самом деле звали Элиза Гилберт, родилась в 1820 г. в Индии; жизнь ей дала четырнадцатилетняя жена наскоро вступившего в брак английского солдата. Ее отец умер, мать вторично вышла замуж, и Элизу послали в Англию получать образование. В семнадцать лет она сбежала из школы с лейтенантом Томасом Джеймсом, мужчиной старше ее на тринадцать лет, но оставила его вскоре после того, как стала его женой. Когда оскорбленный муж подал на развод, Элиза сбежала в Испанию, где стала заниматься танцами. Взяв новое имя и придумав себе новую биографию, она вернулась в Англию как Мария Долорес де Поррис-и-Монтес (она предлагала звать ее «просто Лола») – танцовщица и дочь обедневшего испанского аристократа. Кроме того, она стала начинающей куртизанкой, постоянно менявшей покровителей. Она даже как-то вышла замуж за одного из своих поклонников, несмотря на то что официально еще не получила развод.

У Лолы были голубые глаза и черные волосы, а также, как писал один биограф, «жгучий взгляд… прекрасной формы нос… красиво изогнутые брови»[19]. «Ее редкостная, полная чувственности красота превыше всякой похвалы. Но танцы ее скорее похожи на приглашение к физической близости… всем телом своим она пишет “Мемуары” Казановы», – отмечал один обозреватель[20].

Лола торговала не только своей красотой. Умная и предприимчивая, разносторонняя и эксцентричная женщина, она хронически (или патологически) лгала, но при этом временами выказывала великодушное благородство. Она пускала на ветер деньги мужчины, а потом одерживала новую победу над другим, кошелек которого был еще полон. Во время полных приключений и авантюр странствий по Европе она вступала в близкие отношения с Ференцем Листом, сыном британского государственного деятеля Роберта Пила и множеством других поклонников, в число которых входили несколько журналистов. Самым крупным призом, который удалось завоевать Лоле, оказалось сердце старевшего короля Людвига Баварского.

В 1846 г. Людвигу было шестьдесят лет, он правил Баварией уже двадцать один год. Это был строгий и дисциплинированный правитель, начинавший работу до рассвета и превративший Баварию в преуспевающий и богатый край, а Мюнхен – в центр культуры и искусства, университет которого стал одним из лучших учебных заведений в Европе.

Но у Людвига было одно неоконченное дело. Тереза, преданная ему жена, мать его восьмерых детей, дала обет целибата. Тереза всегда мирилась с внебрачными связями любвеобильного Людвига, считая их неизбежными. Но внезапно, уже на пороге старости, непритязательный король с оспинами на лице, который к тому же сочинял стихи и слыл человеком широких взглядов, почувствовал усталость от встреч со случайными жрицами любви и загорелся желанием вступить в прочную связь с женщиной, которая отвечала бы взаимностью на его страсть и любила его таким, каким он был.

Появилась у Людвига и другая неожиданная блажь – страсть к Испании и испанскому языку, который он самостоятельно изучал. И вот невесть откуда возникает знающая себе

цену «испанка» Лола Монтес, одетая в черное платье, придающее ей особенно соблазнительный вид. А ведь что Лола хочет, то Лола получит. И когда Людвиг дал ей личную аудиенцию, она использовала предоставленные ей несколько минут, чтобы очаровать туговатого на ухо, подозрительного и вспыльчивого короля.

С того самого дня Людвиг, который мог выйти из себя, если чувствовал, что к нему относятся без должного уважения, пытаются его обмануть или предать, верил всем лживым выдумкам Лолы. Окружавшие его люди намекали королю на то, что она ему беспардонно лжет, однако ей удалось убедить его в своей принадлежности к знатному семейству, которое пыталось оправиться от потери фамильного состояния. Надо отметить, что Лола владела несколькими языками, но у нее было забавное произношение, и Людвигу доставляло большое удовольствие читать по ее полным губам, как она говорит на «родном» испанском. («Люблю тебя своей жизнью», – напыщенно говорил он ей.) Лола могла быть импульсивной и потакала своим желаниям – например, отказывалась куда бы то ни было ходить без своей декоративной собачки по кличке Сампа, – но Людвиг приписывал это эксцентричности ее натуры. Как и многие мужчины до него, Людвиг безнадежно влюбился в Лолу.

«Я могу сравнить себя с Везувием, который, казалось бы, уже потух, но внезапно вновь ожил, – признался он старому другу. – Я испытываю такую сильную страсть, какой прежде не знал… Жизнь моя обрела новую живительную силу, я снова чувствую себя молодым, и мир мне улыбается»[21].

Лола стала официальной фавориткой Людвига с ежегодным содержанием в десять тысяч флоринов, и еще двадцать тысяч король ей выделил на отделку ее роскошного нового дома. Хоть министры правительства получали шесть тысяч флоринов в год, а танцоры довольствовались жалкими двумястами, Лоле выделенных средств не хватало: ей требовались столовое серебро, хрусталь, драгоценности, роскошная мебель, да и на повседневные расходы всегда недоставало. Когда в казначействе не удалось сократить ее растраты, Людвиг добродушно прищелкнул языком и без долгих раздумий удвоил размер ежегодного пособия официальной фаворитки.

Узнав о том, что вокруг его Лолы постоянно крутится небольшая группа ее поклонников-студентов, Людвиг пришел в замешательство и почувствовал глубокую обиду, но не сделал должных выводов из того, каких она выбирает друзей. Даже когда Лола поразила весь Мюнхен тем, что ночью колотила в дверь квартиры молоденького лейтенанта, потом потребовала у Людвига перевести его из города, но позже попросила отменить это распоряжение, король упорно отказывался верить слухам о том, что она наставляет ему рога. «Лолиту (так я ее называю) пытаются чудовищным образом опорочить», – сетовал он другу[22].

Прошло немного времени, и закрепившаяся за Лолой репутация авантюристки, выуживавшей у поклонников деньги, привела к реальной опасности физической расправы над ней разъяренными жителями Мюнхена, недовольными тем, что она приворожила их короля. Лола отвечала на это показной удалью, прогуливаясь по враждебным улицам города с огромным черным псом по кличке Турок. Но тут над ней нависла новая угроза: в печати появились сообщения о том, что ее настоящее имя Элиза Гилберт Джеймс.

Лола отчаянно защищалась, доказывая, что она – Мария Долорес Поррис-и-Монтес. Одновременно она стала выступать против иезуитов, которые, как она полагала, стояли за этими разоблачениями.

Между тем Людвиг лишь дважды удостоился чести провести с Лолой ночь любви, хотя фаворитка часто позволяла ему целовать себя в губы и ласкать ее изящные ноги танцовщицы. Словно околдованный ворожбой, он согласился возвести ее в дворянское достоинство. В 1847 г. Лола Монтес стала графиней Ландсфельд. «Я могу обойтись без солнца в

небесах, – признался ей Людвиг, – но не без Лолиты, сияющей в моей душе»[23]. Он уверял близких друзей в том, что Лола его очень любит.

Получив титул графини Ландсфельд, Лола стала более властной и вызывающе дерзкой. Единственными ее друзьями были студенты-вольнодумцы, поддерживавшие ее тирады, направленные против иезуитов, а к числу ее врагов можно было отнести жителей всего Мюнхена, если не всей Баварии. Ее ненавидели так сильно, что Людвиг, ранее любимый народом король, оказался перед угрозой потери трона. Вскоре восстал весь Мюнхен, люди громили не только дом Лолы, но и все те здания, в которых, по подозрению ее врагов, она могла скрываться. Лола бежала во Франкфурт, а Людвигу пришлось лишить ее гражданства. «Люди тебя убьют, если ты сюда вернешься», – писал он ей. Для ее же блага, добавил король, он рассматривает вопрос об отречении от престола.

Проигнорировав это признание, графиня Ландсфельд уехала в Швейцарию с новым любовником, которого содержала на деньги Людвига даже после того, как тот отрекся от престола в пользу своего сына Максимилиана и его доходы резко сократились. И тем не менее бывший король не мог соединиться со своей любимой Лолой в изгнании, потому что в Баварии не утихавшая ненависть к ней народа вынудила его семейство запретить ему с ней встречаться. Даже простой визит, сказал новый король своему отцу, поставит под угрозу сам институт монархии.

Лола, занятая своими новыми любовниками, нечасто вспоминала о Людвиге, но ее редкие письма до слез трогали его своей сентиментальностью, и он послушно выполнял ее просьбы – срочно пересылал деньги и ее драгоценности. Потом объявился один из ее бывших мужей, и на этот раз Лоле не удалось избежать неприятностей и опровергнуть его разоблачения. Потрясенный и впавший в отчаяние Людвиг наконец осознал, что его долго водили за нос. Лола подтвердила это, запугивая бывшего короля угрозами продать газетчикам его страстные (и смешные, как он теперь понимал) письма.

Людвиг не мог себе позволить повторить дерзкую фразу лорда Нельсона: «Печатайте и будьте прокляты!» Он пытался ублажать авантюристку и вести с ней переговоры до тех пор, пока совершенно неожиданно и без всяких объяснений Лола не вернула ему все его письма. Людвиг в последний раз выслал ей деньги, а потом постарался уйти в тень зализывать раны.

Лола вспоминала о Людвиге с нежностью и публично: она пространно описала их отношения в своих мемуарах, ставших чрезвычайно популярными после опубликования в Северной Америке, где вместо танцев она выступала с лекциями. В «Лекциях Лолы Монтес», которые вышли из печати в 1858 г., она писала о своем годовом доходе, похваляясь тем, что он доходил до семидесяти тысяч флоринов, и об огромном влиянии, которое оказала на ход европейской истории.

Но суть ее позиции заключалась в следующем: Лола оправдывала воплощенный ею самой тип фаворитизма как поведение «женщины, стремящейся к обретению независимости и влияния, полагаясь при этом лишь на собственные силы, для полного раскрытия своей индивидуальности, а также защищающей всеми средствами, которыми наделил ее Господь, свое право на справедливую долю земных привилегий», – включая, очевидно, и привилегии Людвига. Во многих отношениях «Лекции» Лолы можно воспринимать как защиту фавориткой прав женщин. Вот что она, в частности, писала:

> У гениев нет пола!.. С великими мужчинами дело обстояло до известной степени благополучно, поскольку, как мне представляется, мир не имел права судить о нравственности великого мужчины. Но женщина – увы! Она должна быть святой… ну что ж, пусть такой и будет, тем самым она оставит мужчине все права на все грехи мира![24]

Достигнув зрелого возраста и позже начав увядать, Лола уже не стремилась к славе и почестям. Она все больше внимания уделяла религии и благочестивым делам. За недостатком средств она вела скромную жизнь. В сорок лет Лола скончалась от воспаления легких и осложнений после инсульта в Бруклине, в Нью-Йорке. Похоронили ее под именем Элизы Гилберт – простой женщины, которая покорила сердце короля, лишила его короны, а потом зарабатывала себе на жизнь воспоминаниями о подробностях одержанных ею любовных побед – подлинных и мнимых.

Катарина Шратт[25]

Два десятилетия спустя после того, как баварская чернь разлучила Лолу Монтес с ее королем, другой германский правитель встретил актрису, которой суждено было стать самой сильной любовью в его жизни. В 1873 г. австрийский император Франц Иосиф, которому тогда было сорок три года, впервые увидел на венской сцене красивую блондинку, дебютировавшую в «Укрощении строптивой». Двадцатилетнюю актрису звали Катарина Шратт. Но императора тогда всецело занимал недавно случившийся в Австрии биржевой крах, и он не обратил на нее внимания. В этом не было ничего удивительного, поскольку большую часть жизни Франц Иосиф уделял исполнению долга – вставал, когда не было еще пяти, и работал, решая государственные вопросы, до поздней ночи. Несмотря на значительные просчеты в области внешней политики, он считал себя специалистом в сфере международных отношений. Кроме того, он отлично знал, как организовать государственную службу, которая под его руководством стала в высшей степени эффективной.

Личная жизнь Франца Иосифа складывалась менее успешно, если мерой успеха считать счастье и самореализацию. В эпицентре венской роскоши император во многих отношениях вел спартанский образ жизни. Он спал на железной кровати и не признавал такие, например, предметы личного обихода, как новый купальный халат или коврик рядом с постелью, позволяющий по утрам не ставить ноги на холодный пол. Его жесткая самодисциплина и чувство династического долга распространялись и на семью, от членов которой он требовал поведения, диктовавшегося их высоким положением. Он заставил своего неуравновешенного сына Рудольфа жениться на принцессе Стефании, игнорируя его протесты. Равным образом Франц Иосиф оставался бесчувственным к потребностям и надеждам других членов семьи, а к тем, кто пытался ему перечить, относился с холодным презрением.

Женитьба Франца Иосифа на очаровательной и печально-рассеянной баварской принцессе Елизавете принесла много огорчений. В течение непродолжительного времени после свадьбы, состоявшейся в 1854 г., они были очень счастливы. Потом Елизавета почувствовала, что монотонность и ощущение подавленности, которыми была проникнута жизнь при дворе, угнетают ее, бередят ей душу, а королева хотела быть «вольной как чайка». Она искала выход в путешествиях, а где-то в 1867 г. окончательно покинула супружеское ложе и никогда больше не допускала до себя мужа. Франц Иосиф продолжал ее любить; долгие отлучки Елизаветы, вызванные тем, что она остро чувствовала себя несчастной, причиняли ему сильные нравственные страдания.

Катарина – или Кати – Шратт во многих отношениях составляла полную противоположность Елизавете. Она была честолюбивой и вполне состоявшейся актрисой. После того как ее муж влез в огромные долги, а потом трусливо сбежал, бросив ее с их сыном, ей пришлось полагаться лишь на собственные силы. Она смогла решить свои проблемы лишь после того, как ее почитатели создали для нее фонд пожертвований. Несмотря на печальный опыт, связанный с финансовыми трудностями, Кати не только расточительно тратила деньги, но и увлекалась азартными играми. В остальных отношениях она действовала методически и упорядоченно, много работала и успешно вела домашнее хозяйство, была заботливой матерью и прекрасно готовила, оставаясь чрезвычайно суеверным и глубоко религиозным человеком. Друзья считали ее великодушной и доброй, говорливой и предприимчивой, но, как вскоре убедился Франц Иосиф, она ненавидела, когда что-то складывалось не так, как она хотела, и постоянно жаловалась.

Именно императрица Елизавета зажгла ту искру, из которой возгорелось пламя любви между Кати и Францем Иосифом. Светлокудрая актриса очаровала ее так же, как всю про-

свещенную Вену, и в 1885 г. в голову Елизавете пришла мысль познакомить Катарину с Францем Иосифом, чтобы та помогла императору легче переносить одиночество.

Мечты Елизаветы стали явью. Через несколько месяцев Кати стала фавориткой императора во всех смыслах, кроме физической близости. Франц Иосиф осыпал ее восхитительными драгоценностями, давал ей крупные суммы денег. В ответ она дарила ему четырехлистный клевер и всякие безделушки, посещала ранние утренние мессы, чтобы он видел ее на балконе, а потом вместе с ним завтракала. Она жила скорее двойной, чем двуличной жизнью, дважды в день выступала на сцене и встречалась с друзьями, но остальное ее время было предназначено Францу Иосифу – совместным завтракам, продолжительным прогулкам, посещениям театра, чтению и письмам, которыми они обменивались почти каждый день.

В 1888 г. в одном из писем Кати вышла за рамки своих обычных банальностей и растрогала Франца Иосифа до глубины души. «Пожалуйста, – просил он ее в письме, с которым посылал деньги, – посчитай, сколько тебе еще потребуется на расходы, включая бальные платья и другую одежду, чтобы я мог выслать тебе эту сумму». Это послание задело такие струны в душе Кати, что в порыве благодарности она ответила ему «продуманным письмом», в котором предлагала себя императору в качестве полноценной фаворитки. (Нам остается лишь гадать о содержании ответного письма Франца Иосифа, которое незадолго до смерти он собственноручно уничтожил.)

Император, должно быть, перечитывал это письмо несчетное число раз. Он с нежностью ответил, что Кати, конечно, видела, с каким обожанием он к ней относился, точнее говоря, боготворил ее. Но он любил жену и никогда бы «не оскорбил ее доверие и дружеские чувства» по отношению к Кати. Он надеялся, что в сердце Кати всегда найдется место для него, хотя их отношения никогда не перейдут границы, которые они уже определили.

Кати раскаивалась, она переживала из-за того, что император, возможно, стал бы теперь относиться к ней как к «совратительнице и интриганке». Беспокоилась она зря. Франц Иосиф был зачарован каждым ее словом, каждым поступком, каждым знаком внимания, даже ее «спокойной неделей» – месячными, от которых она регулярно страдала так, что должна была лежать в постели. Но в его письме ясно говорилось о том, что если бы Елизавета была настроена против Кати, то ему пришлось бы положить конец их отношениям. Он также однозначно дал понять, что если бы проявил свою горячую любовь к Кати через физическую близость, то тем самым обесчестил бы Елизавету и нарушил брачные обеты.

Как ни странно, импозантный император пережил немало любовных приключений, но до встречи с Кати не принимал их близко к сердцу и потому не чувствовал за собой вины. Поскольку он ее любил, Кати Шратт приходилось довольствоваться положением его фаворитки, которая не исполняет своих сексуальных обязанностей. Вместо этого она оказывала любимому человеку другие услуги, в частности встречалась с ним на рассвете – и это была весьма обременительная привилегия, если принять во внимание, что днем и вечером ей, профессиональной актрисе, нужно было выступать на сцене. Кати говорила о своей новой жизни, что она «кажется ей не совсем реальной». Она состояла в близкой дружбе с императором. В ее распоряжении были роскошный дом в Вене и загородная летняя резиденция. Кати обладала богатством и ни в чем себе не отказывала, имела большое влияние в театре. Проблемы, с которыми она сталкивалась, были самыми заурядными: избыточный вес (она пеняла на «галопирующее ожирение») и нервное напряжение, которое она испытывала, когда приходилось давить на театральное руководство, чтобы ее утвердили на главную роль. Кати не собиралась бороться со своей страстью к азартным играм, получая удовольствие от выигрышей и позволяя Францу Иосифу оплачивать проигрыши. Она никогда не раздражала императрицу Елизавету, которая в любой момент могла вдребезги разбить ее жизнь, но не сделала этого.

Особенно нежными отношения Кати и Франца Иосифа становились в периоды тяжелых потрясений. Самым мучительным из них оказалась смерть кронпринца Рудольфа в 1889 г.: он выполнил обещание о самоубийстве, данное семнадцатилетней девушке, без которой, как ему казалось, не смог бы жить. Франц Иосиф пришел в ужас, императору претила мысль о том, что его сын пренебрежительно отнесся к своим обязанностям и опозорил свое высокое положение. Кати, однако, со временем удалось передать императору ощущение той боли, какую испытывал Рудольф, его мучений, чтобы отец мог вспоминать о погибшем сыне скорее с состраданием, чем со стыдом.

Такие бурные переживания усиливали зависимость Франца Иосифа от Кати и его доверие к ней. Но вместе с тем они разжигали его скрытую ревность: каждое ее объятие на сцене с другими актерами изводило его и заставляло быть к ней более требовательным. Суть проблемы (как он ее понимал) состояла в том, что Кати была театральной актрисой, и это определяло ее независимость и популярность. Он умолял ее прервать или вообще прекратить дальнейшие выступления, но Кати во что бы то ни стало хотела сохранить независимость, которая так его возмущала, и наотрез отказывалась покинуть сцену.

Несмотря на неразрешимость этого противоречия, они продолжали поступать благоразумно и осмотрительно в рамках их развивавшихся отношений. Они встречались за завтраком, иногда Кати принимала его, лежа в постели в неглиже. Потом они отправлялись в королевские сады и расположенный рядом с дворцом зоопарк, где кормили зверей тем, что осталось от завтрака. Иногда они ссорились, порой довольно серьезно, как тогда, когда она донимала его просьбами дать хорошо оплачиваемую работу ее мужу, с которым давно не жила. Порой у них случались размолвки из-за того, что он считал опасными и легкомысленными ее хождения по горам и перелет на воздушном шаре, который она как-то совершила. Временами она бывала раздражительной из-за диеты, вынуждавшей ее голодать; подчас он бывал раздражителен из-за напряженной работы. Но проблема, связанная с ее игрой в театре, так и не была решена.

Оставаясь необозначенным, невысказанное, видимо, сильно расстраивало двух привлекательных людей, выражавших друг другу свою любовь всеми способами, кроме сексуального. Они были вместе уже много лет, когда Франц Иосиф пошел на некоторое ослабление жесткости своих правил приличия и пригласил Кати вместе с ним отобедать. Его переполняло ощущение счастья, когда он объяснял ей каждую деталь меню. Если бы император мог, он, наверное, проглотил ее целиком, так он ее ревновал.

В 1897 г. случилось невообразимое несчастье. В Женеве молодой итальянец-анархист убил императрицу Елизавету. Горе Франца Иосифа, вызванное этой утратой, не покидало его до самой смерти. Кати тоже оплакивала Елизавету, несмотря на двойственность их дружеских отношений и неизменно сомнительное положение Кати.

Наверное, любая другая женщина – по крайней мере, в глубине души – задалась бы вопросом о том, изменит ли смерть жены любовника ее положение и обретет ли оно в связи с этим законный статус. Если Кати посещали такие мысли, ее должно было ждать жестокое разочарование. Францу Иосифу, который запрещал сыну и другим членам семьи вступать в неравные браки, никогда просто в голову не пришло бы жениться на простолюдинке, даже если бы он ее любил.

На самом деле смерть Елизаветы скорее отдалила их друг от друга, чем сблизила. Сразу же после произошедшей трагедии Кати утешала императора, но вскоре его дочь Мария Валерия, которая всегда считала неуместным присутствие Кати при дворе, стала против нее выступать. Через некоторое время Кати просто уехала. Император огорчился до крайности. В конце концов вмешались друзья, и в 1902 г. Кати вернулась в Вену, но уже на своих условиях. Прежде всего, она положила конец ужасным завтракам в семь часов утра, поскольку, по ее собственным словам, была просто не в себе, если просыпалась раньше девяти. Когда

кто-то обнаружил, что ее нервы расстроены из-за пугающего размера долгов ее (неразведенного) мужа и сына, император оплатил их не раздумывая. Возможно, Кати чувствовала, что задыхается в обстановке двора так же, как в свое время Елизавета, и переняла у покойной императрицы страсть к путешествиям. Она ездила на Канарские острова, плавала по Средиземному морю, побывала на Мальте, в Тунисе, Алжире и Египте. А дома она проводила время с императором и работала на общественных началах.

Когда, в конце концов, скончался незадачливый супруг Кати, поползли слухи о том, что они с императором заключили морганатический брак[16]. Доказательств этого нет, но, если не принимать желаемое за действительное, можно предположить, что убеждения Франца Иосифа никогда бы не позволили ему на это пойти. Возможно, со временем он и Кати стали близки. А почему бы и нет? Она овдовела, он был вдовцом, они любили друг друга, он обладал более чем достаточными средствами и мог рассчитывать на ее безусловное благоразумие. Несмотря на десять с лишним лет отказа от интимной близости, их любовь носила эротический характер, и лишь несокрушимое чувство долга Франца Иосифа обеспечивало целомудренность их отношений.

Их любовная связь завершилась с кончиной Франца Иосифа 21 ноября 1916 г. В отличие от многих других фавориток, Кати Шратт получила приглашение на похороны возлюбленного, и во время церемонии ранее настроенная против нее Мария Валерия плакала у нее на груди. Фаворитка императора вложила в обе его окоченевшие руки по белой розе и навсегда с ним простилась.

Как и во всех других областях жизни, Франц Иосиф выполнил свои обязательства и в отношении Кати Шратт: он ей оставил большое наследство. Она пережила любовника почти на двадцать четыре года, и в 1929 г., когда обрушилась фондовая биржа и многие банки разорились, Кати с сыном, который благодаря Францу Иосифу был возведен в дворянское достоинство и стал бароном Хиршем, жили, ни в чем себе не отказывая.

[16] Морганатический брак – брак лица царствующего дома с лицом не царского рода, не дающий членам семьи привилегий царствующего рода.

Алиса Кеппел[26]

В 1898 г. Алиса Кеппел, замужняя англичанка, встретилась с сыном королевы Виктории Альбертом и в ту же ночь стала его фавориткой. В отличие от ее австрийской современницы Катарины Шратт, Алиса не имела никакой профессии. Возможно, по этой причине она отнеслась к исполнению роли фаворитки серьезно и самоотверженно.

Урожденная Алиса Эдмонстоун, Алиса Кеппел была девятым и последним ребенком в семействе шотландского дворянина не самых голубых кровей. Беззаботное детство она провела в замке, а во взрослую жизнь вступила остроумной и великодушной молодой женщиной. Она была удивительно красива: каштановые с рыжеватым отливом волосы, карие глаза, правильные черты лица и лучистый взгляд, отражавший душевное равновесие. Она была полногрудой и стройной, очень гордилась маленькой ножкой и изящными руками, которые постоянно удостаивались комплиментов.

Алиса вышла замуж по любви за статного и красивого дворянина Джорджа Кеппела – сына графа и лейтенанта Гордонского хайлендерского полка, – жизнь которого омрачало лишь одно обстоятельство: недостаток денег. Кеппелы держали меньше слуг, чем их друзья, а молодоженам очень хотелось быть не хуже других. Проанализировав сложившуюся ситуацию, Алиса заявила, что ей нужно завести состоятельного любовника, и ее покладистый муж молча с ней согласился. К тому времени, когда Алиса встретила Альберта, принца Уэльского, впоследствии ставшего королем Эдуардом VII, она уже имела на счету двух любовников, причем отношений с ними не скрывала.

Что касается Альберта – или Берти, как звали его близкие, – он отбывал воинскую службу в Ирландии, когда родители узнали о его неблаговидном поведении в отношении одной актрисы, с которой у него был роман. Его отец, принц-консорт[17] Альберт, поспешил в Ирландию, чтобы изменить ситуацию, но по дороге заразился тифом и вскоре скончался. Королева Виктория была безутешна, потом она до конца своих дней винила сына в смерти мужа. Так в двадцатилетием возрасте молодой человек потерял и отца, и любовь матери.

В то время, когда Берти встретил Алису, ему было пятьдесят шесть лет, за ним прочно закрепилась слава дамского угодника, наиболее известными любовницами которого были актриса Лили Лэнгтри и светская львица Дейзи Уорвик. Человек долга, Берти с уважением относился к традициям. В качестве принца Уэльского он исполнял свои обязанности добросовестно и со знанием дела. По мере того как Германия предпринимала все более решительные шаги к гегемонии на континенте, Берти направлял все свои усилия на создание «сердечного согласия», англо-французского союза, и эта деятельность снискала ему прозвище Дядя Европы. Европейцы ему аплодировали, а в Англии он пользовался невероятной популярностью.

Тем не менее в личной жизни Берти был неспособен к самодисциплине. Он очень любил поесть и устраивал по пять обильных трапез в день, которые заканчивались стопочкой бренди и сигарой. (Его также называли Тамтам, потому что обхват его талии составлял сорок восемь дюймов[18].) Берти фанатично любил играть в бридж по высоким ставкам и терпеть не мог проигрывать. У него был свирепый темперамент, приводивший в трепет всех, кроме Алисы.

С самой первой встречи Алиса заворожила Берти. Всю оставшуюся жизнь, когда они были вместе, но она беседовала с другим мужчиной, он пристально смотрел на нее и заметно

[17] Принц-консорт – супруг правящей королевы, который не может стать монархом.

[18] Без малого 122 сантиметра.

волновался. Несмотря на то что Берти восхищался Алисой, он не хранил ей верность. Алиса понимала, что ревность и угрозы не привели бы ни к чему хорошему, и попросту игнорировала его ухаживания за другими женщинами. Но для того чтобы Берти даже не задумывался о том, чтобы бросить ее, как он поступил с Лили и Дейзи, она решила крепко-накрепко его к себе привязать.

Прекрасным союзником Алисы в этом намерении оказался ее супруг Джордж. Берти помог ему получить место в чайной компании «Липтон». Джордж занял там отличную должность, обеспечивавшую приличный доход и повод для того, чтобы исчезать из дома ровно в 12.1 5 пополудни – до прибытия Берти, который ежедневно наносил визит Алисе и оставался у нее достаточно долго.

Благодаря зарплате Джорджа и подаркам Берти Алиса могла себе позволить модно одеваться, принимать гостей и жить на широкую ногу. Она посвятила жизнь тому, чтобы доставлять удовольствие, ублажать, развлекать и любить своего любовника. Алиса с удовольствием бывала с ним на охоте, на представлениях и праздниках в Лондоне и на ужинах в узком кругу, всегда неизбежно завершавшихся игрой в бридж. Ее отличали остроумие, сообразительность и предприимчивость, казалось, она неспособна на низость. «Она никогда не использовала то, что знала, к собственной выгоде или выгоде своих друзей, – вспоминал ее знакомый, лорд Хардинг Пеншурст, – и я никогда не слышал, чтобы она плохо о ком-то отзывалась»[27]. Оставаясь наедине, Алиса и Берти занимались любовью в ее роскошной спальне с бесчисленными взбитыми подушечками, бархатными шторами и лилиями, благоухавшими в хрустальных вазах. А внизу она развлекала его в украшенных многочисленными коврами комнатах с серыми стенами, с цветом которых контрастировали алые лакированные шкафчики, и на их фоне резко выделялись величественные портреты, написанные маслом.

Когда Берти отправлялся в Биарриц, где каждый год проводил отпуск, Алиса с дочерьми Виолой и Соней, которых принц обожал, приезжали к нему; однако останавливались они на вилле у друзей, в то время как он жил в гостинице. Дни напролет пара проводила вместе, прогуливаясь по дощатым дорожкам или организуя пикники в английском стиле, когда слуги ждали рядом, пока они перекусывали на свежем воздухе.

Положение Алисы было официальным постольку, поскольку Берти признавал ее своей фавориткой, а британские аристократы из их круга называли ее La Favorita. Однако в 1901 г., когда скончалась его мать и он взошел на престол под именем Эдуарда VII, Берти не смог предложить Алисе никакого дохода из государственной казны, как Карл II выделял средства Нелл Гвин, а Людовик XV – мадам де Помпадур и мадам дю Барри. И когда Берти поехал в Австрию решать дипломатические вопросы, Алису он с собой не взял. Он знал, что австрийский император Франц Иосиф никогда не афишировал связь со своей фавориткой Кати Шратт, и прекрасно понимал, что австрийская императорская семья будет шокирована, если он приедет вместе с Алисой.

Еще больше Алису беспокоило то обстоятельство, что ее недолюбливала супруга Берти – королева Александра. Несколькими годами ранее Александра повздорила с мужем из-за Дейзи Уорвик, и это привело к ужасающему разговору о разводе. В итоге Александра поняла: ей надо самой справляться и с болью своей, и с гордостью – а с фаворитками мужа придется мириться. Когда Берти стал королем, новая королева заставила себя держаться с Алисой вежливо. Но когда у Берти возникли проблемы со здоровьем, всем стало ясно, что именно Александра все еще его жена, а Алиса – всего лишь фаворитка. В связи с этим, когда у него случился приступ аппендицита, Алиса потребовала, чтобы Берти написал ей письмо с просьбой к родственникам позволять ей быть подле него в любое время, если он серьезно заболеет.

Шестого мая 1910 г., услышав жуткую новость о том, что Берти и впрямь оказался на смертном одре, Алиса достала из потайного места это бесценное письмо и бросилась с ним во дворец. С царственным нерасположением Александра позволила бившейся в исте-

рике женщине пройти в комнату больного короля, где тот сказал жене: «Ты должна поцеловать Алису». Александра позволила Алисе себя обнять и тут же прошипела лечащему врачу, чтобы тот избавился от незваной гостьи. Но Алиса утратила выдержку и рассудительность. Предсмертные муки короля так сильно на нее подействовали, что она стала похожа на предвещающее смерть визгливое обезумевшее привидение, вопли которого – «Я никогда никому не делала ничего плохого, у нас все было хорошо, что же теперь со мной станется?» – раздавались во дворце еще несколько часов[28]. Когда Алиса пришла в себя, ей стало ясно, что новый король, Георг V, уже принял меры к ее полному отстранению от придворной жизни. А Александра демонстративно вернула ей любимый портсигар Берти работы Фаберже, который Алиса ему подарила. Ее пригласили на похороны Берти, но наказали войти в церковь через боковую дверцу, чтобы она всем доставила как можно меньше беспокойства.

Алиса быстро оправилась от потери и вместе с Джорджем стала вести жизнь обеспеченных людей, проводя время в путешествиях и встречаясь со светскими людьми. Они купили во Франции виллу и сделали ее своим основным местом жительства. В 1932 г. шестидесяти четырехлетняя Алиса однажды отобедала вместе с Вирджинией Вулф, которая так ее описала: «Смуглая, плотно сложенная, потасканная… старая стяжательница… толстая, шумная, беспардонная, с внешностью потрепанной куртизанки, утратившей все былое обаяние… никакой сентиментальности… никакого снобизма»[29].

Личная оценка Алисой Kennen собственной жизни опровергает вердикт Вулф: она печалилась лишь о том, что ее любовная связь с королем оказалась недостаточно долгой. Она прожила еще пятнадцать лет и скончалась во Флоренции в возрасте семидесяти девяти лет – самоуверенная престарелая дама, которая никогда не подвергала сомнению свое право быть последней официальной королевской фавориткой. В 1936 г., когда Эдуард VIII отрекся от престола, потому что хотел жениться на Уоллис Симпсон, Алиса хмыкнула: «В мое время такие дела делались куда лучше»[30].

Елена Лупеску[31]

Шоа́ породила Германия, но уже к 1920-м годам в Восточной Европе антисемитизм был распространен достаточно широко. Особенно силен он был в Румынии. Евреи составляли там меньше 5 процентов населения и не имели многих прав, которыми пользовались остальные жители страны. Некоторые честолюбивые иудеи жертвовали религиозными убеждениями, публично переходя в христианство, что позволяло им избежать наиболее суровых ограничений из тех, которые порой очень мешали жить их более стойким единоверцам. Однако, как бы они ни ухищрялись, ничто не могло скрыть их еврейского происхождения.

Одним из таких выкрестов был родившийся евреем Николае Грюнберг, который позднее стал именоваться Вольфом, а потом использовал румынский вариант этой фамилии: Лупеску. Чтобы получить румынское гражданство и успешно заниматься бизнесом, Лупеску стал прихожанином румынской православной церкви. Его жена Элизе, тоже еврейка, отдала предпочтение румынской грекокатолической церкви. В 1899 г. у них родилась дочь Елена, которая, как и ее брат Костика, были воспитаны как христиане. В отрочестве Елена даже посещала пансион благородных девиц, основанный немецкими монахинями, которые обучили ее правилам хорошего тона, а также французскому и немецкому языкам.

К окончанию пансиона Елена превратилась в очаровательную, смышленую и кокетливую молодую женщину, весьма миловидную, с безупречной кожей лица оттенка слоновой кости и зелеными глазами, цвет которых особенно подчеркивали рыжие волосы. У нее была соблазнительная фигура, плавная походка – когда шла, она покачивала бедрами, – и, несмотря на образование, полученное в пансионе благородных девиц, за ней закрепилась репутация женщины, склонной к беспорядочным половым связям. После непродолжительного брака с армейским офицером, который очень скоро с ней развелся, уличив ее в супружеской измене, Елена вновь вернулась к разгульной жизни, которая доставляла ей немало удовольствий.

Один из ее приятелей, стремившийся во что бы то ни стало наладить дружеские отношения с кронпринцем Каролем, который, как он полагал, мог помочь ему сделать карьеру, организовал ее первую встречу с ним. Этот приятель решил сыграть на сходстве Елены с супругой кронпринца – принцессой Еленой Греческой, которой, по слухам, тот нередко изменял. Уловка сработала. Кароль, очарованный красотой и *joie de vivre*[19] Елены, вскоре безумно в нее влюбился, как это уже с ним случалось, когда он жил со своей первой женой, Зизи Ламбрино. Зизи была простолюдинкой, и позже по настоянию семьи Каролю пришлось с ней развестись, чтобы жениться на принцессе Елене Греческой, равной ему по происхождению.

Их с Каролем отношения в браке были достаточно натянутыми, порой они обменивались язвительными замечаниями. В 1921 г. у них родился единственный сын Михай. К 1923 г., когда Михаю уже исполнилось три года, Кароль и Дюдюя, как он ласково называл Елену Лупеску, были исполнены любви и верности друг к другу. Вскоре Кароль купил Елене дом, который по причинам осмотрительности и осторожности был зарегистрирован на имя ее брата. С тех пор кронпринц мог встречаться со своей фавориткой в полной безопасности у нее дома на улице Михая Гики в Бухаресте.

Тот факт, что у кронпринцев были любовницы, уже давно никого не удивлял, но Кароль был так сильно влюблен, – причем в женщину, которая имела неблаговидную репутацию не только из-за развода, но также из-за еврейского происхождения, – что это выглядело из ряда

[19] Жизнерадостность *(фр.)*.

вон выходящим. Отец Кароля, король Фердинанд I, был настолько взбешен горячей увлеченностью женатого сына, что даже рассматривал возможность высылки Елены из страны.

В 1925 г. ситуация достигла кульминационной развязки, когда Кароль поехал в Лондон, где представлял румынскую королевскую семью на похоронах их английской кузины – королевы Александры, вдовы Эдуарда VII. После этого он направился прямо в Париж, где его ждала Елена. Пытаясь предотвратить неизбежную огласку их отношений, он и Елена спали (или, по крайней мере, были зарегистрированы) в разных номерах гостиницы.

Однако парижане были слишком любопытны, а Париж находится не так уж далеко от Лондона. Любовники на машине уехали в Италию. Из Венеции в послании к матери Кароль с горечью писал, что жизнь стала для него непереносима и, несмотря на то что это могло ввергнуть всю семью в «великую печаль», он решил не возвращаться в Румынию. «Я еще достаточно молод, – писал он. – Я никогда не боялся работы, и как-нибудь сумею устроить свою жизнь»[32]. Иначе говоря, кронпринц предпочел мирную жизнь в изгнании со своей фавориткой борьбе с семьей, женой (которая позже развелась с ним) и политическими противниками. Конечно, ему помогло то, что он мог воспользоваться немалыми средствами трастовых фондов для поддержания привычного образа жизни, а также то обстоятельство, что он никогда на деле не ставил знак равенства между порывистым протестом и отречением от престола.

После провозглашения своей декларации независимости Кароль и его любимая Дюдюя вернулись во Францию. Они вместе арендовали в Нейи скромный дом, и Кароль стал заниматься самыми разными вещами – машинами, картами, музыкой, дорогой его сердцу коллекцией марок и Еленой. Елена, со своей стороны, ухаживала за собой, развлекала Кароля и занималась с ним любовью, внимательно следя, чтобы он не оставался в одиночестве и не проводил время с другими женщинами.

Сохранение связи с мужчиной, который только что ради нее отказался от королевского права первородства, стало для Елены главным делом жизни. Важнейшая составная часть ее стратегии заключалась в том, чтобы Кароль постоянно ощущал соблазнительную силу ее любви. Но самой главной своей целью Елена считала предотвращение влияния на него его отвратительного семейства, особенно матери – королевы Марии. Та терпеть не могла женщину, которую характеризовала следующим образом: «Привлекательная рыжеволосая маленькая еврейка с самой что ни на есть скандальной репутацией»[33].

Счастливая размеренная совместная жизнь Кароля и Елены была нарушена менее чем через два года кончиной короля Фердинанда. Уже через несколько часов на престол взошел шестилетний сын Кароля и Елены Греческой. Перед смертью Фердинанд сделал все необходимое, чтобы процесс наследования престола прошел без сучка и без задоринки. «Пусть сын мой Кароль скрупулезно исполняет законные условия его отказа от престола, священный долг сына Румынии и отца и с уважением относится к взятым на себя по собственной воле обязательствам»[34].

Кароль, однако, сожалея о жертве, принесенной им во имя любви, принялся поливать грязью тех, кто вынудил его это сделать, и публично заявил, что отрекся под принуждением. А в политически нестабильной Румынии лидеры оппозиции поддерживали передачу ему власти, надеясь, что тем самым будет покончено с репрессивным режимом, установленным людьми, правившими от имени Михая. Но даже эти сторонники Кароля требовали, чтобы он «отрекся от известной связи» с ненавистной Еленой Лупеску[35]. Кроме того, они наводнили Румынию листовками, в которых опровергалось то обстоятельство, что он покинул родину из-за Елены.

Каролю пришлось делать выбор между королевством и фавориткой. Вмешавшись в этот процесс, Елена заявила, что будет «самым счастливым человеком», если Кароль вер-

нется в Румынию в роли короля[36]. И вот 8 июня 1930 г. после принятия конституционных изменений и поправок Кароль принес королевскую присягу и сменил на троне своего малолетнего сына.

Елена, оставшаяся во Франции, чувствовала себя глубоко несчастной. Поддастся ли Кароль на уговоры матери вторично жениться на Елене Греческой? Вынудит ли его давление политических сил бросить свою разведенную еврейскую фаворитку? Будет ли он ее любить как раньше? В смятении и страхе от перспективы его потерять, Елена похудела на семнадцать фунтов, ее постоянно терзали мигрени. Она даже угрожала покончить жизнь самоубийством. «Если бы ты меня любил, ты бы так не поступал. Будь великодушен. Не обманывай меня», – просила она[37].

Спустя два мучительных месяца Елена тайком вернулась в Румынию. Кароль сердился, но, увидев ее вновь, как всегда, подпал под влияние ее чар. Сначала он поселил Елену в гостинице, потом во дворце в Бухаресте. В 1932 г. он купил ей двухэтажный особняк из красного кирпича на проспекте Вульпаче, в фешенебельном пригороде Бухареста.

Интересно, что хотя она кружила Каролю голову, дом, который он ей подарил, по словам одной саркастически настроенной современницы, имел сомнительную репутацию и «был битком набит безликой мебелью и всяким хламом… [Это] доказывало лишь одно: грех себя не оправдывал. Мадам Помпадур перевернулась бы в гробу, увидев, что стало с ее профессией»[38]. Если не считать замечательного биде из зеленого мрамора, ее ванную могли бы обставить Сирс, Робак и Компания. С другой стороны, Кароль оплачивал счета за изысканные, обычно черные наряды парижских модельеров, которые прекрасно оттеняли чудесный цвет ее лица и огненно-рыжие волосы. Он также следил за тем, чтобы она не испытывала недостатка в ювелирных украшениях.

Помимо респектабельного дома, изысканных нарядов и уникальных драгоценностей, Елена в избытке имела то, чем дорожила больше всего, – любовь и преданность Кароля, а также полную свободу влиять на представителей элиты румынского общества, которые собирались у нее дома, где можно было встретиться с самим королем. На самом деле именно эти люди, группировавшиеся вокруг нее, и правили Румынией – как друзья королевы Марии управляли страной в период царствования Фердинанда. (Возглавлял сторонников короля Фердинанда любовник Марии – князь Барбу Штирбей, который, как полагал Кароль, был настоящим отцом его сестры Илеаны.) Власть Елены над Каролем позволила одному историку сделать вывод о том, что «ключом к пониманию… его правления являются его отношения с фавориткой»[39].

Вместе с тем Елена была дальновидной деловой женщиной и, имея возможность контролировать картели и даже извлекать выгоду из заказов Румынии на производство вооружений, сколотила собственное состояние. Единственным, в чем Кароль ей отказывал, была уверенность в завтрашнем дне и признание, которое мог дать только брак. «Король должен вести двойную жизнь – одну как монарх, другую личную», – говорил он[40]. Как бы то ни было, из-за усиления в Румынии и нацистской Германии официального антисемитизма, монархия Кароля не пережила бы его женитьбы на фаворитке-еврейке.

Молодой фанатик Корнелиу Зеля Кодряну, основавший крайне реакционную, антисемитскую, военизированную организацию «Железная гвардия», смог наладить тесные политические связи, в частности в Министерстве внутренних дел. Совместными усилиями «Гвардия» и министерство организовывали погромы, разрушали синагоги и на национальном уровне всячески разжигали ненависть к евреям.

В 1933 г. Ион Дука, премьер-министр страны, возглавлявший в то время Национальную либеральную партию и стремившийся установить в Румынии конституционную монархию, объявил «Железную гвардию» вне закона. Фашисты незамедлительно ответили уда-

ром на удар: Кодряну распорядился убить Дуку. Позже «Гвардия» восстановилась и набрала такую силу, что Каролю потребовалось предпринимать какие-то шаги. Он попытался подорвать влияние «Гвардии», поддерживая другие политические группировки, в частности Румынский фронт, несмотря на то, что он также выступал против международного еврейства и так называемой иудизации прессы и национальной литературы.

На самом деле против евреев выступало большинство румынских политических партий, что дало возможность парламенту преследовать их с помощью репрессивного законодательства. Евреев-адвокатов вычеркивали из списков официально зарегистрированных юристов. Для евреев-студентов при поступлении в университеты вводились процентные нормы, иногда равнявшиеся нулю. Евреям-предпринимателям отказывали в импортных квотах на сырье и товары. Банки не хотели кредитовать евреев-промышленников, но в то же время их предприятия облагали огромными налогами специально, чтобы разорить.

По мере того как немецкий Голиаф пожирал своих европейских соседей, в 1938 г. проведя аншлюс Австрии, а в 1939 г. аннексировав Чехословакию и оккупировав западную Польшу, многие румынские политики стремились воспользоваться представившейся возможностью занять руководящие посты в совместных немецко-румынских предприятиях, и такие шаги неизменно приводили к увольнению всех сотрудников-евреев. В 1940 г., когда Румыния заплатила своей автономией за относительно безопасный статус сателлита нацистской Германии, положение евреев в стране еще более ухудшилось. И тем не менее, пока Кароль не покинул Румынию 6 сентября 1940 г., официальным руководителем процесса нацификации антисемитского румынского государства считался король, чья фаворитка и главная советница была еврейкой.

Очевидно, если бы стало известно, что Кароль II и Елена Лупеску геройски боролись с антисемитизмом, это произвело бы самое благоприятное впечатление. Но истинное положение вещей было иным. Ни он, ни она, как представляется, особенно не переживали по поводу лишения румынских евреев их прав и свобод, включая право зарабатывать себе на жизнь. Близкое окружение Елены представляло собой странную смесь евреев и антисемитов, как будто терпевших друг друга или, по крайней мере, откладывавших на потом взаимную вражду в присутствии женщины, которую многие историки признали, «возможно, самой могущественной фавориткой двадцатого столетия»[41]. Лишь неуязвимость положения фаворитки Кароля защитила ее от унижений, выпавших на долю других евреев.

Елене это было хорошо известно. Она резко отзывалась о Гитлере и замышляла заговор против Кодряну, но при этом категорически отрицала собственное еврейское происхождение. В воспоминаниях, опубликованных в лондонской «Санди ньюс», она писала: «Мой отец был румыном. Моя мать – русская. Мы не евреи, хотя о нас так говорят… У меня есть друзья-евреи, которых я очень люблю, и, если бы я была еврейкой, я бы этим гордилась»[42]. Тем не менее в более безопасной обстановке она признавалась, что в ее жилах течет (хоть такого не может быть) одна десятая еврейской крови. Однако, несмотря на это лукавство, румыны и другие, включая Гитлера, были уверены в том, что она еврейка.

Харизматический лидер «Железной гвардии» Корнелиу Зеля Кодряну заявил, что не убил Елену лишь потому, что опасался, как бы после этого Кароль не утратил контроль над своими действиями. Когда Кароль, в конце концов, понял, насколько опасной силой стала «Железная гвардия», он приказал убить Кодряну. Нет никаких свидетельств причастности Елены к убийству, но ее огромное закулисное влияние дает все основания полагать, что она могла, по крайней мере, побуждать Кароля избавить Румынию от одного из ее самых популярных и жестоких антисемитов.

Но Кодряну был лишь одним из ее бесчисленных врагов, Елену травили и преследовали и другие антисемиты. Студенты университетов на митингах требовали ее смерти. Шофер, отвозивший ее во дворец, где она по ночам встречалась в постели с королем Каро-

лем II, был уволен, когда его жена проболталась о его суждениях об «этой грязной еврейке». Доктор Нойбахер, возглавлявший немецкую экономическую миссию в Бухаресте, говорил Елене о том, как трудно было Германии заключить союз с королем, фавориткой которого была еврейка. Он пытался убедить ее покинуть Румынию и перебраться в нейтральную Швейцарию, но Елена отказалась.

Жизнь самой влиятельной в Румынии женщины не была ни легкой, ни простой. Несмотря на то что она держала правящую клику в ежовых рукавицах, в королевском дворце ее считали *persona non grata*[20]. Бухарестские сплетники знали, что она ездит туда только по ночам. Это щекотало им нервы и одновременно пугало, когда они слышали невероятные истории о том, как Михай, молодой наследник престола, проснувшись однажды ночью, увидел голого отца, бежавшего по дворцовому коридору, и Елену, которая в неглиже гналась за королем с пистолетом в руке. В соответствии с другим шокирующим слухом, который, возможно, содержал в себе долю истины, Елена состояла в близких отношениях со своим новым шофером, который стал ее доверенным лицом и близким другом.

Если Елена иногда и спала с другими мужчинами, ее интерес к ним ограничивался физическим влечением и был мимолетным. А с Каролем ее связывало чувство сильной и трепетной любви. Это чувство прошло проверку временем, выдержало испытание огнем византийской политики Румынии и антисемитизма, а кроме того, разгоревшимся в Европе пожаром войны. Спальню Елены и дворец Кароля связывала специальная телефонная линия. «Она [Елена] приносит мне вечное блаженство», – признавался Кароль в своем дневнике. И еще: «Я постоянно ощущаю непреодолимую потребность в ней. Она составляет неотъемлемую часть моего существа». И еще год спустя: «Моя к ней любовь сильна как всегда. Не могу себе представить жизнь без нее»[43].

Кароль хотел, чтобы Елена вникала во все аспекты его частной жизни, включая отношения с сыном. Ему очень не хотелось, чтобы Елена Греческая настраивала Михая против Елены, и он делал все возможное, чтобы удалить мать своего сына от двора. Вместе с тем Кароль всячески стремился к тому, чтобы Михай хорошо относился к Елене Лупеску. Та делала все, что было в ее силах, чтобы околдовать сына так же, как она сумела околдовать отца, и нередко говорила «мои мальчики», имея в виду Кароля и Михая.

По мере того как Елена укрепляла свои позиции во дворце, положение ее злейших врагов тоже упрочивалось. После убийства руководителя «Железной гвардии» к нему выросли симпатии среди определенных слоев населения, и популярность Кодряну после смерти возросла, подобно вере в Христа. Кароль ответил тем, что сам называл революцией сверху. Он запретил политические партии и профсоюзы, учредил Фронт национального возрождения, единую проправительственную политическую группировку, и провозгласил себя диктатором. Фронт национального возрождения с рабским подобострастием копировал введенные Муссолини и Гитлером порядки, вплоть до того, что перенял и фашистское приветствие. Даже настроенные против евреев румыны стали обвинять Кароля в сговоре с Гитлером, хотя сходились на том, что Елена из-за своего еврейского происхождения не могла принимать участия в таком предательстве.

К весне 1939 г., когда неумолимая сила нацизма, сокрушая все на своем пути, покатилась по Европе, СССР, союзник Германии, выступил против Румынии, аннексировав Бессарабию и Буковину. Кароль настойчиво призывал Гитлера защитить Румынию от коммунистов. Но вместо этого Германия помогла Венгрии захватить Трансильванию. В отчаянии Кароль решил заручиться поддержкой «Железной гвардии». Однако румынские националисты попытались организовать государственный переворот и вывели на улицы толпы народа, требовавшего крови Елены Лупеску. Елена скрылась во дворце, который собиралась разру-

[20] Нежелательное лицо *(лат.)*.

шить. Она упаковала все попавшиеся ей под руку сокровища, а потом в течение двух дней жгла обличавшие ее документы. Вскоре она и Кароль были готовы к бегству из страны – но куда могла направиться эта пара? Кароль приказал доверенному человеку попросить об убежище Гитлера. «Его я приму, а женщину – нет», – ответил виновник Шоа[44].

Шестого сентября Кароль II с мрачным видом подписал документ, который фактически означал его отречение от престола восставшей и распадавшейся страны в пользу его девятнадцатилетнего сына Михая, хотя тот слезно просил не взваливать на его плечи такую колоссальную ответственность. Кароль оставил мольбы сына без внимания. Они с Еленой сели в стоявший наготове королевский поезд, полностью загруженный тоннами их имущества, включая машины, двух пекинесов и трех пуделей.

Но легко бежать им не удалось. Члены «Железной гвардии», которые хотели получить голову Елены, организовали нападение на поезд, когда он уже был в пути. Сначала беглецов сковала нерешительность, но вскоре Кароль принял предложение шофера Елены о том, чтобы просто протаранить паровозом устроенную на станции засаду. Когда удивленные «железные гвардейцы» обстреливали поезд, Елена распласталась в ванне, которую Кароль защищал собственным телом.

Беглецы прибыли в нейтральную Испанию, но непрестанная слежка вынудила их двинуться дальше, в Португалию. Когда они пересекали границу, Кароль, скрючившись, прятался в багажнике автомобиля. Во всей Европе, казалось, было неспокойно. Они решили пересечь Атлантический океан, но, когда попросили убежища в Соединенных Штатах, первой стране, к чьим официальным представителям обратились, Кароля обвинили в сотрудничестве с нацистами и аморальном поведении, заключавшемся в том, что он изменял Елене Греческой с Еленой Лупеску. Куба оказалась гораздо более терпимой и согласилась их принять, но в Гаване Елена мучилась от жары. Они уехали и оттуда – сначала в Мексику, а в 1944 г. в Бразилию, где решили остаться.

В 1947 г. Елена тяжело заболела: у нее диагностировали пернициозную анемию. Ее врач сказал Каролю, что болезнь дошла до неизлечимой стадии и Елена уже находится на пороге смерти. «Моя милая, чудесная подруга, – писала в телеграмме ее приятельница Барбара Хаттон, богатая наследница торгового магната Франка В. Вулворта, – я очень расстроилась, узнав о твоей болезни, и хочу сказать тебе, что всем сердцем, мыслями и молитвами я с тобой»[45].

Кароль пришел в отчаяние. Будучи уверен, что теряет ее навсегда, он решил дать ей то, в чем всегда отказывал: брак. 5 июля 1947 г. в спальне гостиницы состоялась свадебная церемония, после которой фаворитка Кароля II стала ее королевским величеством принцессой Еленой Румынской.

Как это ни удивительно, ее королевское величество изволили чудесным образом выздороветь. Возможно, Елена подговорила своего врача преувеличить серьезность ее недуга в надежде на то, что Кароль на ней женится. Его нежелание пойти на этот шаг, скорее всего, объяснялось убеждением в превосходстве его королевской крови над ее кровью простолюдинки.

Вскоре после свадьбы королевская чета обосновалась в Португалии, где Кароль повторно сочетался браком со своей почти пятидесятилетней супругой; церковную церемонию провел епископ румынской православной церкви. Их брак продолжался до 3 апреля 1953 г., когда Кароль скончался от рака. Некоторые члены семьи присутствовали на пышной церемонии его похорон, во время которой измученная Елена рыдала и в отчаянии шептала: «Я хочу умереть».

Наследство Кароля – точнее, его очевидное отсутствие – вызвало гораздо больший интерес у его родственников, которые обратились в суд в надежде получить свою долю и пытаясь доказать, что бывший король где-то припрятал огромное состояние. Версия Елены

была совершенно иной: по ее словам, Кароль оставил ей только четырнадцать тысяч долларов и оформил на ее имя дом, в котором они жили. Каким бы ни было истинное положение вещей, оставшись вдовой, Елена жила в свое удовольствие со слугами, ухаживавшими за ней и следившими за домом. Действительно, деньги, которые она тратила, вполне могли принадлежать ей – Елена могла их накопить в Румынии в бытность влиятельной фавориткой короля.

Без Кароля она во многом утратила присущую ей элегантность и респектабельность. Может быть, она постоянно вспоминала о своих царственных родственниках – истинных и мнимых. Она уже не отрицала свое еврейское происхождение и придумывала истории о том, как много сделала, чтобы помочь «своему народу» в годы Шоа́. К тому времени она уже знала о результатах кровавой расправы в ее стране: 264 900 румынских евреев (43 процента) погибли в результате погромов, массовых убийств, депортации и отправки в концентрационные лагеря либо стали жертвами болезней, голода или бездомных скитаний[46]. Хотя Елена, скорее всего, не могла бы облегчить страдания евреев, даже если бы попыталась, она старалась выдать желаемое за действительное. Скончалась Елена Лупеску 28 июня 1977 г., оставив по себе славу одной из самых влиятельных в мире фавориток.

Камилла Паркер-Боулз[47]

Наиболее известной фавориткой представителя королевской семьи в двадцатом веке, несомненно, является Камилла Паркер-Боулз. Несмотря на ее пренебрежение большинством условностей, традиционно связанных с женщинами такого рода, Камилла завоевала царственное сердце наследника британского престола принца Чарльза. Кроме того, ей удалось добиться того, что смягчился некогда враждебно относившийся к ней народ. При согласии британцев – если не поддержке, – вполне возможно, она все-таки выйдет замуж за своего принца[21].

Алиса Кеппел – прабабушка Камиллы и фаворитка прапрадедушки Чарльза, – вполне возможно, этого бы не одобрила. Когда Эдуард VIII отрекся от престола, чтобы жениться на Уоллис Симпсон, Алиса, как известно, усмехнулась и заметила, что в ее время такие дела делались куда лучше. В ее время у королей были жены и фаворитки – и всё тут. Точка. Теперь настали другие времена, и потребности принца Чарльза, как и методы достижения цели, существенно отличаются от тех, что существовали во времена его прапрадеда.

История отношений Камиллы и Чарльза хорошо известна. Впервые они встретились на поле для игры в поло после сильного дождя. Ничего особенно примечательного в их встрече не было. Тогда эту веселую девушку из аристократической семьи еще звали Камилла Шанд, она была в неприглядном костюме для игры в поло, который насквозь промок, и представилась Чарльзу, когда тот успокаивал своего мокрого пони. В тот раз они болтали больше часа. В какой-то момент Камилла напомнила Чарльзу, что ее прабабка была фавориткой его прапрадеда[48].

Тогда – в 1970 г. – Камилле было двадцать три года, Чарльзу – двадцать два. Хоть она и ее семья не были баснословно богаты, в социальном плане Камилла и Чарльз отлично подходили друг другу. Камиллу готовили к тому, чтобы стать супругой богатого и высокопоставленного мужчины. «Куинз-гейт скул», школа в Южном Кенсингтоне, где она училась, воспитывала будущих жен для половины дипломатического корпуса и большинства представителей английской знати. «Милла, как тогда обычно называли Камиллу, была приятной, обстоятельной девушкой, на которую можно было положиться, заводной и веселой, все ее любили», – вспоминала одна из ее школьных подруг. Другая замечает, что, хоть красавицей ее назвать было нельзя, «она обладала определенным обаянием». И добавила: «Недостатки внешности она вполне компенсировала душевностью и искренностью». А по словам Кэролин Бенсон, Камилла, ее ближайшая подруга на протяжении всей жизни, была «веселой и яркой; ее обожали мальчики… Она могла говорить с парнями о том, что их интересует. Она всегда… была девочкой, созданной для мальчиков»[49]. Камилла никогда не прихорашивалась ради привлечения мальчиков, а позже мужчин: она одевалась просто, ногти у нее нередко бывали обкусанными и неухоженными, волосы растрепанными, она использовала минимум косметики и, тем не менее, выглядела необычайно сексуально, как магнитом притягивая к себе взгляды мужчин.

Когда Камилла встретилась с принцем Чарльзом, она жила вместе с подругой, которая терпимо относилась к тому, что та заваливала грязной одеждой комнату, потому что «была такой милой, что сердиться на нее было невозможно. Она чем-то напоминала большого и шумного любимого домашнего питомца»[50]. Уже тогда Камилла состояла в серьезных отношениях с Эндрю Паркер-Боулзом – армейским офицером и одним из друзей Чарльза. Эндрю

[21] Принц Чарльз женился на Камилле Паркер-Боулз 9 апреля 2005 г.

был очаровательным, опытным в искусстве любви и щедрым молодым человеком, но его измены сильно задевали Камиллу.

Сначала Камилла побуждала Чарльза к ухаживаниям, желая как-то досадить Эндрю. Принц в нее влюбился, и вскоре все их приятели были в курсе того, что у них завязался роман. Чарльзу нравилось ироничное остроумие Камиллы, ее добродушие и непритязательность. Оба обожали лошадей, любили сельскую жизнь, как ее понимают верхи английского общества. И, как все остальные любовники Камиллы, Чарльз всецело попал под обаяние чар ее бившей через край сексуальной привлекательности.

Чарльз не ощущал официального противодействия роману с Камиллой. Но его наставник и приходившийся ему дядей близкий друг, лорд Луис Маунтбеттен, полагал, что она больше подходит на роль любовницы, чем супруги. Как-то он даже одобрительно заметил, что по внешнему виду и поведению Камилла «чрезвычайно сильно» напоминает Алису Кеппел[51]. Однако в отличие от своей предшественницы, целиком сосредоточившей внимание на одном объекте, сердце Камиллы вмещало столько симпатий, что она даже как-то спросила у подруги, можно ли одновременно любить двух мужчин.

В 1971 г. Чарльз поступил в военно-морской колледж в Дартмуте и ушел в плавание, отмечая свой путь длинными романтическими письмами, написанными на борту корабля. Эндрю был польщен тем, что Камилла, встречавшаяся с принцем Уэльским, вновь стала проявлять к нему интерес. Прошло совсем немного времени, и Камилла поддалась своей страсти к Эндрю.

Тем не менее она не прекращала отношения с Чарльзом окончательно, пока во время визита он не сделал ей предложение. Камилла мягко ему отказала. Она сказала, что любит его, но выйти за него замуж не может. Через некоторое время на борту военного корабля «Минерва» Чарльз узнал, что Камилла и Эндрю Паркер-Боулз помолвлены. Он ушел к себе в каюту. Позже те, кто был с ним на корабле, отмечали, что веки его покраснели.

Вернувшись на сушу и оправившись от удара, Чарльз встречался со многими молодыми женщинами, соответствовавшими его положению. Он возобновил дружеские отношения с уже замужней Камиллой и ее супругом.

К этому времени у Камиллы с Эндрю сложились отношения, которые их друзья характеризовали как открытый брак. По рабочим дням Камилла оставалась одна в Болехайде, их загородном особняке, а Эндрю жил в Лондоне и возвращался домой в основном на выходные. Камилла, казалось, вполне счастливо жила в деревне, занимаясь домом, садом, верховыми лошадьми, заботясь о детях и собаках. Когда родился ее сын Томас Генри Чарльз, крестным отцом мальчика стал ее бывший любовник и дорогой друг принц Чарльз.

В 1979 г., через год после того, как Камилла родила дочь, в результате террористического акта, организованного Ирландской республиканской армией, погиб лорд Маунтбеттен. Чарльз был подавлен и опустошен, он искал утешения у Камиллы. Вскоре они стали неразлучны. Под влиянием нахлынувших чувств Чарльз просил Камиллу развестись с Эндрю и выйти замуж за него. Она вновь мягко сказала ему нет, но на этот раз мотивировала отказ тем, что такой опрометчивый шаг может лишить его шансов когда-нибудь взойти на престол. Чарльз согласился с ее решением, но впоследствии, видимо, оказался не в состоянии справиться с бурными чувствами, которые к ней питал. Как-то на балу весь вечер Чарльз танцевал с Камиллой, а его официальная спутница взяла у хозяев машину и в бешенстве оттуда уехала.

Однако будущему королю все еще требовалась невеста – девственница, которая произвела бы на свет наследников престола. Камилла, как самое доверенное его лицо, стала подбирать подходящие кандидатуры. Она и королева-мать независимо друг от друга остановили выбор на леди Диане Спенсер – высокой, длинноногой и весьма привлекательной девушке

из такой как надо семьи, с таким как надо прошлым, то есть вообще без прошлого, которая к тому же отличалась чрезвычайной скромностью.

По некоторым сведениям, накануне сказочной церемонии бракосочетания Чарльза и Дианы жених провел ночь в объятиях Камиллы[52], с печалью в сердце прощаясь со своим эротическим прошлым. Диана вступила в супружескую жизнь с дурными предчувствиями в отношении Камиллы. «Я спросила Чарльза, любит ли он все еще Камиллу Паркер-Боулз, и он не дал мне однозначного ответа, – признавалась она помощникам Чарльза. – Что мне теперь делать?»[53] И впрямь, что ей было делать? Близкие ей люди могли только сочувствовать, но не успокоить. На деле Чарльз подошел к своему бракосочетанию в «расстроенных и смущенных чувствах», причем это усугублялось тем обстоятельством, что он все еще любил Камиллу. И тем не менее он надеялся, что, женившись на Диане, со временем научится любить и ее.

Накануне свадьбы Диана обнаружила подарок с гравировкой, который Чарльз заказал для Камиллы; он сказал ей, что этот подарок прощальный. Но Диана ощутила ревность и в то же время испугалась. Она не поверила объяснениям Чарльза. Диана рыдала и негодовала, полагая, что эмоционально он привязан к другой женщине.

Брак Чарльза и Дианы с самого начала был омрачен пропастью, образовавшейся из-за их несовместимости, незрелости и непостоянства характера Дианы, сарказма и ледяных критических замечаний Чарльза, а также из-за присущей каждому из них сосредоточенности на самом себе и обоюдного эгоизма. Их занятия любовью также были омрачены неприязнью Дианы к половой жизни и приступами булимии, мучительного чувства голода, который ослаблял и постоянно беспокоил ее. Но, словно всего этого было мало, их отношения еще больше отравляли подозрения Дианы относительно того, что Чарльз продолжает состоять в интимной близости с Камиллой.

Сначала, когда Диана злилась или погружалась в печаль, Чарльз замыкался в себе и поверял свои горести друзьям, в первую очередь Камилле, которую считал самым лучшим в мире другом. Сторонники Дианы полагают, что Чарльз и Камилла состояли в близких отношениях с самого начала этого брака. Сторонники Чарльза и Камиллы настаивают на том, что на протяжении многих лет их отношения носили чисто платонический характер и что Чарльз на самом деле многое делал для того, чтобы сохранить их с Дианой непростой брак, не приносивший удовлетворения ни ему, ни ей. Вместе с тем не вызывает сомнения тот факт, что через пять лет этот брак распался. В окончательной редакции биографии «Принц Уэльский», которую Чарльз перед публикацией читал особенно внимательно, Джонатан Димблеби пишет о том, что этот брак распался не в результате какого-то одного события, а что он «рушился постепенно»[54]. По мере того как это происходило, Камилла всегда была готова выслушать версию Чарльза о его домашних невзгодах. В 1986 г. они с Чарльзом возобновили интимные отношения.

Вскоре после свадьбы Чарльз стал владельцем поместья Хайгроув, расположенного в одиннадцати милях от дома Камиллы. Там выстроен красивый дом в неоклассическом стиле, а вокруг раскинулись 340 акров живописных сельскохозяйственных угодий, которые очень нравились Чарльзу, а Диану только расстраивали. Двоюродный дядя Чарльза, принц Майкл, полагал, что Диана оказалась «катастрофой» и что Чарльз купил Хайгроув, чтобы быть поближе к своей бывшей подруге Камилле.

Продолжавшие усугубляться проблемы Дианы – булимия и периодически повторявшееся депрессивное состояние – отталкивали и раздражали Чарльза. Диана в отчаянии жаловалась на то, что не может его расшевелить, и даже симпатизирующий ему биограф признавал, что «принц не всегда был к ней внимателен»[55]. Однако когда Чарльз делился с Камиллой наболевшим или когда их общие друзья рассказывали им о последних выходках Дианы, пре-

данная принцу любовница пренебрежительно отзывалась о его жене, говоря о ней как о «смешной женщине»: такое ее отношение как бы снимало с Чарльза какую бы то ни было ответственность за неуравновешенное состояние его супруги.

На деле отчаянные усилия Дианы, направленные на то, чтобы отношение к ней мужа улучшилось, привели лишь к еще более тесному сближению Чарльза и Камиллы. Их близкие отношения были не просто удовлетворением насущной потребности – они стали победой над Дианой. Чем хуже становились отношения принца и принцессы в браке, тем сильнее Чарльз нуждался в любви и поддержке Камиллы.

Брак Камиллы тоже не был счастливым. В течение многих лет она терпела ухаживания Эндрю за другими женщинами и его продолжительные отлучки. Но после того как ее дорогой старый друг Чарльз ясно дал ей понять, что любит ее и испытывает к ней неизменное влечение, Камилла вновь ответила на его чувства. Сочувствующие друзья помогали им решать возникавшие проблемы, предоставляя влюбленной паре свои дома, приглашая их к себе, когда они назначали друг другу свидания, и в определенном смысле легализировали их отношения, позволяя им расцветать в обстановке молчаливого одобрения и тактичного благоразумия.

Когда Диана узнала, что так называемые друзья помогали Чарльзу и Камилле за ее спиной, она почувствовала себя преданной и бессильной одержать победу над ненавистной соперницей. Одной из причин ее отчаяния было то, что, несмотря на ее красоту и прекрасный вкус, она оказалась не в состоянии одолеть невзрачную, игнорировавшую моду фаворитку мужа, которая к тому же была значительно старше ее. Огромное число обозревателей и комментаторов не без ехидства и язвительности разделяли такую точку зрения. Излюбленным журналистским приемом стало противопоставление фотографий двух женщин – опрятной и элегантно выглядящей Дианы и неряшливой и безвкусно одетой Камиллы. Нередко редакторы выбирали снимки, на которых лицо Камиллы искажала гримаса или она выглядела сердитой и недовольной. В действительности Камилла миловидная, аккуратная в одежде женщина с округлыми формами; природа также одарила ее прекрасными волосами, просто она десятилетиями предпочитает укладывать их в одну и ту же прическу.

Несмотря на то что Диана обладала восхитительной фигурой, Чарльз не поддавался обаянию жены – мало того, его шокировала ее экстравагантность. Что касается увеличивавшегося числа свидетельств того, что она тоже была ему неверна, Чарльза это попросту не интересовало – точнее, ему это было безразлично; близкие к нему люди делали вывод о том, что для него было приемлемо все, даже измена, лишь бы Диана находилась подальше от него. Все это ободряло Камиллу, которая каждый раз, когда просматривала газеты или включала телевизор, могла наткнуться на снимки Дианы или связанные с ней истории.

К 1986 г. Диана уже почти не наведывалась в Хайгроув, о котором отзывалась как о тюрьме, а Камилла уже почти поселилась там со своими джек-рассел-терьерами Тоской и Фредди и любимым гнедым гунтером Молли, расположившемся в конюшне Чарльза. Камилла принимала его гостей, которые оставались на ужин, а после вечерней трапезы она и Чарльз удалялись в спальню.

Как-то Камилла столкнулась с Дианой в один из ее редких визитов в поместье. Позже Диана рассказывала подруге: «Я накричала на Чарльза за то, что он спит с этой женщиной в моей постели… Я спрашивала его, почему он с ней трахается… Я была уверена в том, что он спит с этой сучкой… Я знала, что шансов у меня нет. Я знала, что он любит ее, а не меня – и всегда ее любил»[56]. К тому времени Диана, ставшая очень популярной в средствах массовой информации, всячески стремилась к тому, чтобы широкая публика так же ненавидела Камиллу, как и она.

По мере того как усиливались публичные нападки на Камиллу, Чарльз самоотверженно ее защищал и, общаясь с друзьями, называл ее единственной любовью своей жизни.

Камилла поступала так же. На обломках двух несчастливых браков возникла новая великая любовь – так или примерно так полагали или стали считать сторонники Чарльза и Камиллы.

Если Камилле и Чарльзу требовалось моральное или даже социальное оправдание их измен, и он, и она могли сослаться на внебрачные похождения своих супругов. «Эта смешная женщина», – не уставала повторять Камилла, когда говорила о жене своего любовника. Диана, отзываясь в разговорах с друзьями о женщине, которая не желала оставить в покое ее мужа, называла ее не иначе как ротвейлер.

К 1988 г. ревнивая ненависть Дианы к Камилле усилилась, несмотря на то что к этому времени она уже сменила нескольких любовников. Диана говорила о сопернице со своими друзьями и сотрудниками, а в начале 1989 г. поинтересовалась у астролога, как ей быть с «присутствием Камиллы». В феврале во время приема по поводу дня рождения Анабел, сестры Камиллы, принцесса Диана решила выяснить отношения с любовницей мужа.

Уже было достаточно поздно, когда Чарльз с Камиллой куда-то ушли, но Диана их вскоре нашла: они общались с несколькими приглашенными гостями. Она сказала Камилле, что хотела бы переговорить с ней с глазу на глаз. Все отошли в сторону, но Чарльз сделал это неохотно. Диана, как сама она позже вспоминала, была «спокойна, мертвенно спокойна». По одной версии произошедшего, она вежливо спросила Камиллу: «Что я не так делаю? Или со мной что-то не так? Почему он хочет быть с тобой, а не со мной?»[57] По другой версии, Диана сказала явно смущенной Камилле: «Я хочу, чтоб ты знала: мне точно известно о ваших с Чарльзом отношениях; я не вчера родилась». В этот момент в разговор попытался вмешаться один из гостей, но Диана продолжала: «Мне очень жаль, что я мешаю вашим отношениям. Ясно, что я вам стою поперек дороги, и вас двоих, должно быть, это бесит, но я прекрасно знаю, что происходит. Не надо меня считать идиоткой»[58]. По версии одного из приглашенных на ту вечеринку, Диана при всех спросила: «Почему бы тебе не оставить моего мужа в покое?»[59] Чарльзу она, правда, сообщила, что сказала Камилле, что любит его. Как бы ни было на самом деле, Камилла больше никогда не разговаривала с Дианой.

В разразившейся в королевском семействе междоусобной войне очевидной победительницей оказалась Диана. Ее самой большой удачей стала договоренность с сотрудником дворцовой охраны, в соответствии с которой тот тайно записал на пленку телефонный разговор Чарльза и Камиллы. В этой беседе они говорили друг другу о том, как соскучились по физической близости, при этом Чарльз признавался любовнице, что хотел бы стать гигиенической прокладкой «тампакс» у нее в трусиках![60]

Три года спустя, в 1992 г., эта запись была обнародована. Разразился скандал, получивший название «Камиллагейт», и люди принялись соревноваться в пародиях на злосчастное высказывание Чарльза о «тампаксе». Некоторые говорили, что запись на магнитной пленке свидетельствовала о том, как Чарльз и Камилла поддерживали и утешали друг друга[61]. Камилле, например, очень хотелось прочитать речь, которую готовил Чарльз. Принц ответил на сетование Камиллы о том, что она немногого достигла в жизни, весьма своеобразно: он похвалил любовницу за то, что она его любит, и назвал это «главным ее достижением». На это Камилла ответила: «Мой дорогой, это легче, чем упасть со стула»[62].

После «Камиллагейта» и выхода в свет в 1997 г. сенсационного издания «Диана. Ее истинная история – ее собственными словами» – откровенной книги Эндрю Мортона о жизни принцессы Дианы и неудавшейся любви, Камиллу стали узнавать всюду, где бы она ни появлялась. И она, и ее жизнь превратились в достояние общественности. Камилла потеряла в весе больше пятнадцати фунтов, она курила одну сигарету за другой и очень страдала из-за того непоправимого вреда, который нежелательная реклама нанесла Чарльзу, ее мужу и своей семье.

Но позже, когда некоторые журналисты высказали сомнения в том, что Камилла была искренне оскорблена как супруга, волна публичного осуждения перекинулась на Диану. Британская газета «Сан», например, решила опубликовать материал, позже получивший известность под названием пленка «Скуиджи». В этой шокирующей записи прослушки торговец подержанными машинами Джеймс Гилби признается Диане в любви, спрашивает ее о том, занималась ли она в последнее время мастурбацией, обсуждает с ней ее опасения по поводу вероятности забеременеть и выражает ей сочувствие, когда она жалуется на «эту мерзкую [королевскую] семейку»[63].

Шумиха вокруг Чарльза и Дианы, затронувшая также нескольких любовников Камиллы и Дианы, подкреплялась фактами и в целом носила негативный характер; она нанесла репутации королевской семьи самый ощутимый урон с 1936 г., когда Эдуард VIII отказался от престола, чтобы жениться на Уоллис Симпсон – дважды разведенной американке, в которую влюбился. Чарльза эта история повергла в слезливое и озлобленное отчаяние, и в этом состоянии он даже, подобно Байрону, подумывал о том, чтобы из Англии перебраться в Италию. Королева Елизавета и принц Филипп от нападок прессы были в ярости. «Теперь вся эта проклятая страна знает, с кем ты спишь!» – кричал принц на сына[64].

Отец Камиллы, майор Брюс Шанд, негодовал еще сильнее. «Жизнь моей дочери разрушена, ее детей высмеивают и презирают, – говорил он Чарльзу. – Из-за вас опозорена вся моя семья… Вы должны прекратить всякие контакты с Камиллой – и сделать это вы обязаны незамедлительно!»[65]

9 декабря 1992 г. в Букингемском дворце было объявлено о том, что Чарльз и Диана расстаются. Накануне Рождества 1993 г. Чарльз по телефону сообщил Камилле, что, несмотря на его любовь к ней, он прекращает их отношения. Камилла с достоинством приняла его «окончательное» решение. Но не прошло и трех месяцев, как Чарльз понял, что не может без нее жить. К февралю 1994 г. Камилла снова стала его любовницей.

В июне 1994 г. в телевизионной передаче Чарльз признал, что после пяти лет, прожитых с Дианой, когда надежд на сохранение их несчастливого брака больше не осталось, он и «миссис Паркер-Боулз» стали любовниками. «Она много лет была моей близкой подругой и на многие годы ею останется», – сказал он[66]. Камилла побуждала его выступить с чистосердечным признанием относительно их отношений, полагая, что сам по себе такой шаг положит конец повышенному вниманию прессы к этой теме.

Реакция общественного мнения на это телевизионное заявление подтвердила ее точку зрения. Чарльз по сути стал одним из множества других мужчин, которые заводили себе любовниц после того, как разочаровывались в браке. Камилла в передаче фигурировала лишь как «другая женщина», которая пользовалась поддержкой общественного мнения. Она вела себя с удивительной выдержкой, и в конце концов ее поддержали двор, отец и муж, который говорил, что вообще не понимает, из-за чего все так суетятся. «Дейли мейл» риторически спрашивала читателей: «Не настало ли время прекратить третировать эту достойную женщину?»[67]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.